

**ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**
РАНХиГС ХАБАРОВСК

ISSN 1818-4049 (Print)
ISSN 3033-635X (Online)

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

POWER AND ADMINISTRATION IN THE EAST OF RUSSIA

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Д. В. СУСЛОВ

Инвестиционные взаимодействия стран Северо-Восточной Азии:
влияние процессов фрагментации в мировой экономике

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

О. М. РЕНЗИН

Активизация экономики на российском Дальнем Востоке:
институциональная комбинаторика

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

А. В. БЕЛОУСОВА, А. Г. ИСАЕВ

Базовый сектор экономики как продуцент регионального роста
в условиях ограничений по трудовым ресурсам

СОЦИОЛОГИЯ

Д. В. АНДРЕЕВ, М. М. ПОТАНИН, А. А. ХОМЕНКО

Влияние контрольной нагрузки на инвестиционную активность
предпринимателей Дальневосточного федерального
округа: результаты опроса бизнес-сообщества

**№ 4
(113)
2025**

ХАБАРОВСК

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2025 г. №4 (113)**

Научный журнал «Власть и управление на Востоке России» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Scientific journal «Power and Administration in the East of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science must be published.

ISSN 1818-4049 (Print)

ISSN 3033-635X (Online)

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2025 г. № 4 (113)**

Научный журнал основан
в марте 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор: О. Г. Поливаева

Адрес редакции:

680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33. Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Тел. (факс): (4212) 305-306. E-mail: rio-dviu@ranepa.ru

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82)

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (верстка, дизайн, макет), 2025

© Авторы, 2025

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48935 от 12 марта 2012 г.

Редакционная коллегия:

Н. М. Байков, д.с.н., профессор (Россия)

Е. Н. Галичанин, д.э.н., профессор (Россия)

И. А. Гареева, д.с.н., доцент (Россия)

Ю. А. Зубок, д.с.н., профессор (Россия)

С. Г. Максимова, д.с.н., профессор (Россия)

Е. Л. Мотрич, д.э.н. (Россия)

Е. С. Осипова, д.э.н., доцент (Россия)

О. М. Прокапало, д.э.н. (Россия)

О. М. Рензин, к.э.н., ст. науч. сотр. (Россия)

А. М. Сергиенко, д.с.н., доцент (Россия)

О. И. Тишутина, д.э.н., доцент (Россия)

С. Н. Третьякова, д.э.н., доцент (Россия)

Ю. А. Тюрина, д.с.н., профессор

(Россия)

Андреас Кнорр, доктор, профессор

(Германия)

Зенджиро Сугиура, профессор (Япония)

Ма Юцзюнь, доктор, главн. науч. сотр.

(Китай)

Чжун Цзяньпин, д.и.н., профессор

(Китай)

При перепечатке ссылка на журнал «Власть и управление на Востоке России» обязательна. Рукописи рецензируются.

Мнения, высказываемые авторами, могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

ISSN 1818-4049 (Print)

ISSN 3033-635X (Online)

POWER AND ADMINISTRATION IN THE EAST OF RUSSIA

**scientific journal
2025, no. 4 (113)**

Scientific journal is founded
in March, 1998
Is issued 4 times a year

Editor-in-Chief: O. G. Polivaeva

Address:

Russia, 680000, Khabarovsk, Muraviova-Amurskogo St., 33. The Far-Eastern institute of management – branch of the Academy of National Economy and Public Administration by the President of the Russian Federation. Tel. (fax): 305-306. E-mail: rio-dviu@ranepa.ru

Founder:

The Federal state budgetary educational institution of the highest education “The Russian Academy of National Economy and Civil Service by the President of the Russian Federation” (119606, Moscow, 82, Vernadskiy prospect)

© The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (layout, design), 2025

© Authors, 2025

The periodical is registered by the Federal Service for supervision in the sphere of communication, information technologies and mass communications (Roscommnadzor). The certificate about the registration of the mass information PI № FS77-48935 dated March 12, 2012.

Editorial Staff:

N. M. Baykov, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

E. N. Galichanin, Doctor of Economy, Professor (Russia)

I. A. Gareeva, Doctor of Sociology, Associate Professor (Russia)

Yu. A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

S. G. Maksimova, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

E. L. Motrich, Doctor of Economy (Russia)

E. S. Osipova, Doctor of Economy, professor (Russia)

O. M. Prokapalo, Doctor of Economy (Russia)

O. M. Renzin, Candidate of Economy, chief scientific researcher (Russia)

A. M. Sergienko, Doctor of Sociology (Russia)

O. I. Tishutina, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)

S. N. Tretyakova, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)

Yu. A. Tyurina, Doctor of Sociology, professor (Russia)

Andreas Knorr, Doctor, Professor (Germany)

Zenjiro Sugiura, Professor (Japan)

Ma Yujun, Doctor, Chief Researcher (China)

Zhong Tsyangpin, Doctor of History, Professor (China)

No part of any material may be reprinted without the reference to the journal “Power and Administration in the East of Russia”. Articles are subject to review.

The authors’ opinions may not coincide with those of the editorial board.

The authors of the articles bear responsibility for the selection and precision of the facts, quotations, economic and statistical data, proper and geographical names.

СОДЕРЖАНИЕ

Социально-экономическое сотрудничество стран Азиатско-Тихоокеанского региона

- Суслов Д. В. Инвестиционные взаимодействия стран Северо-Восточной Азии: влияние процессов фрагментации в мировой экономике 8
- Криводубова Ю. В. Государственная поддержка экспорта и внешнеэкономической деятельности в Японии, Республике Корея и Китае: стратегии и программы финансовых институтов. 26

Дальний Восток: стратегии и модели развития

- Рензин О. М. Активизация экономики на российском Дальнем Востоке: институциональная комбинаторика 46
- Грицко М. А. Динамика рождаемости на Дальнем Востоке России в условиях современной пронаталистской политики 59

Теория и практика экономики и управления

- Белоусова А. В.
Исаев А. Г. Базовый сектор экономики как продуцент регионального роста в условиях ограничений по трудовым ресурсам 69
- Дендиберя М. Ю.
Тишутина О. И. Риск-менеджмент в страховой компании: случай деликтного риска 80

Блинова Т. Н.
Хакимов Т. С. Барьеры на пути цифровизации бизнес-процессов в российской индустрии фитнеса 89

Шуляева А. В. Сравнительный анализ федеральных законов о местном самоуправлении на современном этапе развития России 100

Социология

Андреев Д. В.
Потанин М. М.
Хоменко А. А. Влияние контрольной нагрузки на инвестиционную активность предпринимателей Дальневосточного федерального округа: результаты опроса бизнес-сообщества 110

Зубков В. В. Уровень удовлетворенности реализацией национальных проектов: социологический анализ 122

Ивашкин М. В.
Синюков В. А.
Кузнецов В. В.
Чимитдоржиев Ж. Ж. Проблемы и перспективы развития этнотуризма в Хабаровском крае: социологические аспекты 132

Представляю к защите

Касич И. Ф. Между аккультурацией и сохранением идентичности: стратегии этнических мигрантов в Хабаровском крае 146

Мартышенко Н. С. Когнитивная модель формирования исторической памяти молодежи: методические аспекты 156

CONTENTS

Social and economic cooperation of the countries of the Pacific Rim

- Suslov D. V. Investment Interactions in Northeast Asia: the Impact of Fragmentation Processes in the Global Economy 8
- Krivodubova Yu. V. Government Support of Export and Foreign Economic Activities in Japan, Republic of Korea and China: Strategies and Programs of Financial Institutions 26

The Far East: strategies and development models

- Renzin O. M. Activation of the Economy in the Russian Far East: Institutional Combinatorics 46
- Gritsko M. A. Birth Rate Dynamics in the Russian Far East under the Current Pro-Natalist Policy 59

Theory and practice of economics and management

- Belousova A. V.
Isaev A. G. The Basic Sector of the Economy as a Producer of Regional Growth in the Context of Labor Constraints 69
- Dendiberya M. Yu.
Tishutina O. I. Concept of Goal Setting and Decision Making in the Context of Managing Insurance Tort Risk 80

Blinova T. N. Khakimov T. S.	Barriers to Digitalization of Business Processes in the Russian Fitness Industry	89
Shulyaeva A. V.	Comparative Analysis of Federal Laws on Local Self-Government at the Current Stage of the Development of Russia	100

Sociology

Andreev D. V. Potanin M. M. Khomenko A. A.	The Impact of the Control Workload on the Investment Activity of Entrepreneurs in the Far Eastern Federal District: the Business Survey Results	110
Zubkov V. V.	The Level of Satisfaction with the Implementation of National Projects: Sociological Analysis	122
Ivashkin M. V. Sinyukov V. A. Kuznetsov V. V. Chimitdorzhiev Zh. Zh.	Problems and Prospects for the Development of Ethnotourism in the Khabarovsk Territory: Sociological Aspects	132

Post-Graduate Research

Kacich I. F.	Between Acculturation and Identity Preservation: Strategies of Ethnic Migrants in the Khabarovsk Krai	146
Martyshenko N. S.	Cognitive Model for the Historical Memory of Youth Formation: Methodological Aspects	156

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Научная статья
УДК 339.9:330.322
<https://elibrary.ru/CRTAMF>

Инвестиционные взаимодействия стран Северо-Восточной Азии: влияние процессов фрагментации в мировой экономике

Денис Владимирович Суслов

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия
suslov@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5866-4369>

Аннотация. В статье показаны общемировые и региональные (для стран Северо-Восточной Азии) современные тенденции движения прямых иностранных инвестиций в 2015–2024 гг. Наблюдаемые процессы фрагментации в мировой экономике кардинально меняют ландшафт прямых иностранных инвестиций в Северо-Восточной Азии. Регион Северо-Восточной Азии перестал быть монолитным «производственным цехом» глобальной экономики. В настоящее время Северо-Восточная Азия представляет собой сложную мозаику взаимосвязанных, но все более сегментированных потоков капитала в форме прямых иностранных инвестиций, где решения об инвестициях принимаются под влиянием не только чисто рыночных оценок, но и с учетом геополитических рисков и соображений национальной безопасности и стремления к устойчивости (или минимизации неопределенности). Экономика Китая адаптируется к этим процессам, Япония и Республика Корея диверсифицируют потоки прямых иностранных инвестиций, а регион Юго-Восточной Азии в целом выигрывает от этого перераспределения инвестиций.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, Северо-Восточная Азия, фрагментация, геополитические риски

Для цитирования: Суслов, Д. В. Инвестиционные взаимодействия стран Северо-Восточной Азии: влияние процессов фрагментации в мировой экономике // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 4 (113). С. 8–25. EDN: CRTAMF

Original article

Investment Interactions in Northeast Asia: the Impact of Fragmentation Processes in the Global Economy

Denis V. Suslov

The Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia
suslov@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5866-4369>

Abstract. *The paper examines current global and regional (for Northeast Asian countries) trends in foreign direct investment (FDI) in 2015–2024. The identified fragmentation processes in world economy are fundamentally changing the FDI landscape in Northeast Asia. The region is no longer a monolithic «world factory» of a global economy. Today the region represents a complex mosaic of interconnected but fragmented capital flows in the form of FDI, where investment decisions are based on market assessments, taking into account geopolitical risks, national security considerations, and sustainability desire (or uncertainty minimization). China's economy is adapting to these processes, Japan and the Republic of Korea are diversifying FDI flows. The Southeast Asian region as a whole is benefiting from this investment redistribution.*

Keywords: *foreign direct investments, Northeast Asia, fragmentation, geopolitical risks*

For citation: Suslov, D. V. (2025) Investment Interactions in Northeast Asia: the Impact of Fragmentation Processes in the Global Economy. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 4 (113), pp. 8–25. EDN: CRTAMF

Введение

На протяжении последних пяти лет мировая экономика переживает интенсивную трансформацию (или в более широком смысле деглобализацию): торговые и инвестиционные потоки меняют свои направления (или исчезают вовсе) [Gopinath, Gourinchas, Presbitero, Topalova, 2024; Gopinath, Gourinchas, Presbitero, Topalova, 2025]. Многие страны ведут политику френдшоринга/ниашоринга (от англ. friendshoring, nearshoring) – переформатирования экономических связей с целью обеспечения себя рынками сбыта и источниками сырья и промежуточных товаров в политически дружественных или сохраняющих нейтралитет странах и регионах для повышения безопасности поставок, или как США – прямо протекционистскую в рамках политики «взаимных тарифов» [Norrington, 2024a; Винокуров, Кузнецов, Соболевская и др., 2024; Kallen, 2025].

В основе этой деглобализации (фраг-

ментации) лежит ряд причин:

рост геополитической напряженности: торговые войны, санкции и политическая нестабильность заставляют компании пересмотреть свою зависимость от поставщиков из одного источника;

нарушение цепочек поставок: пандемия, стихийные бедствия и другие непредвиденные события выявили уязвимость в логистических связях, побуждая компании искать пути повышения безопасности за счет диверсификации и регионализации;

повышение ответственности потребления: снижение негативного воздействия на окружающую среду и выбор поставщиков, придерживающихся правил экономного использования природных ресурсов;

повышение эффективности производства: автоматизация и цифровизация могут создать условия для сохранения конкурентоспособности производств даже в странах с высокой заработной платой.

Влияние этих факторов различается по значимости, но в целом они все важны. В настоящий момент ключевым является рост геополитической напряженности, который оказывает наиболее сильное влияние на процессы фрагментации [Geoeconomic ..., 2023].

Фрагментация касается и инвестиционных процессов, влияя на страновое распределение потоков прямых иностранных инвестиций (далее – ПИИ). Между странами с несовпадающими интересами в сфере внешней политики они сократились с 23% от общего объема международных ПИИ в 2013 г. до 13% в 2022 г. Эта тенденция особенно затронула производственный сектор, усилившись в 2022 г., на фоне начавшейся в 2019 г. эскалации торговой напряженности, что подчеркивает ее геополитический характер. В результате доля инвестиций между странами с близкими внешнеполитическими повестками растет быстрее, чем инвестиции между географически близкими странами.

Изменение подходов к выбору страны инвестирования сказалось и на объемах инвестиций. Рост прямых инвестиций перестал соответствовать динамике мирового ВВП и международной торговли: при росте мировой экономики на 3,2% объем прямых инвестиций сократился на 7% в 2023 г.¹

Наиболее значительное влияние фрагментации мировой экономики на приток ПИИ наблюдается в Китае. Приток прямых инвестиций в Китай резко сократился – страна последовательно смещает фокус на внутренние источники финансирования капитальных вложений. Влияние процессов фрагментации на приток ПИИ в другие крупные развивающиеся экономики пока не зафиксировано. По мнению экспертов [Norrington, 2024b], фрагментация мировой экономики продолжается, и рассматриваемые нами

процессы будут и дальше развиваться. В целом перестройка глобальных цепочек создания добавленной стоимости приводит к потерям положительных эффектов от международного разделения труда, формируя проинфляционные риски и увеличивая транзакционные издержки [Clancy, Smith, Valenta, 2024]. С другой стороны, фрагментация до определенной степени может быть фактором повышения финансовой стабильности [Claessens, 2019] и стать триггером для поиска новых источников роста. Однако расширение обозначенных процессов будет заметно понижать темпы общемирового развития и повышать риски для достижения его ориентиров.

Прямые иностранные инвестиции в странах Северо-Восточной Азии

В настоящее время интернациональное движение капитала, которое часто именуется движением иностранных инвестиций, стало важным элементом мировой экономической системы. Применяемая в современной международной практике классификация иностранных инвестиций² различает три их вида: прямые, портфельные и прочие. Среди них особое значение имеют прямые иностранные инвестиции как ориентированные непосредственно на реальный (нефинансовый) сектор экономики. Особенно это характерно для важного для мировой экономики субрегиона Северо-Восточной Азии (далее – СВА).

Движение ПИИ играет важную роль в экономическом развитии как развитых стран, так и развивающихся экономик СВА, несмотря на межстрановые различия в этом процессе, выражающиеся, прежде всего, в доле годовых объемов ПИИ (по последним доступным данным) в валовых капиталовложениях стран-реципиентов (табл. 1).

Так, если для стран СВА в целом в период 2014–2023 гг. доля ввоза прямых

¹ World Investment Report 2024. *Investment facilitation and digital government*. URL: unctad.org/system/files/official-document/wir2024_en.pdf (дата обращения: 30.09.2025); World Investment Report 2025: *International Investment in the digital economy*. URL: unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf (дата обращения: 30.09.2025)

² Подробнее см. *Руководство по платежному балансу и международной инвестиционной позиции*. Вашингтон, округ Колумбия: Международный Валютный Фонд. 2012. URL: www.imf.org/external/russian/pubs/ft/bop/2007/bopmanbr.pdf (дата обращения: 01.08.2024)

Таблица 1

**Доля годовых объемов ввоза/вывоза ПИИ в валовых
капиталовложениях стран СВА, %**

Страна		2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
КНР	ВВОЗ	2,8	2,91	2,86	2,65	2,32	2,31	2,39	2,42	2,51	2,17
	ВЫВОЗ	2,68	3,13	4,2	3,07	2,4	2,24	2,46	2,39	2,16	1,96
Япония	ВВОЗ	0,98	0,27	1,56	0,76	0,78	1,05	0,91	2,68	3,09	1,93
	ВЫВОЗ	10,65	12,28	12,59	13,35	11,38	17,79	7,74	16,31	14,63	16,6
Монголия	ВВОЗ	9,53	4,44	-199,16	58,24	61,44	61,46	54,77	52,98	48,99	43,97
	ВЫВОЗ	3,02	0,54	0,69	1,89	1,05	3,19	0,83	2,76	1,48	1,49
Республика Корея	ВВОЗ	2,16	0,97	2,72	3,5	2,33	1,94	1,7	3,83	4,65	2,82
	ВЫВОЗ	6,51	5,57	6,7	6,66	7,3	7,09	6,77	11,47	12,22	6,41
Россия	ВВОЗ	6,61	4,22	13,31	7,5	3,86	9,06	3,23	10,69	-3,28	1,8
	ВЫВОЗ	14,56	9,64	9,65	9,87	10,46	6,22	2,11	17,73	2,48	6,27
Страны СВА	ВВОЗ	7,1	10,92	10,65	8,13	6,23	7,57	4,48	6,37	5,14	5,05
	ВЫВОЗ	6,95	9,13	8,09	7,9	4,56	6,37	3,5	7,41	6	5,93
<i>Справочно</i>											
МИР	ВВОЗ	2,8	2,91	2,86	2,65	2,32	2,31	2,39	2,42	2,51	2,17
	ВЫВОЗ	2,68	3,13	4,2	3,07	2,4	2,24	2,46	2,39	2,16	1,96
США	ВВОЗ	5,61	12,38	11,81	7,51	4,62	5,00	2,03	7,74	6,07	5,68
	ВЫВОЗ	9,26	7,00	7,32	7,96	-3,58	0,76	4,88	5,54	6,69	7,38
ЕС	ВВОЗ	9,35	22,91	12,75	8,91	8,99	17,92	4,53	6,97	-2,24	1,55
	ВЫВОЗ	14,58	28,47	17,31	10,59	10,01	18,42	3,01	16,20	4,49	4,83

Источник: составлено по Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual. URL: unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock (дата обращения: 10.10.2024).

инвестиций в валовых капиталовложениях варьировалась от 5,05% до 10,65%, то доля вывоза – от 3,5% до 8,09%. Для остальных регионов мира данный показатель был значительно ниже. Для некоторых стран СВА, таких как Монголия, в рассматриваемый период ежегодный ввоз ПИИ в валовых инвестициях играет существенную роль, кроме 2016 г., когда был зафиксирован чистый отток ПИИ из ее экономики. Если проанализировать данные по доле накопленных объемов ввоза/вывоза ПИИ в ежегодных валовых инвестициях стран СВА, то снова можно выделить Монголию с показателями соответственно в 2023 г. по ввозу – 600%, по вывозу – 20%; Японию по вывозу – 192%, Республику Корея по вывозу – 126% (табл. 2).

В последние 40 лет в мировой экономической системе сформировались три крупных региональных центра в потоках прямых инвестиций: а) Европейский союз (ЕС); б) США; в) Восточная Азия в

целом, включая субрегион СВА, которые в совокупности охватывали более 50% мировых инвестиционных потоков, при этом в 2021–2023 гг. роль ЕС понизилась (см. табл. 3). Кроме этого, формирование таких центров хорошо видно по статистике накопленных объемов ввоза ПИИ (см. табл. 4).

Так, страны СВА к концу рассматриваемого периода 2020–2024 гг. имели долю в 9–10% общих накопленных объемов ПИИ в мире. Эти рынки ПИИ остаются в настоящее время центрами региональной инвестиционной интеграции, связанными с центрами мировой экономики. При этом ПИИ из развитых стран поступали ранее в основном в развитые страны, прежде всего в рамках так называемой мировой «триады» (Япония, ЕС, США); в 2010–2020 гг. выросла роль крупных развивающихся стран, таких как Китай. После 2020 г. страны СВА в целом постепенно сокращали свою долю в мировых ежегодных объемах ввоза ПИИ, а для Китая

Таблица 2

**Доля накопленных объемов ввоза/вывоза ПИИ в валовых
капиталовложениях стран СВА, %**

Страна		2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
КНР	ВВОЗ	23,6	26,2	29	28,91	27,35	28,94	30,75	48,6	46,37	48,54
	ВЫВОЗ	19,21	23,58	29,08	35,1	33,3	35,96	41,36	37,26	36,54	38,98
Япония	ВВОЗ	13,97	15,69	15,87	16,42	16,06	17,12	19,41	18,82	20,33	22,27
	ВЫВОЗ	93,78	110,7	106,16	121,45	123,16	136,15	146,3	151,09	175,81	192,41
Монголия	ВВОЗ	570,99	974,18	779,96	702,3	571,64	567,39	771,17	640,68	557,93	600,48
	ВЫВОЗ	12,05	20,69	21,81	19,29	15,07	16,73	22,2	20,1	17,75	20,02
Республика Корея	ВВОЗ	41,75	42,22	42,37	44,83	45,28	48,64	50,67	48,67	50,57	52,77
	ВЫВОЗ	60,61	67,24	69,58	70,46	77,35	91,79	100,14	105,14	120,26	126,66
Россия	ВВОЗ	65,76	93,49	141	127,48	119,22	139,35	139,5	137,69	77,57	60,08
	ВЫВОЗ	75,5	103,22	122,72	112,33	101,25	115,09	118,4	103,64	64,45	55,64
КНДР	ВВОЗ	4,19	4,95	5,34	5,08	5,06	5,6	5,81	5,61	6,26	6,34
	ВЫВОЗ	к. д.									
Страны СВА	ВВОЗ	130,86	139,31	146,85	159,69	146,21	159,11	188,27	185,07	169,04	187,18
	ВЫВОЗ	132,61	140,16	146,01	161,17	141,6	155	184,1	171,19	155,14	169,81
<i>Справочно</i>											
ЕС	ВВОЗ	228,89	265,62	254,56	280,00	246,91	256,27	364,85	318,58	308,73	329,40
	ВЫВОЗ	277,65	316,82	309,63	332,61	292,84	306,48	415,34	376,1	357,88	383,52
США	ВВОЗ	151,77	151,71	167,22	189,64	167,01	194,8	220,35	256,23	189,63	234,06
	ВЫВОЗ	175,78	160,39	164,46	191,07	144,82	164,22	178,37	192,15	145,78	172,28
В мире в целом	ВВОЗ	23,6	26,2	29	28,91	27,35	28,94	30,75	48,6	46,37	48,54
	ВЫВОЗ	19,21	23,58	29,08	35,1	33,3	35,96	41,36	37,26	36,54	38,98

Примечание: к. д. – конфиденциальные данные

Источник: составлено по Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual. URL: unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock (дата обращения: 10.10.2024).

Таблица 3

Годовые объемы ввоза ПИИ в страны СВА и их доля в мире

Страна	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
КНР	135577	133711	136315	138306	141225	149342	180957	189132	163253	116238
	6,6	6,6	8,3	10,1	8,2	15,2	11,2	14,0	11,2	7,7
КНДР	78	89	-13	2	30	6	18	10	13	19
	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Япония	2976	19359	9356	9963	13755	11768	34294	34194	20841	13357
	0,1	1,0	0,6	0,7	0,8	1,2	2,1	2,5	1,4	0,9
Монголия	94	-4156	1494	2174	2443	1719	2173	2504	2248	2782
	0,0	-0,2	0,1	0,2	0,1	0,2	0,1	0,2	0,1	0,2
Республика Корея	4104	12104	17913	12183	9634	8765	22060	25045	19042	15226
	0,2	0,6	1,1	0,9	0,6	0,9	1,4	1,8	1,3	1,0
Россия	11858	37176	25954	13228	32076	10410	38639	-15205	8998	3346
	0,6	1,8	1,6	1,0	1,9	1,1	2,4	-1,1	0,6	0,2
Страны СВА	156702	200299	193036	177874	201182	184030	280162	237702	214395	150968
	7,5	9,8	11,6	12,8	11,5	18,5	17,2	17,4	14,6	10,0
<i>Справочно</i>										
США	467625	459419	308957	203234	229930	93373	386097	316895	233106	278848
	21,1	22,5	17,5	15,7	13,9	10,8	23,0	22,8	16,0	18,5
ЕС	803805	393206	397008	229206	569789	36259	310004	-49827	147526	267772
	36,2	19,2	22,4	17,7	34,3	4,1	18,5	-3,6	10,4	17,7
В мире в целом	2218640	2043570	1770258	1294205	1658784	868563	16765233	1389526	1454976	1508803
	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечание: в ячейке в числителе показан объем в млн долл., в знаменателе – доля в мире в %.

Источник: составлено по Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual. URL: unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock (дата обращения: 25.09.2025).

эта доля варьировалась от 11,2% в 2021 г. до 14% в 2022 г. (см. табл. 3).

В рассматриваемый период в целом наблюдался положительный тренд ввоза прямых инвестиций как в целом по Восточной Азии, так и в странах СВА. Так, объемы ввоза со 181 млрд долл. в 2014 г. в СВА выросли примерно на треть – до 212 млрд долл. в 2023 г., с пиком в 281 млрд долл. в 2021 г. (табл. 3). При этом в 2017 г., 2022 г. и 2023 г. происходило некоторое снижение (а в 2024 г. практически обвал) общего ввоза прямых инвестиций в страны СВА. Прежде всего, это было связано со спадом притока инвестиций в Республику Корея, Японию и Китай в указанные годы. В результате интенсивной динамики ежегодного ввоза ПИИ к концу 2024 г. на Китай приходилось 7,1% мирового объема накопленных объемов ввоза ПИИ, на страны СВА в целом – 8,6% (см. табл. 4).

В 2014–2023 гг. наблюдался и положительный тренд [Zhan, 2021; Altman, Bastian, Fattedad, 2024] вывоза прямых инвестиций как в целом из стран СВА, так

и из Китая в 2014–2017 г., при том, что после пика 2021 г. (почти 518 млрд долл.) потоки вывоза китайских ПИИ снижались. Так, в 2020 г. доля СВА в потоках вывоза ПИИ в мире составила почти 38%, а Китая – 19,7%, снизившись в 2024 г. до 26,5% и 10,1% соответственно (табл. 5).

Если мы рассмотрим накопленные объемы вывоза ПИИ из стран СВА, то можно увидеть, что к концу 2024 г. их доля в общемировых объемах составила 14,3% (табл. 6), также, как и в период 2018–2022 гг., практически не изменившись, что говорит об устойчивом характере сформировавшегося общемирового субрегиона СВА как стабильного источника вывоза ПИИ в развитые страны и страны глобального юга.

По данным таблицы 7 можно проследить изменение роли и масштабов объема ввоза и вывоза ПИИ в целом для экономик стран СВА (в % от ВВП стран). Если рассмотреть инвестиционные взаимодействия между странами СВА, то можно увидеть их динамичное развитие на протяжении последних 30 лет, осо-

Таблица 4

Накопленные объемы ввоза ПИИ в странах СВА и их доля в мире

Страна	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
КНР	1219930	1353641	1489956	1628261	1769486	1918828	3633317	3496380	3534030	3650268
	4,6	4,8	4,5	5,0	4,9	4,6	7,7	7,9	7,3	7,1
КНДР	807	896	883	885	915	921	939	949	963	981
	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Япония	174146	196614	202441	204524	223810	250070	241125	227079	223499	219802
	0,7	0,7	0,6	0,6	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5	0,4
Монголия	20696	16277	18020	20223	22556	24207	26282	28521	30697	33482
	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Республика Корея	179544	188877	229399	237238	241657	260801	280085	277035	308086	286988
	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6
Россия	262748	393910	441123	408097	493156	449051	497690	359982	279303	216039
	1,0	1,4	1,3	1,3	1,4	1,1	1,1	0,8	0,6	0,4
Страны СВА	1859886	2152231	2383839	2501246	2753599	2905898	4681459	4389946	4376578	4407560
	7,0	7,7	7,3	7,7	7,6	6,9	9,9	9,9	9,1	8,6
<i>Справочно</i>										
США	5731383	6502750	7806330	7346877	8951143	10141194	13085709	10461198	12786674	15567058
	21,2	22,6	23,3	22,1	24,2	24,6	28,1	23,9	26,6	30,6
ЕС	8323805	8252214	9716849	9462447	10218172	12331806	11776547	11273732	11856690	11460635
	30,8	28,7	29,0	28,5	27,6	29,9	25,3	25,8	24,7	22,5
В мире в целом	27065666	28755346	33546603	33178197	36994642	41278103	46509216	43733573	48097605	50907355
	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечание: в ячейке в числителе показан объем в млн долл., в знаменателе – доля в мире в %.

Источник: составлено по Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual. URL: unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock (дата обращения: 25.09.2025).

Таблица 5

Годовые объемы вывоза ПИИ из стран СВА и их доля в мире

Страна	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
КНР	145667	196149	158288	143037	136908	153710	178819	163120	177289	162780
	8,4	12,8	9,9	14,2	9,5	19,7	9,5	10,4	11,4	10,1
Япония	136249	155937	164588	144982	232627	99708	208985	162126	196742	204380
	7,9	10,2	10,3	14,3	16,1	12,8	11,1	10,3	12,6	12,7
Монголия	11	14	49	37	127	26	113	76	76	55
	0,0	0,0	0,0	0,0	0,01	0,0	0,01	0,0	0,0	0,0
Республика Корея	23687	29890	34069	38220	35239	34832	66001	65799	32172	48589
	1,4	2,0	2,1	3,8	2,4	4,5	3,5	4,2	2,1	3,0
Россия	27090	26951	34153	35820	22024	6778	64072	11510	29748	11691
	1,6	1,8	2,1	3,5	1,5	0,9	3,4	0,7	1,9	0,7
Страны СВА	332704	408941	391147	362096	426925	295054	517990	402631	436027	427495
	19,2%	26,8	24,5	35,8	29,6	37,9	27,5	25,6	28,0	26,5
Справочно										
США	264359	284469	327781	-157407	35056	224465	278526	366386	360414	266367
	15,2	18,6	20,5	-15,576	2,4	28,8	14,8	23,3	23,2	16,6
ЕС	784513	493468	326391	340138	644799	102670	619677	169790	136587	446061
	45,2	32,3	20,4	33,7	44,6	13,2	32,9	10,8	8,8	27,7
В мире в целом	1735329	1528632	1598301	1010574	1444734	779439	1881804	1574540	1556106	1608874
	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечание: в ячейке в числителе показан объем в млн долл., в знаменателе – доля в мире в %.

Источник: составлено по Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual. URL: unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock (дата обращения: 25.09.2025).

Таблица 6

Накопленные объемы вывоза ПИИ в странах СВА и их доля в мире

Страна	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
КНР	1097865	1357390	1809037	1982266	2198881	2580658	2785150	2754810	2955400	3118180
	4,2	4,9	5,5	6,3	6,3	6,3	6,4	6,9	6,9	7,2
Япония	1228766	1315221	1497525	1568766	1780246	1884824	1935653	1961680	2035736	2151099
	4,7	4,7	4,6	5,0	5,1	4,6	4,5	4,9	4,8	4,9
Монголия	440	455	495	533	665	697	825	907	1024	1127
	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Республика Корея	285932	310218	360566	405219	456004	515403	605076	689158	737345	762647
	1,1	1,1	1,1	1,3	1,3	1,3	1,4	1,7	1,7	1,7
Россия	290092	342849	388693	346593	407318	381144	374612	299131	259850	230024
	1,1	1,2	1,2	1,1	1,2	0,9	0,9	0,7	0,6	0,5
Страны СВА	2903095	3326133	4056316	4303377	4843114	5362726	5701316	5705686	5989355	6263077
	11,0	12,0	12,3	13,8	13,8	13,2	13,1	14,2	14,0	14,3
Справочно										
США	6059272	6395424	7865018	6370722	7546253	8209444	9603626	7828326	9192729	9757678
	23,9	22,5	22,6	23,5	19,9	21,0	20,5	22,7	19,8	21,6
ЕС	9553498	9595426	11175951	10968686	11968615	14059379	13843185	13179637	13673967	13357433
	35,4	33,9	33,4	34,3	33,4	35,1	32,8	33,4	32,1	30,6
В мире в целом	26950302	28281315	33467157	31975557	35870300	40048460	42226844	39492629	42596581	43594995
	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечание: в ячейке в числителе показан объем в млн долл., в знаменателе – доля в мире в %.

Источник: составлено по Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual. URL: unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock (дата обращения: 25.09.2025).

Таблица 7

**Накопленные объемы ввоза/вывоза прямых инвестиций в странах СВА,
% от ВВП**

Страна		2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
КНР	ВВОЗ	10,35	11,03	12,05	12,1	11,72	12,39	13,06	20,39	19,46	20,6
	ВЫВОЗ	8,43	9,93	12,08	14,7	14,27	15,4	17,57	15,63	15,34	16,54
КНДР	ВВОЗ	4,19	4,95	5,34	5,08	5,06	5,6	5,81	5,61	6,26	6,34
	ВЫВОЗ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Япония	ВВОЗ	3,51	3,92	3,93	4,11	4,06	4,37	4,95	4,82	5,33	5,89
	ВЫВОЗ	23,52	27,64	26,29	30,37	31,12	34,78	37,33	38,67	46,04	50,92
Монголия	ВВОЗ	165,6	178,11	145,58	156,96	153,46	158,77	181,83	171,93	166,34	152,35
	ВЫВОЗ	3,49	3,78	4,07	4,31	4,05	4,68	5,23	5,39	5,29	5,08
Республика Корея	ВВОЗ	12,09	12,25	12,59	14,13	13,75	14,64	15,86	15,4	16,27	16,58
	ВЫВОЗ	17,55	19,51	20,68	22,2	23,49	27,62	31,34	33,27	38,69	39,8
Россия	ВВОЗ	14,08	19,27	30,85	28,02	24,62	29,13	30,08	27,09	16,07	14,05
	ВЫВОЗ	16,17	21,28	26,85	24,69	20,91	24,06	25,53	20,39	13,35	13,02
<i>Справочно</i>											
США	ВВОЗ	30,99	31,33	34,58	39,8	35,57	41,59	47,56	54,64	40,34	46,87
	ВЫВОЗ	35,89	33,12	34,01	40,1	30,84	35,06	38,5	40,97	31,01	34,49
ЕС	ВВОЗ	45,52	54,02	52,27	58,43	52,5	57,15	81,04	70,37	69,78	67,73
	ВЫВОЗ	55,22	64,43	63,58	69,41	62,27	68,35	92,26	83,08	80,89	78,86
В мире в целом	ВВОЗ	32,62	35,07	36,72	40,31	37,58	41,33	49,16	48,6	44,27	47,08
	ВЫВОЗ	33,04	35,3	36,57	40,74	36,44	40,3	48,12	45,01	40,63	42,73

Источник: составлено по Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual. URL: unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock (дата обращения: 10.10.2024).

бенно это было характерно для так называемой Большой тройки СВА (Япония – Республика Корея – Китай). В рассматриваемый период инвестиционные взаимодействия в форме ПИИ между странами региона продолжали развиваться. Это можно проследить по данным накопленных иностранных инвестиций между странами региона в 2014–2023 гг. (или инвестиционной позиции страны-инвестора (партнера) СВА в каждой стране СВА, выступающей в качестве реципиента ПИИ).

В таблице 8 представлена в динамике инвестиционная позиция³ по ПИИ в странах СВА для каждой из них как в абсолютных показателях в млн долл. США, так и доля каждого партнера (страны-инвестора) в каждой экономике страны-реципиента ПИИ.

Из-за обоснованных сомнений в корректности [Wacker, 2024] мировой статистики ПИИ и заметных различий в стра-

новой статистике каждой страны СВА по ежегодным потокам и накопленным объемам ПИИ, в таблице 8 приведены доступные в настоящее время данные из общемировой базы Координированного обследования прямых инвестиций (CDIS) Международного валютного фонда для Большой тройки СВА (Китай, Республика Корея, Япония), а также для России, Монголии и КНДР. За скобками остаются САР Гонконг и другие китайские юрисдикции, которые играют важную роль как для внешних прямых инвестиций из восточноазиатского региона, так и при инвестировании в материковый Китай и другие страны региона.

Среди стран СВА Япония обладает избыточными финансовыми ресурсами и с конца 2000-х гг. занимала место второго крупнейшего прямого иностранного инвестора в мире после США (за исключением 2014 г. и 2016 г., когда Япония опускалась на 4 место). При этом Япо-

³ Или другими словами накопленный объем ПИИ. Подробнее см. Руководство по платежному балансу и международной инвестиционной позиции. Вашингтон, округ Колумбия: Международный Валютный Фонд. 2012. URL: www.imf.org/external/russian/pubs/ft/bop/2007/bopman6r.pdf (дата обращения: 01.08.2024)

ния не входит в состав 20 крупнейших принимающих ПИИ стран мира. Такая диспропорция объясняется сочетанием экспансии японских транснациональных корпораций на внешние рынки с традиционной защитой внутреннего рынка от иностранной конкуренции, что качественно отличает Японию от других крупных экономик региона, в первую очередь Китая и Сингапура [Кузнецов, 2024]. Отметим, что с 2022 г. годовые потоки прямых инвестиций Японии в Китай снижаются, причём они в 2023 г. стали в 6 раз меньше объёма японских инвестиций в США.

Экономические и торговые связи в регионе между этими странами слабеют [Latorre, Hosoe, 2016; Japan Bank..., 2023].⁴ Тем не менее, к концу 2023 г. объём накопленных японских прямых инвестиций в КНР составил 190 млрд долл. (5,2% от всех привлеченных).

При этом в рассматриваемый период китайские накопленные прямые инвестиции в экономику Японии увеличились почти в 4 раза – с 638 млн долл. в 2014 г. до 2585 млн долл. в 2023 г. (1,16% всех привлеченных), при этом позиции Республики Корея по накопленным ПИИ выросли в 3,3 раза с 2296 млн долл. до 6520 млн долл. (2,92% всех привлеченных).⁵ Следует отметить, что для Японии (как страны-реципиента ПИИ) роль стран СВА не так велика, при этом они являются более важным местом размещения капитала для японских инвесторов.

Республика Корея заимствовала многие элементы экономической модели развития у Японии в части создания и развития экспортно-ориентированных отраслей промышленности [Kyung, 2020; Lee, 2018]. Следуя политике либерализации с начала 2000-х гг., Республика Корея превратилась в одну из наиболее открытых развитых стран с точки зрения создания благоприятного климата (с использованием различных режимов в

рамках СЭЗ и торговых соглашений) для привлечения ПИИ. Иностраных инвесторов в Республике Корея привлекают ее уровень технологического развития, расширенные возможности исследований и разработок, высокий уровень располагаемого дохода домохозяйств, достаточно емкий внутренний потребительский рынок, а также развитая транспортная (логистическая), портовая и аэродромная инфраструктура, что делает страну центром для выхода инвесторов на рынки третьих стран. Так, в рассматриваемый период в экономике Республики Корея японские инвесторы увеличили свои вложения до накопленного объёма ПИИ порядка 56,5 млрд долл. на конец 2023 г., что составило более одной пятой части от всех привлеченных страной накопленных ПИИ. Также важным источником ПИИ для корейской экономики выступили инвесторы из материкового Китая (9,1 млрд долл. накопленных инвестиций). Таким образом, на страны СВА (с учетом 2 млн долл. из КНДР) в целом приходится треть привлеченных прямых инвестиций в Республику Корея. Одновременно Республика Корея превращается в крупного экспортера капитала. За пределами восточноазиатского региона основными реципиентами корейских ПИИ выступают США. Однако Республика Корея также проявляет повышенный инвестиционный интерес к странам Латинской Америки и постсоветскому пространству.

Можно отметить, что в рассматриваемый нами период в 2016 г. по накопленному объёму ПИИ в целом в мире Китай уступал только США. Южнокорейские инвесторы активно взаимодействовали с китайской стороной и к концу 2023 г. нарастили свои вложения до 84,5 млрд долл., что составляет 2,31% от общего накопленного объёма ПИИ в Китае. За этот же период времени японские инвесторы увеличили свои вложения в Китай со 134 млрд долл. в 2014 г. до

⁴ Схожая ситуация происходила и с ПИИ Республики Корея, инвестиции из которой в Китай в 2023 г. стали наименьшими за последние 20 лет, и одновременно с этим наблюдалось наращивание корейских вложений в США.

⁵ Справочно: для Гонконга (специального административного района Китая) накопленный объём ПИИ (16280 млн долл.) был самым высоким среди рассматриваемых стран (юрисдикций), при этом в общем объёме доля Японии составляла в 2014 г. 3,84%, а в 2022 г. уже – 7,22%.

Страна-реципиент	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
КНДР	14,3 0,00	22,7 0,00	22,9 0,00	-1,6 0,00	-1,1 0,00	0,8 0,00	2,5 0,00	1,3 0,00	0,3 0,00	0 0,00
Все страны	2331755 100	2579564 100	2534532 100	2688470 100	2814067 100	2938482 100	3214115 100	3577743 100	3569146 100	3649817 100
<i>Россия</i>										
Китай	2 759 0,95	1 341 0,51	2 902 0,74	3 584 0,81	2 660 0,65	3 736 0,76	2 188 0,49	3 323 0,67	н. д. н. д.	н. д. н. д.
Республика Корея	1 677 0,58	1 339 0,51	2 246 0,57	1 910 0,43	2 681 0,66	3 665 0,74	3 362 0,75	3 699 0,74	н. д. н. д.	н. д. н. д.
Япония	1 274 0,44	1 319 0,50	1 924 0,49	2 156 0,49	1 920 0,47	2 543 0,52	2 403 0,54	3 259 0,65	н. д. н. д.	н. д. н. д.
Монголия	0,7 0,00	0,7 0,00	3,8 0,00	4,0 0,00	3,7 0,00	4,1 0,00	3,8 0,00	3,7 0,00	н. д. н. д.	н. д. н. д.
КНДР	к. д. к. д.	к. д. к. д.	4,1 0,00	4,3 0,00	3,6 0,00	4,0 0,00	3,5 0,00	3,4 0,00	н. д. н. д.	н. д. н. д.
Все страны	290039 100	262748 100	393910 100	441123 100	408097 100	493156 100	449047 100	497690 100	н. д. 100	н. д. 100
<i>Монголия</i>										
Китай	4001 19,76	4394 21,23	4378 26,89	4607 25,57	4917 24,31	5069 22,47	5238 21,64	5185 19,73	5327 18,68	5389 17,39
Республика Корея	435 2,15	442 2,13	440 2,70	442 2,45	453 2,24	464 2,06	461 1,90	424 1,61	450 1,58	502 1,64
Япония	528 2,61	540 2,61	585 3,59	661 3,67	706 3,49	923 4,09	982 4,06	1022 3,89	963 3,38	965 3,14
Россия	435 2,15	439 2,12	38 0,24	68 0,38	117 0,58	143 0,64	136 0,56	163 0,62	130 0,46	156 0,51
КНДР	- 20247	- 20696	- 16277	- 18020	- 20223	- 22556	- 24207	- 26282	- 28521	- 30697
Все страны	100 100									

Примечание: к. д. – конфиденциальные данные, н. д. – нет данных. Инвестиционная позиция приведена по статистике отчитывающейся страны и показана в ячейке в числителе в млн. долл., в знаменателе – в процентах.

Источник: составлено по мировой базе данных Координированного обследования прямых инвестиций Международного валютного фонда. URL: legasydata.imf.org/regular.aspx?key=60564261 (дата обращения: 31.08.2025).

190 млрд долл. в 2023 г., что соответствовало доли в 5,21% накопленного объема ПИИ в стране.⁶ При этом уже в 2010-е гг. САР Гонконг стал как основным транзитным каналом для внешних ПИИ из материкового Китая, так и местом размещения капиталов непосредственно в нем.⁷ На современном этапе роль китайской экономики в мировой системе смещается от сферы производства в сферу прямого инвестирования и крупных строительных проектов, инжиниринговых контрактов⁸. Перенос обрабатывающих производств за рубеж обусловлен относительной утратой конкурентоспособности китайских предприятий в связи с ростом уровня оплаты труда китайских работников и цены на другие ресурсы. Одновременно расширяется структура китайских инвестиций: помимо сырьевой отрасли и сферы услуг, китайские компании все активнее вкладываются в телекоммуникации, обрабатывающую промышленность, недвижимость, связь, здравоохранение, туризм, игровой бизнес, а также финансовые, медиа проекты и образовательные технологии [Amighini, Cozza, Rabellotti, Sanfilippo, 2014]. Кроме того, среди китайских инвесторов возрастает доля предприятий с частной формой собственности. В ходе глобальной экономической экспансии КНР диверсифицирует не только структуру, но и географию инвестиций.⁹ Так, Китай направляет масштабные инвестиции в страны ЕС, США, АСЕАН¹⁰ и страны Африки, где наряду с добычей природных

ресурсов ведет строительство современных заводов и инфраструктуры.

Монголия является ресурсно-ориентированной экономикой и чистым (нетто) реципиентом зарубежных инвестиций со значительным превышением внешних финансовых обязательств над внешними финансовыми активами, т. е. имеет отрицательную инвестиционную позицию. Для финансирования данных обязательств Монголия испытывает острую потребность в привлечении иностранного капитала. Выступая аутсайдером мирового инвестиционного процесса, страна обладает нереализованным потенциалом притока инвестиций в освоение огромных по меркам страны запасов природных ресурсов. Географическая изоляция и сырьевая ориентация экономики Монголии делает ее чрезвычайно зависимой от колебаний мировых цен на сырьевые ресурсы и экономической конъюнктуры Китая – главного внешнеэкономического партнера, на который приходится более 80% экспорта страны. Для монгольской экономики можно констатировать то, что китайский и японский бизнес активно инвестирует в страну и имеет устойчивую долю в общих объемах привлекаемых страной ПИИ в рассматриваемый период. Так, на конец 2023 г. доля Китая составляла порядка 17%, Японии – 3%. Основными же инвесторами, кроме стран СВА, в Монголию являются компании из Канады, Нидерландов, Сингапура, США, Австралии и других стран. Позиции России в ПИИ в Монголию не так значимы:

⁶ Даже после вступления Китая в 2001 г. в ВТО китайское правительство достаточно жестко регулирует проекты с ПИИ. Ограничения на приток иностранного капитала существуют во многих отраслях промышленности и сферы услуг. Например, полностью закрытыми для иностранных инвесторов остаются теле- и радиовещание, средства массовой информации и рыбное хозяйство. Главным же инвестором в китайской экономике уже длительное время выступает САР Гонконг, что обусловлено особенностями экономического развития, спецификой инвестиционных процессов и привлечения иностранного капитала в Китае в период после 1979 г. См. подробно: Островский А. В. Китай становится экономической сверхдержавой / А. В. Островский. М.: Институт Дальнего Востока РАН: ООО «Издательство МБА», 2020. – 496 с. С.336–363

⁷ Так, накопленный объем ПИИ Китая в САР Гонконг составил почти 616 млрд долл. (31,56% от общего показателя), тогда как японские ПИИ выросли до уровня почти в 31 млрд долл. (1,58%).

⁸ Так, в 2016 г. Китай занял второе место в мире после США по объему экспорта капитала в форме ПИИ.

⁹ При этом активно используются такие юрисдикции как САР Гонконг, Британские Виргинские острова, Каймановы острова и т. д.

¹⁰ ASEAN Investment Report 2023. International investment trends: Key issues and policy options. Jakarta: ASEAN Secretariat, December 2023. URL: asean.org/wp-content/uploads/2023/12/AIR-Special-2023.pdf (дата обращения: 01.08.2024)

объем российских накопленных прямых инвестиций по данным Национальной службы статистики Монголии, по итогам 2023 г. составил около 156 млн долл.¹¹

Для российской экономики ни одна из стран СВА не является достаточно крупным инвестором, накопленные объемы каждой из них не превышают 1% от общих накопленных объемов ПИИ в стране [Суслов, 2024]. Так, крупные инвестиции из стран СВА, прежде всего из Японии, были осуществлены до рассматриваемого нами периода.

Из данных таблиц 3 и 4 можно увидеть мизерную роль КНДР в СВА как места размещения ПИИ, основными инвесторами в которой являются китайские и российские компании, а накопленный объем ПИИ на конец 2023 г. по данным ЮНКТАД составлял 963 млн долл.

Таким образом, взаимные ежегодные потоки и накопленные объемы ПИИ в СВА играют заметную роль, прежде всего, для экономики Республики Корея. Что касается других стран, то объемы китайских инвестиций в экономику Японии и Республики Корея существенно ниже по сравнению с инвестициями Японии и Республики Кореи в Китай. Японские накопленные ПИИ в Республику Корея в 7,3 раза больше, чем южнокорейские инвестиции в Японию, что отражает более активную позицию японских транснациональных компаний (ТНК) в формировании своих цепочек создания стоимости и производственной кооперации в регионе.

Можно проследить то, что инвестиционные потоки в Большой тройке СВА несбалансированы, а это означает, что каждая из стран играет неодинаковую роль для других стран в их инвестиционных

предпочтениях. В целом инвестиционные взаимодействия в СВА в форме ПИИ в период 2014–2023 гг. (также и в пандемийный период 2020–2022 гг.) носили устойчивый характер и поступательно развивались в сравнении с общими негативными тенденциями¹² в мировых потоках ПИИ в условиях их региональной фрагментации¹³ и роста геополитической напряженности [Aiyar, Puina, 2023].

Необходимо отметить, что в период после 2022 г. в КНР наблюдается негативный тренд как привлекаемых страной общих объемов ПИИ, так и прямых китайских инвестиций за рубеж [Liu, 2025]. Прежде всего, это связано с существенным уменьшением как вложений зарубежных ТНК в китайскую экономику, так и изменением направлений и объемов самих китайских ПИИ в мире, прежде всего это касается США [Xie, Yu, Yu & Zhou, 2024].

Вышеописанная картина инвестиционных взаимодействий стран СВА говорит о том, что в инвестиционных потоках и во взаимодействиях в целом между странами в рассмотренный нами период существуют явные дисбалансы, что отражает сложившуюся практику инвестиционного сотрудничества, прежде всего в Большой тройке СВА. По ряду объективных причин (санкционное давление, геополитическая напряженность, неурегулированные разногласия и конфликты в регионе) ряд таких стран СВА как КНДР, в первую очередь, так и в менее острой форме Россия, «выпадают» из общей картины экономического сотрудничества в СВА в форме ПИИ, особенно после 2022 г. [Суслов, 2024].

Тем не менее, можно предполагать,

¹¹ Для сравнения Китай – 5,3 млрд долл., Нидерланды – 13,5 млрд долл., Сингапур – 2,5 млрд долл., США – 1,1 млрд долл.

¹² *World Investment Report 2020: International Production Beyond the Pandemic*. New York and Geneva: United Nations. United Nations publication. UNCTAD, 2020. URL: unctad.org/system/files/official-document/wir2020_en.pdf; *World Investment Report 2021: Investing in Sustainable Recovery*. New York and Geneva: United Nations. United Nations publication. UNCTAD, 2021. URL: unctad.org/system/files/official-document/wir2021_en.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

¹³ *Global economic fracturing and shifting investment patterns*. UNCTAD/DIAE/2024/1. 2024. URL: unctad.org/system/files/official-document/diae2024d1_en.pdf (дата обращения: 15.08.2024); *World Investment Report 2024. Investment facilitation and digital government*. URL: unctad.org/system/files/official-document/wir2024_en.pdf (дата обращения: 30.09.2025); *International Monetary Fund. 2023. World Economic Outlook: A Rocky Recovery*. Washington, DC. April. P.91-106. URL: www.imf.org/-media/Files/Publications/WEO/2023/April/English/text.ashx (дата обращения: 01.07.2024).

что сотрудничество в сфере энергетики, высоких технологий и создания общей и трансграничной инфраструктуры с учетом современных общемировых и региональных тенденций движения ПИИ и влияния геополитической напряженности, может способствовать трансформации межстрановых потоков ПИИ в СВА¹⁴ [Aiyar, Malacrino, Presbitero, 2024; Ключко, 2023; Квашнина, 2024].

Одним из основных направлений инвестиционных взаимодействий в регионе становится сотрудничество в сфере энергетики [Meng, Serafettin, 2020; Kong, Ku, 2015; Lin, Reilly, 2024; Воропай, Подковадьников, Санеев, 2014]. Страны региона активно включились в процесс создания электростанций и сетевой инфраструктуры, связанной с возобновляемыми источниками энергии, особенно Китай [Guilhot, 2022], а также в продвижение проектов по строительству новых электростанций по так называемым «старым» технологиям. В перспективе это позволит им снизить зависимость от импорта энергоресурсов и обеспечить устойчивое развитие экономик региона. Другим важным направлением является сотрудничество в области высоких технологий. Страны СВА являются лидерами в таких производственных областях, как электроника, робототехника и искусственный интеллект. Инвестиции в эти отрасли могут способствовать развитию новых технологий и созданию новых рабочих мест в экономиках стран СВА. Также перспективным направлением является сотрудничество в области создания инфраструктуры. Страны региона нуждаются в развитии транспортной сети, строительстве новых дорог и мостов, а также в модернизации существующих объектов инфраструктуры как внутри стран, так и трансграничной. Реализация инвестиционных проектов в этой сфере может способствовать повышению уровня связанности в регионе и стимулировать экономические взаимодействия и обмена между странами региона СВА.

Влияние процессов фрагментации на ПИИ в СВА

Еще раз отметим, что фрагментация мировой экономики (также и понимаемые под ней процессы деглобализации, слобализации (от англ. slowbalisation) – это процессы разрыва или ослабления глобальных экономических связей, когда вместо единой интегрированной мировой экономики формируются отдельные, более замкнутые блоки со своими характеристиками развития и внешних связей [Adarov, Hayley, 2025; Geoeconomic..., 2023].

Можно выделить основные драйверы фрагментации, влияющие на ПИИ в СВА:

1. Геополитическая напряженность: противостояние США и Китая – ключевой фактор для региона; оно привело к торговым войнам, введению санкций (особенно в сфере высоких технологий) и политике «дерискинга» (от англ. derisking);

2. Пандемия COVID-19 обнажила уязвимость длинных глобальных цепочек поставок и заставила компании задуматься об их устойчивости, а не только об эффективности;

3. Стремление к устойчивости и безопасности: правительства и компании теперь ставят во главу угла не только минимизацию издержек, но и обеспечение непрерывности поставок (resilience) и снижение стратегических рисков и неопределенности;

4. Технологическое соперничество: борьба за лидерство в таких областях как полупроводники, искусственный интеллект и аккумуляторы ведет к созданию «технологических железных занавесов» и дублированию цепочек создания стоимости.

Отметим ключевые тренды влияния фрагментации на ПИИ в СВА [Cross-border ..., 2025]. Ее влияние неоднородно и проявляется по-разному для каждой страны региона.

В Китае происходит плавный переход от роли экономики страны как «фабрики мира» к стратегическому принятию вызовов современных тенденций в ми-

¹⁴ *Global economic fracturing and shifting investment patterns. UNCTAD/DIAE/2024/1. 2024. URL: unctad.org/system/files/official-document/diae2024d1_en.pdf (дата обращения: 15.08.2024)*

ровой экономике. Снижение привлекательности страны для ПИИ из некоторых стран: для компаний из стран «западного блока» (США, ЕС, Япония, Республика Корея) Китай уже не является безусловно оптимальным местом для всех видов производств. Риски санкций, принудительной передачи технологий и политического давления заставляют их искать альтернативы. Многие мировые ТНК стали следовать стратегии «Китай плюс одна страна (Китай+1)». Это главная бизнес-стратегия, вызванная фрагментацией¹⁵. Чтобы снизить зависимость от Китая, иностранные инвесторы (а также китайские инвесторы) начинают размещать новые производства не только в Китае, но и еще дополнительно в одной стране. Чаще всего это Вьетнам, т. к. он географически близок, с наличием дешевой рабочей силы и похожей производственной культурой.¹⁶ Индия обладает огромным внутренним рынком и альтернативной политической моделью. Мексика, как правило, выбирается инвесторами в целях обслуживания рынка США (nearshoring).

Можно отметить изменение структуры привлекаемых ПИИ: если раньше ПИИ шли в массовое производство (текстильное производство, выпуск электроники), то теперь акцент смещается на обслуживание внутреннего рынка Китая (который все еще огромен), высокотехнологичные и R&D-направления, где Китай стремится к самообеспеченности. Так, можно выделить входящие ПИИ из ЕС, например, в автомобилестроение (особенно электромобили), где европейские компании усиливают свое присутствие, чтобы быть «внутри» рынка.

Япония и Республика Корея проводят политику де-рискинга и рещоринга ПИИ, официально стимулируя рещоринг; правительства обеих стран выделяют субсидии и создают программы для возвращения стратегически важных производств (например, фармацевтика, выпуск полупроводников) на родину. Также про-

исходит диверсификация инвестиций за рубежом: крупные корпорации вроде Samsung, Toyota, LG и Sony активно диверсифицируют свои цепочки поставок. Они не уходят из Китая полностью (из-за его рынка и развитой экосистемы), но масштабно инвестируют в другие регионы: Республика Корея наращивает ПИИ в США и Вьетнам (особенно в производство полупроводников и электроники); Япония также активно инвестирует ПИИ в Юго-Восточную Азию (далее – ЮВА) и США в рамках «дружественных» блоков: обе страны, будучи союзниками США, все чаще ориентируют свои новые инвестиции в страны, входящие в тот же геополитический лагерь.

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы по влиянию фрагментации на ПИИ в СВА. В регионе происходит перераспределение потоков ПИИ, при этом осуществляемые ПИИ не исчезают, а перемещаются между странами. Инвестиции, которые раньше шли исключительно в Китай, теперь направляются в другие страны СВА (внутри региона) и, что важно, за его пределы (в ЮВА, Индию, Мексику). Также наблюдается и изменение мотивации инвесторов. На смену чисто экономической логике (минимизация затрат) приходит логика безопасности и устойчивости. Стратегическая целесообразность теперь важнее сиюминутной выгоды. Наблюдается формирование региональных торгово-производственных хабов. Внутри СВА и вокруг региона формируются новые центры притяжения ПИИ. Вьетнам стал главным бенефициаром стратегии «Китай+1», а Япония и Республика Корея усиливают свою роль как источники высокотехнологичных инвестиций и капитала для создания резервных цепочек поставок и создания стоимости. Рост так называемых «дружественных» ПИИ все больше происходит между странами, находящимися в одном геополитическом лагере (например, ПИИ

¹⁵ *The 2025 Reshoring Index; The great reality check. Kearny, 2025. URL: www.kearney.com/service/operations-performance/us-reshoring-index (дата обращения: 01.10.2025)*

¹⁶ *US-China Tech War Helps AI-Fueled growth in Malaysia, Vietnam. Bloomberg, 06.12.2024. URL: www.bloomberg.com/news/features/2024-12-06/us-china-tech-war-helps-ai-fueled-growth-in-malaysia-vietnam (дата обращения: 30.09.2025).*

Японии и Республики Кореи в США и страны ЕС, и наоборот) [Aiyar, Malacrino, Presbitero, 2024].

Можно отметить, что процессы геополитической фрагментации кардинально меняют ландшафт ПИИ в Северо-Восточной Азии. Регион перестал быть монолитным «производственным цехом» глобальной экономики. В настоящее время регион представляет собой сложную мозаику взаимосвязанных, но все более сегментированных потоков капитала в

форме ПИИ, где решения об инвестициях принимаются под влиянием не только чисто рыночных оценок, но и с учетом геополитических рисков и соображений национальной безопасности и стремления к устойчивости (или минимизации неопределенности).¹⁷ Экономика Китая адаптируется к этим процессам, Япония и Республика Корея диверсифицируют потоки ПИИ, а регион ЮВА в целом выигрывает от этого перераспределения инвестиций.

Список источников/References:

1. Винокуров, Е., Кузнецов, А., Соболевская М., Бердигулова, А., Федоров, К., Долговечный, А., Бабаджанян, В. Макроэкономический прогноз 2024–2026. Июнь 2024. Алматы: Евразийский банк развития, 2024. С. 12–17. URL: eabr.org/analytics/ceg-quarterly-reviews/макроэкономический-прогноз-eabr-20242026/ (дата обращения: 30.09.2025)

Vinokurov, E., Kuznetsov, A., Sobolevskaya, M., Berdigulova, A., Fedorov, K., Dolgovechny, A., Babajanyan, V. (2024) Macroeconomic Outlook 2024–2026. June 2024. Almaty: Eurasian Development Bank (in Russ.).

2. Воропай, Н. И., Подковальников, С. В., Санеев, Б. Г. Межгосударственная энергетическая кооперация в Северо-Восточной Азии: состояние, потенциальные проекты, энергетическая инфраструктура // Энергетическая политика. 2014. № 2. С. 55–64. EDN: TXVLWD

Voropai, N. I., Podkovalnikov, S. V., & Saneev, B. G. (2014). Interstate energy cooperation in Northeast Asia: state, potential projects, energy infrastructure. Energy Policy, no. 2, pp. 55–64. EDN: TXVLWD (in Russ.).

3. Клочко, О. А. Новые подходы к регулированию прямых иностранных инвестиций: инициативы крупнейших стран мира и уроки для России // Современная мировая экономика. 2023. Т. 1. № 3 (3). DOI: 10.17323/2949-5776-2023-1-3-113-128 EDN: CMWEDF

Klochko, O. A. (2023). New approaches to the regulation of foreign direct investment: initiatives of the world's largest countries and lessons for Russia. Modern World Economy, no. 1(3), pp. 113–128. DOI: doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-3-113-128 EDN: CMWEDF (in Russ.).

4. Квашина, И. А. Новые тенденции в глобальных потоках трансграничных прямых инвестиций // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 3. С. 61–75. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_3_61_75 EDN: FVZLEY

Kvashnina, I. A. (2024). New trends in global flows of cross-border direct investment. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no. 3, pp. 61–75. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_3_61_75 EDN: FVZLEY (in Russ.).

5. Кузнецов, А. В. Прямые иностранные инвестиции стран Восточной Азии: Китай, Япония, Республика Корея, Монголия: монография. – Москва: РУСАЙНС, 2024. 210 с.

Kuznetsov A. (2024). Foreign Direct Investment of East Asian Countries: China, Japan, Republic of Korea, Mongolia. Moscow: RUSCIENCE, 2024. P. 210 (in Russ.).

6. Руководство по платежному балансу и международной инвестиционной позиции. Вашингтон, округ Колумбия: Международный Валютный Фонд. 2012. URL: www.imf.org/external/russian/pubs/ft/bop/2007/bopman6r.pdf (дата обращения: 01.08.2024)

International Monetary Fund. (2012). Balance of Payments and International

¹⁷ The FDI shake-up: How foreign direct investment today may shape industry and trade tomorrow. McKinsey Global Institute, September 2025. URL: www.mckinsey.com/mgi/our-research/the-fdi-shake-up-how-foreign-direct-investment-today-may-shape-industry-and-trade-tomorrow (дата обращения: 15.10.2025).

Investment Position Manual, Sixth Edition (BPM6). Washington, D.C.: International Monetary Fund. URL: www.imf.org/external/russian/pubs/ft/bop/2007/bopman6r.pdf (дата обращения: 01.08.2024)

7. Суслов, Д. В. Инвестиционные взаимодействия в СВА // Экономическое развитие стран Северо-Восточной Азии в условиях глобальных вызовов / отв. ред. Д. А. Изотов; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2024. – 390 с.

Suslov, D. V. (2024). Investment interactions in Northeast Asia. In D. A. Izotov (Ed.), *Economic development of Northeast Asian countries in the context of global challenges* (pp. 202–213). Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 390. (in Russ.).

8. Adarov, Amat, and Hayley Pallan (2025). Foreign Direct Investment in Retreat: Policies to Turn the Tide. *World Bank (2025). Global Economic Prospects: June 2025*, Washington DC: World Bank Group. DOI: 10.1596/978-1-4648-2193-6

9. Aiyar, Shekhar, Ilyina, Anna, and others. Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism. Staff Discussion Note SDN/2023/001. International Monetary Fund, Washington, DC. URL: www.imf.org/-/media/Files/Publications/SDN/2023/English/SDNEA2023001.ashx (дата обращения: 15.08.2024)

10. Altman, S.A., Bastian, C.R. & Fattedad, D. (2024) Challenging the deglobalization narrative: Global flows have remained resilient through successive shocks. *Journal of International Business Policy*. DOI: doi.org/10.1057/s42214-024-00197-0

11. Amighini, A., Cozza, C., Rabellotti, R. and Sanfilippo, M. (2014) Investigating Chinese Outward Foreign Direct Investments: How Can Firm-level Data Help? *China & World Economy*, 22, pp. 44–63. DOI: doi.org/10.1111/cwe.12091

12. Clancy D., Smith D., Valenta V. (2024) The macroeconomic effects of global supply chain reorientation. ECB Working Paper Series 2903. URL: www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecb.wp2903~8bc715c800.en.pdf (дата обращения: 30.09.2025)

13. Claessens, S. (2019) Fragmentation in global financial markets: good or bad for financial stability? Bank for International Settlements, Working Paper Series 815. URL: www.bis.org/publ/work815.pdf (дата обращения: 30.09.2025).

14. Cross-border investment. *Asian economic integration report 2025*. ADB, 2025. P. 63–91. DOI: dx.doi.org/10.22617/SGP250106-2

15. Geoeconomic Fragmentation: The Economic Risks from a Fractured World Economy / edited by Shekhar Aiyar, Andrea F. Presbitero and Michele Ruta. – Paris, France ; London, United Kingdom : CEPR Press ; International Monetary Fund, 2023. DOI: 10.5089/GFERFWEEA.072

16. Gopinath, G., Gourinchas, P-O. Presbitero, A.F., Topalova, P. (2024) Changing Global Linkages: A New Cold War? IMF Working Paper 2024/076. URL: www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/04/05/Changing-Global-Linkages-A-New-Cold-War-547357 (дата обращения: 30.09.2025).

17. Gita Gopinath, Pierre-Olivier Gourinchas, Andrea F. Presbitero, Petia Topalova (2025) Changing global linkages: A new Cold War? *Journal of International Economics*, vol. 153, 104042. DOI: doi.org/10.1016/j.jinteco.2024.104042

18. Guilhot L. (2022) An Analysis of China's Energy Policy from 1981 to 2020: Transitioning Towards to a Diversified and Low-Carbon Energy System. *Energy Policy*, vol. 162. DOI: doi.org/10.1016/j.enpol.2022.112806

20. Japan Bank for International Cooperation. Survey Report on Overseas Business Operations by Japanese Manufacturing Companies. JBIC 35th Survey, 2023. URL: <https://www.jbic.go.jp/en/information/press/press-2023/image/000005848.pdf> (дата обращения: 10.08.2024)

21. Kallen, Cody (2025). Breaking Up: Fragmentation in Foreign Direct Investment to International Finance Discussion Papers 1413. Washington: Board of Governors of the Federal Reserve System. DOI: doi.org/10.17016/IFDP.2025.1413

22. Kong, B., & Ku, J. (Eds.). (2015). *Energy Security Cooperation in Northeast Asia*

(1st ed.). Routledge. DOI: doi.org/10.4324/9781315767949

23. Kyung Mi, Kim (2020) The Korean Developmental State. Springer Books. DOI: doi.org/10.1007/978-981-15-3465-2

24. Latorre, M. C., Hosoe, N. (2016) The role of Japanese FDI in China // Journal of Policy Modeling, no. 38, pp. 226–241. DOI: dx.doi.org/10.1016/j.jpolmod.2016.02.003

25. Lee, G. (2018) Branstetter, Namho Kwon. South Korea's transition from imitator to innovator: The role of external demand shocks. *Journal of the Japanese and International Economies*, vol. 49, pp. 28–42. DOI: doi.org/10.1016/j.jjie.2018.01.004

26. Lin, KC., Reilly, T. (2024). Northeast Asia's Energy Transition—Challenges for a Rules-Based Security and Economic Order / Hosoya, Y., Kundnani, H. (eds) The Transformation of the Liberal International Order. *Springer Briefs in International Relations*. Springer, Singapore. DOI: doi.org/10.1007/978-981-99-4729-4_10

27. Meng Xiangchengzhen, Serafettin Yilmaz (2020) Renewable energy cooperation in Northeast Asia: Incentives, mechanisms and challenges, *Energy Strategy Reviews*, vol. 29. DOI: doi.org/10.1016/j.esr.2020.100468

28. Norring, A. (2024) Geoeconomic fragmentation, globalization, and multilateralism (No. 2/2024). *BoF Economics Review*. URL: publications.bof.fi/bitstream/handle/10024/53307/BoFER_2_2024.pdf (дата обращения: 30.09.2025)

29. Norring A. (2024) The economic effects of geoeconomic fragmentation (No. 8/2024), *BoF Economics Review*, 2024. URL: publications.bof.fi/bitstream/handle/10024/53827/bpb824.pdf (дата обращения: 30.09.2025)

30. Shekhar Aiyar, Davide Malacrino, Andrea F. Presbitero (2024) Investing in friends: The role of geopolitical alignment in FDI flows. *European Journal of Political Economy*, vol. 83, 102508. DOI: doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2024.102508

31. Xie, Y., Yu, X., Yu, Z., & Zhou, Y. (2024). Spatial outward FDI: Evidence from China's multinational firms. *Review of International Economics*, 32(2), 574–603. DOI: doi.org/10.1111/roie.12698

32. Yuanyuan Liu, Yilin Zhao, Xiaming Liu (2025) Institutional action, institutional entrepreneurship, and China's inward FDI policy: A co-evolution analysis, *International Business Review*, vol. 34, is. 1, 102342. DOI: doi.org/10.1016/j.ibusrev.2024.102342

33. Zhan, J. X. (2021) GVC transformation and a new investment landscape in the 2020s: Driving forces, directions, and a forward-looking research and policy agenda *Journal of International Business Policy*, no. 4 (2), pp. 206–220. DOI: doi.org/10.1057/s42214-020-00088-0

Статья поступила в редакцию 20.10.2025; одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 26.11.2025.

The article was submitted 20.10.2025; approved after reviewing 24.11.2025; accepted for publication 26.11.2025.

Информация об авторе

Д. В. Суслов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН.

Information about the author

D. V. Suslov – Candidate of Economic Sciences, senior research fellow, the Economic Research Institute FEB RAS.

Научная статья
УДК 339.97
<https://elibrary.ru/GNQHSQ>

Государственная поддержка экспорта и внешнеэкономической деятельности в Японии, Республике Корея и Китае: стратегии и программы финансовых институтов

Юлия Валерьевна Криводубова

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия
krivodubova@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1203-2117>

Аннотация. В статье рассмотрены особенности стимулирования экспорта и внешнеэкономической деятельности в рамках азиатской модели государственной поддержки, сформированной тремя ведущими экспортно-ориентированными экономиками Северо-Восточной Азии – Японии, Республики Корея и Китая. На основе проведенного анализа систем, стратегий и программ государственных финансовых институтов каждой из этих стран – экспортных кредитных и страховых агентств, выступающих центральным элементом системы государственной финансовой поддержки внешнеэкономической деятельности на современном этапе, а также динамики и структуры потоков глобального экспортного финансирования в период 2015–2023 гг. сформулирована специфика стратегий финансовых институтов стран СВА-3, применяющих различный инструментарий. В частности, японская система господдержки основана на применении преимущественно инвестиционного финансирования. Южно-корейская система, не рассматривая средне- и долгосрочное кредитование в качестве основы для расширения государственной поддержки, сбалансированно применяет в своих стратегиях инвестиционное и несвязанное финансирование. Китайская система государственного стимулирования, сфокусированная на реализации китайской международной государственной инициативы «Один пояс, один путь», применяет средне- и долгосрочное кредитование, сбалансированное с инвестиционным финансированием (без учета программ несвязанного финансирования), а широко используемые несвязанные льготные программы, кратно превышающие все остальные инструменты по стоимостным объемам, позиционируются как официальная помощь развитию, направленная на стимулирование внешнеэкономического сотрудничества со странами-реципиентами. Сделан вывод о том, что страны СВА-3 продемонстрировали разнообразные подходы к расширению и усилению позиций внешнеэкономического сектора национальных экономик на внешних рынках, сопровождаемые активной государственной поддержкой.

Ключевые слова: государственная поддержка, экспорт и внешнеэкономическая деятельность, меры стимулирования, экспортные кредитные агентства, ЭКА, азиатская модель поддержки экспорта, Япония, Республика Корея, Китай, СВА-3

Для цитирования: Криводубова, Ю. В. Государственная поддержка экспорта и внешнеэкономической деятельности в Японии, Республике Корея и Китае: стратегии и программы финансовых институтов. // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 4 (113). С. 26–45. EDN: GNQHSQ

Original article

Government Support of Export and Foreign Economic Activities in Japan, Republic of Korea and China: Strategies and Programs of Financial Institutions

Yulia V. Krivodubova

Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia

krivodubova@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1203-2117>

Abstract. *The article examines characteristics of export and foreign economic activity stimulation within the Asian model of government support formed by three leading export-oriented economies of Northeast Asia – Japan, Republic of Korea and China (NEA-3). The paper formulates specific strategies of financial institutions in the NEA-3 countries basing on the analysis of systems, strategies, and programs of public financial institutions of each country. Among the analyzed factors are export credit and insurance agencies (ECAs), which are the central element of the current system of state financial support for foreign economic activity, as well as the dynamics and structure of global export financing flows in the period of 2015–2023. In particular, the Japanese system of government support is based primarily on investment financing. The South Korean system, without considering medium- and long-term financing as the basis for expanding state support, uses a balanced combination of investment and untied financing. China's government stimulus system, focused on implementing China's Belt and Road Initiative, balances medium- and long-term financing with investment financing (excluding untied programs); its widely used untied preferential programs, which are significantly larger than all other instruments, are positioned as official development assistance aimed at stimulating foreign economic cooperation with partner countries. The paper concludes that the NEA-3 countries have demonstrated diverse approaches to expanding and strengthening the position of their national economies' foreign economic sectors in foreign markets accompanied by active government support.*

Keywords: *government support, export and foreign economic activities, incentive measures, export credit agencies, ECA, Asian model of export stimulation, Japan, Republic of Korea, China, NEA-3*

For citation: Krivodubova, Yu. V. (2025) Government Support of Export and Foreign Economic Activities in Japan, Republic of Korea and China: Strategies and Programs of Financial Institutions. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 4 (113), pp. 26–45. EDN: GNQHSQ

Введение

Экспортная ориентация экономик «Большой тройки» – стран Северо-Восточной Азии: Японии, Республики Корея и Китая (далее – СВА-3), сложившаяся в результате государственной поддержки экспортно-ориентированных отраслей и стимулирования внешнеэкономической деятельности национальных компаний, стала одним из главных факторов, позволивших Японии, Республики Корея и Китаю достичь впечатляющих экономических успехов.¹

Деятельность компаний внешнеэкономического сектора этих стран неизбежно испытывала влияние коммерческих и политических рисков зарубежных рынков, особенно высоких в развивающихся странах, преодоление которых происходило с участием государства, заинтересованного в расширении внешнеэкономической сферы экономики.

По своим масштабам государственная поддержка трех ведущих экспортно-ориентированных стран СВА в последние полтора – два десятилетия вышла на доминирующие позиции в мировой экономике и по существу сформировала азиатскую (азиатско-китайскую) модель государственной поддержки внешнеэкономической деятельности.

Трансформация финансовых институтов государственной поддержки экспорта

Многоуровневая система государственной поддержки экспорта институционально сформировалась к 1950-м гг. в развитых экономиках мира – США, Великобритании, Германии, Франции, Голландии, Японии и др. Центральным элементом этой системы выступили государственные финансовые институты – экспортно-импортные банки, экспортные кредитные или страховые агентства (далее – ЭКА или ЭСА), наделенные полномочиями координировать деятельность государства по финансовому стимулиро-

ванию экспорта. В систему также входили государственные органы, курирующие различные аспекты внешнеэкономической деятельности, и частные компании, выполняющие агентские функции для государства. Финансирование ЭКА и ЭСА осуществлялось из госбюджета или через заимствования на международном рынке капиталов. [Овчинников, 2011]

К началу 1990-х гг. ЭКА и ЭСА трансформировались в акционерные общества, бюджетное финансирование сохранилось. В некоторых странах государственные финансовые институты утратили свои монопольные позиции в страховании экспортных рисков из-за усиления позиций коммерческого сектора.

В период с 1972 г. по 2010 г. ЭКА были созданы в 15 странах, эффект расширения экспорта обеспечивался за счет прямых экспортных кредитов и был краткосрочным. [In, 2014]

Начало нового современного этапа в развитии господдержки экспорта и внешнеэкономической деятельности, связанного с активизацией инвестиционной деятельности компаний и финансово-кредитной деятельности государственных институтов, относят к 2010-ым гг., когда большинство стран – крупных мировых экспортеров, исчерпав возможности фискальной и денежно-кредитной политики, доминировавшей в макроэкономическом регулировании до мирового финансового кризиса, стали рассматривать экспорт как источник экономического роста и перешли к разработке национальных внешнеэкономических стратегий и программ, определяющих приоритеты в данной сфере и механизмы их реализации. Система ЭКА как главного института поддержки экспорта «начинает играть одну из ключевых ролей в достижении более широких целей национального развития». [Спартак, Французов, 2018]

Стратегическая связь между ЭКА и

¹ Япония оставалась 2-ой после США экономикой мира с конца 1960-х гг. на протяжении более 40 лет, пока в 2010 г. не уступила эту позицию Китаю, который развернул свое присутствие на внешних рынках. Республика Корея в 2010-х гг. уже уверенно находится во 2-й десятке крупнейших экономик мира, делая попытку войти в 1-ю десятку (по размеру номинального ВВП). В 2024 г., по данным платформы Statista, в рейтинге крупнейших мировых экспортеров Китай занимает 1-ю позицию, Япония – 5-ю позицию, Республика Корея – 6-ю позицию. URL: <https://www.statista.com/statistics/264623/leading-export-countries-worldwide/> (дата обращения: 20 сентября 2025 г.)

целями экономического развития «вооружила» экспортное финансирование и превратила ЭКА из кредиторов экспорта в «проактивные» агрессивные организации, структурированные и оснащенные всем необходимым для достижения целей национальной политики».²

В рамках новой модели государство поставило перед ЭКА комплексные стратегические задачи: поддержка национальных компаний-лидеров, сталкивающихся с международной конкуренцией за крупные инфраструктурные проекты; обеспечение жизнеспособности экспортеров в стратегических отраслях национальной промышленности; побуждение многонациональных компаний, производящих ключевые компоненты за рубежом, работать с отечественными поставщиками в качестве условия доступа таких многонациональных компаний к государственной поддержке; внедрение стратегий, повышающих экспортную готовность национальных цепочек поставок и побуждающих малые и средние национальные предприятия к экспортной деятельности.²

По мере увеличения числа стран, имеющих ЭКА нового типа, консенсуса по международным правилам будет достигать всё сложнее. Заметной тенденцией в рамках новой модели ЭКА является «озеленение» официального экспортного финансирования в энергетическом секторе [Wright, 2011]

Таким образом, в настоящее время центральным элементом государственной системы поддержки экспорта и внешнеэкономической деятельности выступают ЭКА и ЭСА – экспортно-кредитные и страховые агентства (далее в тексте статьи будут обозначаться как ЭКА), которые из инструмента стимулирования экспорта трансформировались в важный элемент национальных стратегий социально-экономического развития и сами стали институтами развития.

Особенности азиатской модели государственной поддержки экспорта и внешнеэкономической деятельности

в контексте активизация ЭКА из Японии, Республики Корея и Китая

В условиях повышения приоритетности внешнеэкономической деятельности в мировой практике государственной поддержки сформировались следующие тенденции [Спартак, Французов, 2018]:

1) преобладание китайско-азиатской модели ЭКА, нацеленной на улучшение условий для отечественных экспортеров через продвижение национальных экономических интересов за рубежом, содействие интернационализации крупного бизнеса, вовлекающего в экспортную деятельность малое и среднее предпринимательство (далее – МСП);

2) масштабная активизация на мировой арене деятельности азиатских ЭКА, прежде всего, из Китая;

3) активизация использования финансового инструментария поддержки экспорта с акцентом на инструменты, не попадающие под регулирование организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в том числе возвращение к практике использования «смешанных» кредитов, совмещающих стандартное экспортное кредитование с программами различных льгот – «финансирование развития», которое возникает в результате тесного сотрудничества ЭКА и государственных органов. Само наличие такого формата, предполагающего высокую степень координации и тесное взаимодействие, подтверждает, что ЭКА стали частью более широкой государственной внешнеэкономической стратегии.

В рамках азиатской модели поддержки экспорта система ЭКА (в отличие от европейской и североамериканской моделей, где ЭКА нацелены на увеличение объемов экспорта как источника создания новых рабочих мест в национальной экономике) стратегически используется для достижения внутренних экономических целей через интернационализацию экспортеров. Азиатской модели ЭКА свойственны следующие отличительные характеристики.³

² 2017 EXIM Competitiveness Report (Report to the US Congress on Global Export Credit Competition, June, 2018). P. 25 URL: <https://www.exim.gov/news/reports/competitiveness-reports> (дата обращения: 17 сентября 2025 г.)

³ 2016 EXIM Competitiveness Report. P.24 URL: <https://www.exim.gov/news/reports/competitiveness-reports> (дата обращения: 17 сентября 2025 г.)

1) система ЭКА представлена двумя отдельными институтами: страховым (осуществляющим краткосрочные операции, программы средне- и долгосрочного страхования) и кредитным (предоставляющим средне- и долгосрочные экспортные кредиты), перед которыми поставлены стратегические цели и задачи по реализации национальной внешнеэкономической политики;

2) доминирование государственного сектора в сфере экспортного финансирования (кредитования и страхования);

3) наличие в портфелях азиатских ЭКА значительных объемов инвестиционного и несвязанного финансирования.

Активизация деятельности азиатских ЭКА после 2010-х гг. во многом связана с усилением внешнеэкономических позиций Китая в мировой экономике, повысившего активность использования финансового инструментария господдержки, в том числе в форме инвестиционного и несвязанного финансирования, к которому в ответ на действия Китая перешли Япония и Республика Корея.

В 2013 г. объемы финансирования японского эксимбанка превышали аналогичные показатели эксимбанка США почти в 4 раза, южнокорейского – более чем в 2 раза, китайского – более чем в 5 раз. Объемы финансирования эксимбанка Китая превышали США, Францию, Германию и Великобританию вместе взятые.⁴

Поведенные исследования показали, что при прекращении государственной поддержки в форме экспортного финансирования доходы экспортеров снижаются. Эти эффекты были особенно выражены для компаний с ограниченными финансовыми возможностями и для экспорта на более рискованные и менее развитые в финансовом отношении рынки. [Matray, Müller, Xu, Kabir, 2024]

На три экономики СВА – Японию, Республику Корея и Китай – в 2015 г. (без учета краткосрочных программ) пришлось 67,2% от общемировых объемов государственной поддержки экспорта: доля Китая составила 43,5%; Японии – 15,6%; Республики Корея – 8,1% (табл. 1).

Впоследствии совокупный удельный вес трех стран снизился до 41,2% в 2023 г.: свой вклад внесла пандемия, в период которой данный показатель сократился по всем видам программ – средне- и долгосрочным, инвестиционным, несвязанным. Что касается стоимостных объемов государственной финансовой поддержки экспорта и внешнеэкономической деятельности, то за рассматриваемый период они показали устойчивую отрицательную динамику по всем типам финансирования, за исключением программ несвязанного финансирования (табл. 2). Связанное с торговлей средне- и долгосрочное кредитование в послековидный период показало тенденцию к восстановлению до доковидных объемов.

Безусловно, лидирующие позиции в общемировой поддержке внешнеэкономической деятельности занимает Китай – по совокупности всех типов финансирования его удельный вес составлял от 43,5% до 18,9% за рассматриваемый период (табл.1). В 2015 г. доля Китая достигала примерно 40% в средне- и долгосрочном финансировании, свыше 50% – в инвестиционном, около 30% – в несвязанном. Несмотря на общий нисходящий тренд, в 2023 г. на Китай продолжало приходиться 20% общемировых объемов господдержки, свыше 15% связанного с торговлей кредитования, почти 40% инвестиционного финансирования и свыше 40% несвязанного финансирования (в 2019 г., в послековидный период данные по несвязанному финансированию не публиковались).

На Японию за рассматриваемый период приходилось примерно от 10% до 20% общемировых объемов господдержки. При относительно низком удельном весе Японии в объемах связанного с торговлей общемирового финансирования (от 0,3% до 3,4%) и умеренном в программах несвязанного финансирования (от 4,4% до 10,8%, в 2023 г. – скачок до 17,5%), японские компании получили в разные годы от 24% до 50% мировых объемов государственного инвестиционного кредитования.

⁴ National Association of Manufactures. «The Global Export Credit Dimension. The Size of Export Foreign Agencies Compared to the Export Credit Bank of the United States» URL: <https://www.nam.org/wp-content/uploads/2019/05/Global-Export-Credit.pdf> (дата обращения: 05 октября 2025 г.)

Таблица 1

Удельный вес Японии, Республики Корея и Китая в общемировых объемах официального экспортного финансирования в 2015–2023 гг. (в %)

Страны	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
В совокупных объемах средне- и долгосрочного, инвестиционного и несвязанного финансирования:									
Япония	15,6	11,5	11,5	10,2	12,3	23,1	21,5	10,3	9,9
Республика Корея	8,1	8,6	7,9	10,1	8,8	9,7	11,0	14,9	13,1
Китай	43,5	39,2	41,5	32,3	32,5	22,0	16,2	15,4	18,9
<i>всего:</i>	<i>67,2</i>	<i>59,3</i>	<i>60,9</i>	<i>52,6</i>	<i>53,6</i>	<i>54,8</i>	<i>48,7</i>	<i>40,6</i>	<i>41,9</i>
В объемах по отдельным типам финансирования:									
средне- и долгосрочном⁵									
Япония	3,4	1,4	1,9	1,0	3,1	1,1	0,9	0,6	0,3
Республика Корея	7,3	6,4	7,2	8,2	4,9	6,1	6,9	9,3	10,1
Китай	39,0	29,5	33,4	30,3	33,5	22,0	15,6	13,0	15,9
<i>всего:</i>	<i>49,7</i>	<i>37,3</i>	<i>42,5</i>	<i>39,5</i>	<i>41,5</i>	<i>29,2</i>	<i>23,4</i>	<i>22,9</i>	<i>26,3</i>
инвестиционном⁶									
Япония	33,4	25,2	25,6	30,2	30,9	50,0	47,8	26,0	23,9
Республика Корея	2,3	6,0	8,9	15,6	10,1	10,2	13,8	21,0	9,2
Китай	52,2	55,7	54,5	36,5	36,8	24,7	21,1	24,8	37,9
<i>всего:</i>	<i>87,9</i>	<i>86,9</i>	<i>89,0</i>	<i>82,3</i>	<i>77,8</i>	<i>84,9</i>	<i>82,7</i>	<i>71,8</i>	<i>47,1</i>
несвязанном⁷									
Япония	8,4	7,7	4,4	9,2	8,6	10,8	10,3	10,4	17,5
Республика Корея	49,7	34,9	7,3	3,4	22,4	26,8	17,6	22,3	27,8
Китай	29,0	20,0	28,5	32,8	41,4	8,1	0,6	0,0	0,0
<i>всего:</i>	<i>87,1</i>	<i>62,6</i>	<i>40,2</i>	<i>45,4</i>	<i>72,4</i>	<i>45,7</i>	<i>28,5</i>	<i>32,7</i>	<i>45,3</i>
Всего стран с устойчивыми объемами средне- и долгосрочного финансирования через ЭКА:									
	22	26	26	28	28	28	29	29	27

Составлено и рассчитано по: EXIM Competitiveness Reports за период 2015-2023 гг. (данные приведены в табл. 2).

На Республику Корея приходилось примерно от 8% до 15% общемировых объемов господдержки. Удельный вес Республики Корея в общемировых объемах связанного с торговлей финансирования составил от 5% до 10%, инвестиционного – от 2% до 15% (и до 21% в 2022 г.). Корейские компании получили приблизительно от 3% до 50% мирового несвязанного государственного финансирования.

Таким образом, три страны СВА – Китай, Республика Корея и Япония – за рассматриваемый период сохраняли мировое лидерство с удельным весом от примерно 40% до 70% и более как в общемировых совокупных объемах государственного стимулирования внешнеэкономической деятельности, так и по отдельным типам программ кредитования.

Принимая во внимание, что на мировом рынке конкурируют более 110 на-

⁴ National Association of Manufactures. «The Global Export Credit Dimension. The Size of Export Foreign Agencies Compared to the Export Credit Bank of the United States» URL: <https://www.nam.org/wp-content/uploads/2019/05/Global-Export-Credit.pdf> (дата обращения: 05 октября 2025 г.)

⁵ Средне- и долгосрочное финансирование не включает программы связанного с торговлей официального финансирования, не регулируемого положениями Соглашений ОЭСР (инвестиционное, несвязанное финансирование и в рамках так называемого «рыночного окна»).

⁶ Инвестиционное финансирование предназначено для отечественных инвесторов, приобретающих долю в иностранной компании или проекте за рубежом. Включает страхование или гарантию, покрывающую политические риски инвестора или риски неплатежа по долговым обязательствам.

⁷ Несвязанное финансирование предоставляется чаще всего многонациональной компании для продвижения национальных интересов страны-поставщика, а не для прямого финансирования экспортных продаж. Предназначено для достижения стратегических целей.

Таблица 2

**Динамика стоимостных объемов нового официального экспортного
финансирования в Японии, Республике Корея и Китае в 2015–2023 гг.**
(в млрд долл. США)

Страна, тип финансирования	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Япония:									
краткосрочное ⁸ (NEXI)	52,9	52,9	51,4	49,8	49,8	-	-	-	-
средне- и долгосрочное (рейтинг)	4,4 (8)	1,6 (15)	2,0 (11)	1,3 (18)	3,6 (11)	0,9 (17)	0,6 (20)	0,5 (19)	0,3 (19)
инвестиционное	31,6	23,2	21,0	18,2	19,4	36,9	29,9	13,6	11,6
несвязанное	1,3	1,5	0,6	1,1	2,0	1,6	1,8	2,0	5,8
Республика Корея:									
краткосрочное (K-SURE)	136,5	124,7	118,1	121,9	120,2	-	-	-	-
средне- и долгосрочное (рейтинг)	9,5 (3)	7,4 (5)	7,9 (4)	10,6 (4)	5,8 (7)	5,0 (5)	4,8 (6)	7,9 (4)	9,7 (4)
инвестиционное	2,1	5,5	7,3	9,4	6,9	7,5	8,6	11,0	4,5
несвязанное	7,7	6,8	1,0	0,4	5,2	4,0	3,1	4,3	9,2
Китай:									
краткосрочное (SINOSURE)	363,9	375,2	412,8	481,4	481,4	-	-	-	-
средне- и долгосрочное - только СЕХИМ (рейтинг)	51,0 (1)	34,3 (1)	36,3 (1)	39,1 (1)	33,5 (1)	18,0 (1)	11,0 (1)	11,0 (2)	15,3 (2)
инвестиционное	48,6	51,4	44,7	22,0	23,1	18,2	13,2	13,0	18,4
несвязанное	4,5	3,9	3,9	3,9	9,6	1,2	0,1	0,0	0,0
Общемировые объемы финансирования (справочно):									
средне- и долгосрочное	130,8	116,8	108,9	128,8	117,6	81,6	70,3	84,6	96,3
инвестиционное	93,0	92,2	82,0	60,3	62,8	73,8	62,4	52,1	48,6
несвязанное	15,5	19,5	13,7	11,9	23,2	14,9	17,6	19,3	33,1
всего:	239,3	228,5	204,6	201,0	203,6	170,3	150,3	156,0	178,0

Составлено по: EXIM Competitiveness Reports за период 2015–2023 гг. URL: <https://www.exim.gov/news/reports/competitiveness-reports> (дата обращения: 17 сентября 2025 г.) Примечания: (1) Несвязанное финансирование за 2015–2016 гг. приведено с учетом финансирования в рамках «рыночного окна». (2) Данные по долго- и среднесрочному финансированию в Китае включают только финансирование СЕХИМ и не учитывают: финансирование Банка развития Китая, который мог предоставлять ежегодно до 10 млрд. долл. США; программы льготного финансирования, которое в разные годы в 2–3 раза превышало объемы экспортного финансирования (оценки приведены по 2017 EXIM Competitiveness Report. P. 20. URL: https://img.exim.gov/s3fs-public/reports/EXIM-Competitiveness-Report_June2017.pdf (дата обращения: 20 сентября 2025 г.)

циональных ЭКА (устойчивые объемы поддержки за рассматриваемый период 2015–2023 гг. обеспечивали около трети из них), которые стремятся продвигать отечественных экспортеров за рубеж с использованием господдержки, возникает риск гонки экспортных кредитов, подразумевающий их неконтролируемое использование. [Dawar, 2020]

На активизацию деятельности государств по поддержке национального экспорта за рубежом оказывают влияние новые глобальные тенденции, такие как геополитическая напряженность, цифровая революция и изменение климата, которые меняют развитие мировой торговли, создавая одновременно новые угрозы и новые возможности.⁹

⁸ Новое краткосрочное финансирование, включая программы поддержки оборотного капитала и цепочек поставок. Из-за сложности сбора и агрегирования данных (в ряде стран ЕС государственным ЭКА законодательно запрещено предоставлять краткосрочную поддержку «рыночным рискам», поскольку развит рынок частных страховщиков; в странах Азии, напротив, рынок частных страховщиков не развит) с 2020 г. данные не публикуются.

⁹ World Trade Organization. 2024 World Trade Report «Trade and Inclusiveness. How to Make Trade Work for All». P. 31 // WTO official website. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/wtr24_e/wtr24_e.pdf (дата обращения: 15 сентября 2025 г.)

Финансовые институты, стратегии и программы поддержки экспорта и внешнеэкономической деятельности в Японии, Республике Корея и Китае

При глобальном лидерстве трех стран СВА по объемам государственного стимулирования внешнеэкономической деятельности, а также структурно схожих национальных институциональных системах Япония, Республика Корея и Китай выстроили разные подходы и стратегии, делая акцент на разные программы финансирования.

Система государственных ЭКА Японии (табл. 3) представлена Японским банком международного сотрудничества (JBIC) и Японской корпорацией по страхованию экспорта и инвестиций (NEXI).

Миссия JBIC заключается в содействии устойчивому развитию Японии, международной экономики и общества в целом. Деятельность осуществляется по 4 направлениям:

1) содействие международному развитию и обеспечение стабильного долгосрочного доступа Японии к жизненно важным природным ресурсам – содействие «зеленой» трансформации экономики и поддержка японских компаний, приобретающих доли в зарубежных ресурсных проектах для последующего импорта продукции в Японию;

2) повышение международной конкурентоспособности японской промышленности – финансовая поддержка экспорта машин, оборудования, морских судов и др., поддержка участия японских компаний в зарубежных инфраструктурных проектах, зарубежной производственной и сбытовой деятельности японских компаний, расширяющих свое присутствие за рубежом, включая средние компании и МСП;

3) содействие развитию зарубежного бизнеса, деятельность которого направ-

лена на сохранение окружающей среды : поддержка проектов в зарубежных странах, таких как строительство электростанций на возобновляемых источниках энергии с использованием японских технологий, установка энергосберегающего оборудования;

4) поддержание глобальной финансовой стабильности и разработка специальных антикризисных мер для поддержки японских компаний и финансовых институтов развивающихся стран в периоды мировых кризисов.¹⁰

JBIC имеет 2 офиса в Японии (Токио и Осаке), а также сеть представительств в Сингапуре, Пекине, Бангкоке, Ханое, Джакарте, Маниле, Нью-Дели, Сиднее, Лондоне, Москве, Париже, Стамбуле, Дубае, Нью-Йорке, Вашингтоне, Буэнос-Айресе, Мехико, Рио-де-Жанейро.¹¹

Япония отошла от политики связанного экспортного кредитования, которая была направлена на стимулирование внутреннего рынка труда и создала модель, ориентированную на поддержку ведущей роли японских компаний в международной торговле: если в 1985 г. на долю экспортных кредитов приходилось 40% кредитного портфеля JBIC, на импортные кредиты – 36% , на инвестиционные кредиты – 21%, на несвязанные кредиты – 11%, то в 2022 г. удельный вес инвестиционных кредитов превысил 80%, а экспортных кредитов сократился до около 3%.¹²

В рамках кредитной и гарантийной поддержки JBIC предлагает финансирование японским компаниям и их зарубежным филиалам, «приемлемым иностранным компаниям», которые являются для Японии частью цепочек поставок стратегически важных товаров, а также иностранным правительствам и финансовым институтам (табл. 3).

Приоритетным получателем финанси-

¹⁰ JBIC Profile: Role and Function. Pp.1-2. (URL: <https://www.jbic.go.jp/en/about/image/jbic-brochure-english.pdf>)

¹¹ 2024 JBIC Integrated Report. P. 111 (URL: https://www.jbic.go.jp/en/information/annual-report/image/2024E_m00_full.pdf)

¹² JBIC Profile: Role and Function. P. 6–7. (URL: <https://www.jbic.go.jp/en/about/image/jbic-brochure-english.pdf>) – показатели удельного веса приведены с учетом 7 программ финансирования, приведенным в таблице 3: экспортные, импортные, зарубежные инвестиционные, несвязанные кредиты, кредиты иностранным государствам, гарантии, кредиты в акционерный капитал.

¹³ Japan External Trade Organization. Global Trade and Investment Report 2025. P.19 // JETRO official website. URL: https://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper/ (дата обращения: 15 октября 2025 г.).

Таблица 3

Система институтов и программ государственной финансовой поддержки экспорта в Японии, Республике Корея и Китае

Япония	Республика Корея	Китай
<p>Японский банк международного сотрудничества – JBIC (1991 г.)</p> <p>* <i>Экспортные кредиты</i> – программы кредитования покупателей – для зарубежных импортеров и финансирования на условиях аналогичных экспортным кредитам в рамках Соглашения ОЭСР, в целях поддержки экспорта японских машин, оборудования и технологий в развивающиеся страны;</p> <p>* <i>Импортные кредиты</i> – для японских импортеров стратегически важных товаров и их зарубежных филиалов;</p> <p>* <i>Зарубежные инвестиционные кредиты</i> – программы поддержки прямых иностранных инвестиций Японии. Для японских компаний (МСП или проектов, обеспечивающих стратегические интересы Японии), зарубежных японских филиалов, иностранных правительств или финансируемых, имеющих долю или кредитующих японские зарубежные филиалы; проектов по М&А, финансирование зарубежных предприятий, повышение устойчивости цепочек поставок в Японию;</p> <p>* <i>Независимые кредиты</i> – программы для зарубежных стран в целях достижения равновесия платежного баланса и стабилизации нацвалют; а также для зарубежного бизнеса, «приемлемых иностранных компаний», которые являются для Японии частью цепочек поставок стратегически важных товаров. Не обусловлены инвестициями или закупкой оборудования и материалов из Японии;</p> <p>* <i>Инвестиции в акционерный капитал</i> – взносы в капитал компаний, где японские компании имеют доли участия для реализации зарубежных проектов, а также фонды, где роль японских компаний значительна;</p> <p>* <i>Гарантии</i> по кредитам, выданным частными финансовыми учреждениями, облигациям,</p>	<p>Экспортно-импортный банк Кореи – KEXIM (1976 г.)</p> <p>* <i>Экспортные кредиты</i>: на стимулирование экспорта (3–10 лет) – программы для корейских экспортеров, планирующих начать экспортно-ориентированный бизнес или расширить производственные мощности для роста экспорта; на капиталовложения и НИОКР крупных компаний, инвестирующих в сферы знаний, культурного контента, здравоохранения, «зеленую» энергетику; на развитие экспорта (до 3 лет) – для МСП и компаний с опытом экспорта прав интеллектуальной собственности на основе их прошлых экспортных показателей; <i>проектные кредиты</i> – для предоставления экспортерам оборотного капитала на повышение эффективности экспортных контрактов; на содействие экспорту (до 30 лет) – для компаний, включая покупателей, способствующих осуществлению экспортных операций корейских компаний (платежи иностранных компаний и правительств за импорт из Кореи, капиталовложения и оборотный капитал);</p> <p>* <i>Импортные кредиты</i> (до 10 лет на капиталовы, до 2 лет на пр. товары) – для корейских компаний, импортирующих товары или природные ресурсы, важные для национальной экономики; на содействие импорту (до 3 лет на оборотный капитал, до 30 лет – пр.) – для организаций, участвующих в импортных транзакциях, важных для национальной экономики (корейских и иностранных компаний, иностранных правительств);</p> <p>* <i>Зарубежные инвестиционные кредиты</i> (до 30 лет) – для корейских компаний, инвестирующих за рубеж; на приобретение долей в акционерном капитале или долгосрочный кредит зарубежным дочерним компаниям; на зарубежные проекты (до 3 лет – на оборотный капитал, до 30 лет – пр.) – для корейских компаний, работающих за</p>	<p>Экспортно-импортный банк Китая – СЕХИМ (1994 г.)</p> <p>* <i>Кредитование внешнеторговой деятельности</i> – кредиты для поддержки торговли товарами и технологиями между Китаем и зарубежными рынками; кредиты, квалифицированным внешнеторговым компаниям на исследования и разработки, закупки, производство, продажу услуг; кредиты квалифицированным компаниям на использование преимуществ производственной цепочки, укрепления слабых звеньев, содействие вовлечению внешнеторговых компаний в международные производственные цепочки для содействия развитию экономики Китая и расширения ее участия в международном сотрудничестве;</p> <p>* <i>Трансграничное инвестиционное кредитование</i> – для китайских компаний на территории Китая или за рубежом для поддержки инвестиций на зарубежных рынках; кредитование проектов, соответствующих политике правительства Китая и реализуемых иностранными инвесторами в Китае;</p> <p>* <i>Кредитование международного сотрудничества</i> – для поддержки международного экономического сотрудничества между Китаем и зарубежными странами; кредиты на реализацию зарубежных проектов;</p> <p><i>Кредитование развития открытой экономики</i> – кредиты остальным отечественным компаниям, чья деятельность в соответствии с политикой правительства Китая направлена на содействие качеству Китаю на мировом рынке, усилению поддержки ключевых секторов и слабых звеньев национальной экономики;</p> <p>* <i>Льготное кредитование и преференциальное экспортное кредитование покупателя</i> – по полномочиям от правительства Китая;</p> <p>* <i>Перекрытое кредитование от иностран</i></p>

<p>правительств развивающихся стран или зарубежных японских компаний, валютным сводам, по гарантиям экспортно-кредитных агентств в других странах;</p> <p>* <i>Бридж-кредиты</i> – краткосрочные кредиты правительства развивающихся стран для покрытия дефицита по внешним операциям;</p> <p>* <i>Приобретение кредитных активов</i>, государственных и корпоративных облигаций (для привлечения средств частных финансовых институтов в мировую финансовую систему) и др.</p>	<p>рубжом без создания дочерних компаний, на капложения и оборотный капитал; для <i>зарубежного бизнеса (до 3 лет – на оборотный капитал, до 30 лет – пр.)</i> – предоставляется напрямую иностранным компаниям, в которых корейские компании имеют долю участия (в т. ч. <i>зарубежным дочерним компаниям</i>); на <i>содействии развитию зарубежного бизнеса (до 30 лет)</i> – для компаний, развивающих зарубежный бизнес (включая <i>зарубежные инвестиции</i>);</p> <p>* <i>Несвязанные межбанковские кредиты</i> – для иностранных банков в целях предоставления кредитов компаниям, связанным с Кореей;</p> <p>* <i>Инвестиционная программа поддержки акционерного капитала</i> – для содействия участию корейских компаний в проектах инвестиционно-девалоперского типа»;</p> <p>* <i>Финансовые гарантии, гарантирующие исполнение обязательств, структурированное торговое финансирование и др.</i></p>	<p><i>ных правительств и международных финансовых организаций;</i></p> <p>* <i>Торговое финансирование</i> – для активной поддержки ключевых инициатив Китая в области международного сотрудничества, в т. ч. «Один пояс, один путь», трансграничных инвестиций, зарубежных проектов, международного сотрудничества в сфере промышленного потенциала и производства оборудования. Направлено по поддержке цепочек поставок и МСП, поддержку интернационализации юаня;</p> <p>* <i>Кредитование инвестиций в основной капитал</i> – в рамках инициативы «Один пояс, один путь»;</p> <p>* <i>Специальные кредиты, назначаемые Госсоветом КНР</i>;</p> <p>* <i>Финансовые гарантии и другие банковские услуги</i></p>
<p>Японская корпорация по страхованию экспорта и инвестиций – NEXI (2001 г.)</p> <p>* <i>Страхование экспортных кредитов</i> – экспортта, в т. ч. лицензионного, посреднической торговли и технического, постоянного контрактов и др.;</p> <p>* <i>Страхование кредита покупателя</i>;</p> <p>* <i>Страхование зарубежных инвестиций</i> японских компаний, их дочерних компаний или СП;</p> <p>* <i>Страхование зарубежных несвязанных кредитов</i> в сфере зеленых инноваций, природных ресурсов и энергетики</p>	<p>Корейская корпорация по страхованию торговли – K-SURE (1992 г.)</p> <p>* <i>Страхование краткосрочных экспортных кредитов</i> – для корейских экспортёров, зарубежных компаний, обеспечивающих покрытие рисков по экспортным сделкам с капитальными товарами или по контракту, касающемуся зарубежных операций корейских компаний;</p> <p>* <i>Гарантии по экспортным кредитам</i> – для финансовых учреждений, предоставляющих экспортное финансирование;</p> <p>* <i>Страхование валютных рисков</i> – для МСП для хеджирования валютных рисков</p>	<p>Китайская корпорация по страхованию экспортных кредитов – SINOSURE (2001 г.)</p> <p>* <i>Страхование краткосрочных и долгосрочных экспортных кредитов</i>;</p> <p>* <i>Страхование зарубежных инвестиций</i>;</p> <p>* <i>Страхование внутренних торговых кредитов</i>;</p> <p>* <i>Облигации и гарантии («зеленая» трансформация международного сотрудничества)</i>;</p> <p>* <i>Перестрахование, связанное со страхованием экспортных кредитов и др.</i></p>

Составлено по: Япония – JBIC Profile: Role and Function (URL: <https://www.jbic.go.jp/en/about/image/jbic-brochure-english.pdf>), 2023 Annual Report. Nippon Export and Investment Insurance (URL: <https://www.nexi.go.jp/en/publications.html>); Республика Корея – Guide to the Export-Import Bank of Korea (URL: <https://www.koreaexim.go.kr/he/index#none>), 2024 K-SURE Annual Report (URL: <https://www.ksure.or.kr/rh-en/bbs/i-670/detail.do>); Китай – по материалам официального сайта CEXIM (URL: <http://english.eximbank.gov.cn/Profile/AboutTB/Introduction/>), 2024 CEXIM Annual Report (URL: <http://english.eximbank.gov.cn/News/AnnualR/2024eng/>), 2023 SINOSURE Annual Report (URL: <https://www.sinosure.com.cn/en/information/report/2024/08/218750.shtml>)

рования по линии JBIC являются страны Азии – их удельный вес в обязательствах по кредитам и инвестициям банка по состоянию на 31 марта 2023 г. составил 32,4% по 11839 проектам (в 2021–2024 гг. внутри региона обозначилась тенденция к снижению японских инвестиций в странах АСЕАН и увеличению – в Индии¹³). Удельный вес стран Европы составил 16,7% по 3969 проектам, Северной Америки – 14,9% по 3116 проектам, Латинской Америки и Карибского бассейна – 14,6% по 4246 проектам, Ближнего Востока – 10,2% по 843 проектам, Африки – 6,2% по 2386 проектам, Океании – 5% по 1145 проектам.

Поддержка внешнеэкономической деятельности японских компаний ведется на основе тщательного анализа, проводимого государственными агентствами в форме ежегодных опросов национального бизнеса, мнение которого учитываются при совершенствовании мер поддержки.¹⁴

NEXI осуществляет страхование экспортных кредитов, содействие экспортно-импортным операциям японских компаний за рубежом (страхование внешнеэкономической деятельности японских компаний, в том числе МСП, а также инвестиционных проектов в приоритетных сферах).

Система страхования внешней торговли как одно из направлений стимулирования внешнеэкономической деятельности японских компаний была принята в 1950-е гг. в рамках политики поощрения экспорта. В настоящее время роль внешнеторгового страхования не ослабевает и остается стабильной – с середины 2010-х гг. и по настоящее время экспортное страхование покрывает около 18% экспортных контрактов Японии. [Ноздрева, 2020]

Структура портфеля NEXI по сумме страхового покрытия за период 2019–2023 гг. претерпела некоторые изменения: удельный вес страхования экспортных и инвестиционных кредитов оста-

вался достаточно стабильным (на уровне около 70%–76% и 9%–10% соответственно), а удельный вес страхования несвязанных кредитов увеличился вдвое – с 6,8% до 14,8%.

В 2023 г. 50,9% обязательств по страховому покрытию NEXI приходилось на страны Азии (в т. ч. Китай – 8,6%, Индонезию – 6,9%, Таиланд – 5,4%, Республику Корея – 3,9%), 10,4% – на страны Ближнего Востока (в т. ч. Саудовскую Аравию – 3,6%, ОАЭ – 3,4%), 6,7% – страны Северной Америки (в т. ч. США – 6,4%), 9,1% – страны Южной Америки (в т. ч. Бразилию – 4,1%).¹⁵

Система государственного экспортного страхования в Японии рассматривается в качестве механизма неявного субсидирования японских экспортеров и участников внешнеэкономической деятельности, поскольку по своим условиям страхование не противоречит правилам мировой торговой системы, имея краткосрочный, а не долгосрочный характер, что может быть принято во внимание развивающимися странами как приемлемое средство стимулирования экспорта. [Mah, Milner, 2005]

Проведенные исследования относительно влияния инструментов финансовой поддержки на сбой в торговле, возникшие в результате мирового финансового кризиса, показали, что в Японии государственное экспортное кредитование продемонстрировало эффективные механизмы коррекции краткосрочных изменений в торговых потоках. [Simdi, Tunahan, Jahangir, 2025]

Система ЭКА Республики Корея (табл. 3) представлена двумя государственными агентствами – Экспортно-импортным банком Кореи (КЕХИМ) и Корейской корпорацией по страхованию торговли (K-SURE), деятельность которых направлена на укрепление национальной экономики через поддержку конкурентоспособности корейского экспорта.

КЕХИМ активно поддерживает экспортную ориентацию экономики стра-

¹⁴ Japan Bank for International Cooperation. FY2024 JBIC Survey (36th) Report on Overseas Business Operations by Japanese Manufacturing Companies. December 12, 2024. URL: https://www.jbic.go.jp/en/information/press/press-2024/press_00110.html (дата обращения: 05 ноября 2025 г.)

¹⁵ Рассчитано и составлено по: 2023 Annual Report. Nippon Export and Investment Insurance. P. 17. URL: <https://www.nexi.go.jp/en/publications.html> (дата обращения: 10 сентября 2025 г.)

ны, содействуя развитию экономического сотрудничества с зарубежными странами, стремится стать «глобальным финансовым партнером, соединяющим Корею с миром». Долгосрочные стратегические цели связаны с «расширением глобального участия в инициативах развития в целях продвижения и расширения национальных интересов».¹⁶

КЕХИМ имеет 16 офисов в Корее, а также развитую сеть присутствия за рубежом – 37 представительств в Европе, Америке, Азии, на Ближнем Востоке и Африке.¹⁷

Государственная финансовая поддержка в Корее в период 2015–2023 гг. была достаточно сбалансирована по своей структуре (табл. 2): совокупные объемы инвестиционного и несвязанного финансирования только после 2019 г. стали превышать объемы средне- и долгосрочных кредитов, для которых была характерна достаточно стабильная динамика.

КЕХИМ предоставляет экспортное и торговое финансирование, программы гарантий, направленные на укрепление конкурентоспособности корейских компаний на мировых рынках, зарубежное инвестиционное финансирование, импортные кредиты (табл. 3). Несвязанные межбанковские кредиты КЕХИМ направлены на защиту доли корейского инвестора в проекте или повышение вероятности успешного завершения проекта, а также на содействие расширению присутствия корейских компаний на зарубежных рынках, повышение узнаваемости бренда и создание преимуществ для цепочек поставок. Инвестиционная программа КЕХИМ ставит своей целью укрепить присутствие Кореи за рубежом через поддержку цепочек поставок или создания сетевых возможностей для ко-

рейских компаний.

Приоритетными секторами господдержки в настоящее время являются: строительство производственных и инфраструктурных объектов за рубежом, морское судостроение (составляет около трети совокупных активов банка), освоение природных ресурсов, развитие сферы услуг (которая будет движущей силой корейской экономики в течение ближайших 5–10 лет)¹⁸, а также проекты, связанные с достижением целей устойчивого развития, передовыми отраслями экономики (в т. ч. производство полупроводников, аккумуляторов и дисплеев).

Для поддержки инновационного роста передовых развивающихся отраслей государственная поддержка сосредоточена на 9 приоритетных направлениях, удельный вес которых в объемах финансирования КЕХИМ в 2024 г. составил: производство и автоматизация – 54,9%, энергетика – 20,1%, электричество и электроника – 9,8%, здравоохранение – 5,4%, услуги экономики знаний – 3,5%, химия и передовые материалы – 2,5%, сенсоры и измерения – 1,3%, окружающая среда и устойчивое развитие – 0,9%, информационно-коммуникационные технологии – 0,9%.¹⁹

В целом в 2024 г. банк профинансировал 152 проекта в 36 странах. По объемам финансирования преобладал регион Азии – его удельный вес составил 49,7%. На Африку пришлось 23,4%, на Евразию – 13,1%. В страновом разрезе лидирующие позиции заняли Камбоджа, Египет и Бангладеш. В отраслевом разрезе 32,3% составил транспорт, 13,4% – энергетика, 10,2% – водные ресурсы и санитария, 7,4% – защита окружающей среды, 3,4% – образование, 3,2% – сельское хозяйство, 2,1% – телекоммуникации.²⁰

¹⁶ 2024 KEXIM Annual Report «We Finance Global Korea». P. 13 URL: <https://www.koreaexim.go.kr/he/HPHEBIO28M01> (дата обращения: 10 сентября 2025 г.)

¹⁷ Там же. P. 197–199)

¹⁸ Guide to the Export-Import Bank of Korea. P.19 URL: <https://www.koreaexim.go.kr/he/index#none> (дата обращения: 10 сентября 2025 г.)

¹⁹ В соответствии с «Общими критериями инновационного роста», принятыми правительством и государственными финансовыми институтами с 2017 г. Составлено и рассчитано по: 2024 KEXIM Annual Report «We Finance Global Korea». P.42 URL: <https://www.koreaexim.go.kr/he/HPHEBIO28M01> (дата обращения: 10 сентября 2025 г.)

²⁰ 2024 KEXIM Annual Report «We Finance Global Korea». P. 65. URL: <https://www.koreaexim.go.kr/he/HPHEBIO28M01> (дата обращения: 10 сентября 2025 г.)

Поддержка внешнеэкономической деятельности в Республике Корея будет оставаться среди приоритетов государственной политики, поскольку страна стремится войти в число семи ведущих экономик мира, для чего ей необходимо наращивать инновационный потенциал и закрепиться в качестве производителя высококачественной продукции. [Lee, 2022]

K-SURE позиционирует себя в качестве ведущего глобального партнера по торговле и инвестициям, предоставляющего комплексные финансовые услуги для стимулирования экспорта и решения финансовых проблем экспортеров. Деятельность K-SURE направлена на укрепление национальной конкурентоспособности через развитие торговли и зарубежных инвестиций.

Стратегические цели, поставленные перед K-SURE, сводятся к масштабированию экспортных предприятий, достижению лидерства в страховании торговли и инвестиций, оказанию клиентоориентированных услуг, созданию стабильных возможностей для бизнеса.²¹

Достижение этих целей реализуется через решение двенадцати стратегических задач, основными среди которых являются: адресная поддержка МСП, цифровизация предоставляемых услуг, расширение финансовой поддержки зарубежной деятельности корейских компаний, в т. ч. выигравших тендеры; стимулирование экспорта передовых развивающихся отраслей; обеспечение финансовой устойчивости; создание предпосылок для увеличения объемов страхования.

Наибольший удельный вес в объемах поддержки по линии K-SURE в 2024 г. занимали страны Северной Америки (инвестиции в производство электромобилей и аккумуляторов для них) – 28,7%, Европы – 21,3%, Азии – 15,2%, Африки (экспортер установок солнечной энергетики) – 14,4%.²²

В 2025 г. агентство запланировало разработать меры поддержки для экспорте-

ров, пострадавших от протекционизма на ключевых рынках, расширить список стран с высоким потенциалом роста и земщиков государственного сектора, диверсифицировать географию оказания услуг, повысив лимиты страхования для импортеров в странах глобального Юга.

Исследования, изучавшие вопросы государственного страхования экспорта в Корею [Lee, Lim, 2015], показали, что государственные стимулы по экспортному страхованию не способствовали стимулированию экспортных поставок, несмотря на то, что доля экспорта Кореи, застрахованного системой экспортного страхования, за последние несколько десятилетий была одной из самых высоких в мире. [Mah, 2010] В качестве решения проблемы рекомендовалось рассмотреть оптимизацию редко используемых страховых программ и сокращение транзакционных издержек. Это хорошо реализуемо, в частности, через использование онлайн платформ предоставления услуг, а также создания среды и системы поддержки для МСП, работающих в сфере онлайн экспорта. [Коо, 2022]

Основными государственными экспортно-кредитными агентствами Китая являются Экспортно-импортный банк Китая (СЕХИМ), подчиненный Госсовету КНР, и Китайская корпорация по страхованию экспортных кредитов (SINOSURE) (табл. 3). К системе ЭКА относится также Государственный банк развития Китая (СДВ) под эгидой Госсовета КНР, программы которого схожи с экспортными кредитами и направлены на поддержку китайских компаний в конкуренции с западными концернами, с акцентом на проектах «зеленой» энергетики.

Все китайские ЭКА являются «политико-ориентированными», имеют четко обозначенные полномочия по содействию реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь».

СЕХИМ является государственным финансовым институтом, нацеленным на реализацию национальных стратегий

²¹ 2024 K-SURE Annual Report. P. 15. URL: <https://www.ksure.or.kr/rh-en/bbs/i-670/detail.do> (дата обращения: 10 сентября 2025 г.)

²² Рассчитано по: 2024 K-SURE Annual Report. P. 27. URL: <https://www.ksure.or.kr/rh-en/bbs/i-670/detail.do> (дата обращения: 10 сентября 2025 г.)

развития, который действует на рыночных принципах, имеет четкое позиционирование, уникальные функции, достаточный капитал и потенциал для устойчивого развития.²³

При государственном финансировании СЕХИМ отведена главная роль в содействии устойчивому экономическому росту и структурной перестройке национальной экономики, поддержке внешней торговли и внешнеэкономической деятельности. Перед СЕХИМ также поставлены задачи усиления финансовой поддержки ключевых секторов и слабых звеньев китайской экономики для достижения устойчивого социально-экономического развития.

Финансовые программы СЕХИМ направлены на сферы внешней торговли, трансграничных инвестиций, на проекты в рамках инициативы «Один пояс, один путь», развитие международного сотрудничества в области промышленного потенциала и производства оборудования, науки и технологий, культуры, а также МСП и построения открытой экономики (табл. 3).

СЕХИМ имеет 32 отделения на материковой части Китая, а также филиалы и представительства в Гонконге, во Франции, на Африканском континенте, в России, Польше, Чили и Узбекистане.²⁴

В 2024 г. в структуре финансирования внешнеторговой деятельности по линии СЕХИМ 42,4% пришлось на кредитование торговли товарами, 25,1% – на развитие внешнеторговых предприятий, 24% – на торговое финансирование, 8% – на развитие внешнеторговых производственных цепочек, 0,44% – на кредитование торговли услугами. В трансграничном инвестиционном кредитовании, охватывающем финансирование инвестиций китайских компаний за рубежом, а также инвестиции иностранных

компаний в Китае, около 72% приходилось на прямые инвестиции (где проекты «грин-филд» составили около 60%, «браун-филд» – около 40%). На косвенные инвестиционные кредиты, выдаваемые через посредников, пришлось примерно 28%. В кредитовании международного сотрудничества кредиты на реализацию зарубежных проектов составили около 42%, около 32% пришлось на суверенные займы. В структуре кредитования развития открытой экономики около 32% пришлось на кредитование крупных проектов в Китае. Структура и объемы по остальным типам кредитования, включая льготные и преференциальные программы, не приводятся.²⁵

Внеэкономическая деятельность китайских компаний, включая МСП, в значительной степени зависит от наличия возможностей по преодолению финансовых ограничений, а государственная финансовая поддержка имеет решающее значение для китайских экспортеров. [Peng, Chen, Li, 2025]

Отличительной особенностью китайской модели государственной поддержки внешнеэкономической деятельности являются программы льготного кредитования и преференциальные экспортные кредиты покупателям, на которые СЕХИМ уполномочен правительством Китая. По имеющимся оценкам, объемы такого льготного финансирования в 2–3 раза превышают объемы стандартного экспортного финансирования, а льготные кредиты часто выдаются совместно с экспортными кредитами, формируя так называемое «смешанное финансирование».²⁶ Деятельность китайского эксимбанка вызывает опасения и критику со стороны развитых стран из-за масштабов финансирования, применяемой тактики и программ финансирования, проблем, связанных с прозрач-

²³ Источник: официальный сайт CIMEX. URL: <http://english.eximbank.gov.cn/Profile/AboutTB/Introduction/> (дата обращения: 10 сентября 2025 г.)

²⁴ 2024 CEXIM Annual Report. Pp. 185–190. URL: <http://english.eximbank.gov.cn/News/AnnualR/2024eng/> (дата обращения: 10 сентября 2025 г.)

²⁵ 2024 CEXIM Annual Report. Pp. 48–51. URL: <http://english.eximbank.gov.cn/News/AnnualR/2024eng/> (дата обращения: 10 сентября 2025 г.)

²⁶ 2017 EXIM Competitiveness Report. P. 20. URL: https://img.exim.gov/s3fs-public/reports/EXIM-Competitiveness-Report_June2017.pdf (дата обращения: 20 сентября 2025 г.)

ностью, неучастия в Соглашении ОЭСР и возможным нарушением правил ВТО по экспортным субсидиям. [Dorozynska, Dorozynski, 2022]

По состоянию на конец 2024 г. СЕХ-ИМ предоставил льготные кредиты более чем 90 странам АСЕАН, Южной Азии, Центральной Азии, Западной Азии, Африки, Латинской Америки, Центральной и Восточной Европы, а также Южно-Тихоокеанского региона, что способствовало строительству и расширению в развивающихся странах более 800 километров дорог и мостов, более 100 километров железных дорог, 1300 мегаватт установленной мощности и запуску проектов в сфере транспорта, энергетики, водных ресурсов, цифровых технологий и телекоммуникаций. Все эти проекты способствовали улучшению инвестиционного климата и благосостояния населения, что в итоге расширило возможности не только развития экономики этих стран, но и их взаимодействия с Китаем.²⁷

SINOSURE, также как и СЕХИМ, является «политически-ориентированным» финансовым институтом, ответом на вызовы глобализации и развития внешнеэкономического сектора экономики Китая с особым вниманием на реализации национальных стратегий.²⁸

Принимая на себя ответственность за «выполнение политических функций и обслуживание открытой экономики», SINOSURE оказывает содействие экспортным операциям и зарубежным инвестициям китайских компаний, играет важную роль в поддержке инициативы «Один пояс, один путь», способствует стабильному и качественному росту внешней торговли (прежде всего высокотехнологичной продукцией с высокой добавленной стоимостью, включая машиностроение и электротехническую продукцию), расширяет возможности для международного сотрудничества.

По состоянию на конец 2024 г.

SINOSURE оказала поддержку внутренней и внешней торговле и инвестициям Китая на сумму более 9 трлн долл. США, услугами по кредитному страхованию воспользовалось более 350 000 предприятий. Согласно статистике Бернского союза, с 2015 г. SINOSURE неизменно занимает первое место среди членов Европейской ассоциации страховщиков по общим объемам страхования.

Наибольший удельный вес в объемах предоставленных услуг SINOSURE по состоянию на конец 2023 г. занимало страхование по краткосрочным экспортным кредитам: его доля составила около 83% и увеличилась в 1,5 раза за период 2019–2023 гг.²⁹

Многие исследователи интерпретируют государственный характер поддержки в Китае в целом как партийно-ориентированный, политически мотивированный или субсидируемый государством [например, Norwell, 2019]. Однако по своим условиям китайские экспортные кредиты являются коммерческими, а не льготными (особенно в сравнении с кредитами развитых стран) и предназначены для крупных инфраструктурных проектов в развивающихся странах, что позволяет сделать вывод об их двойственной природе – комбинации кредитования и официальной помощи развитию. В этой связи можно говорить о том, что кредиты «политических» банков и агентств Китая, в отличие от широко распространенной модели субсидирования государством международной конкуренции компаний, демонстрируют новый способ участия государства в развитии – в частности, не столько прямое направление капитала, сколько повышение доверия к проектам посредством косвенной поддержки (предоставление гарантий, обеспечение активами и координация сторон). Такой «государственно-рыночный» способ финансирования развития позволяет развивающимся стра-

²⁷ 2024 CIMEX Annual Report. P. 52. URL: <http://english.eximbank.gov.cn/News/AnnualR/2024eng/> (дата обращения: 10 сентября 2025 г.)

²⁸ Официальный сайт SINOSURE. URL: <https://www.sinosure.com.cn/en/Sinosure/Profile/index.shtml> (дата обращения: 10 сентября 2025 г.)

²⁹ 2023 SINOSURE Annual Report. P. 24. URL: <https://www.sinosure.com.cn/en/information/report/index.shtml> (дата обращения: 10 сентября 2025 г.)

нам, которые не имеют фискальных возможностей для прямого финансирования инфраструктуры, не привлекают достаточных коммерческих инвестиций и получают ограниченные объемы помощи или льготного кредитования от традиционных доноров, иметь возможность финансировать свои инфраструктурные проекты. [Chen, 2020]

В международном сообществе Китай обвиняют в попытках побудить развивающиеся страны взять на себя долги, превышающие их возможности по погашению. Поддержание приемлемого уровня задолженности стран-получателей не только критически важно для защиты зарубежных инвестиционных интересов Китая, но и напрямую связано с его международной репутацией. С этой целью Китай стремится стимулировать международное сообщество к совершенствованию правил оценки финансирования официальных экспортных кредитов, а также системы мониторинга и регулирования инвестиционных рисков, что в конечном итоге будет способствовать внедрению практики «ответственного» экспортного кредитования различными странами-кредиторами и более эффективной международной координации и сотрудничеству. [Zhao, 2023]

Резюмируя вопросы поддержки экспорта и внешнеэкономической деятельности, осуществляемые в трех ведущих мировых экспортно-ориентированных странах СВА – Японии, Республике Корея и Китае, можно выделить специфику стратегических подходов государства к усилению позиций внешнеэкономического сектора национальной экономики на зарубежных рынках.

Деятельность ЭКА в Японии направлена на обеспечение стабильного долгосрочного доступа страны к жизненно важным природным ресурсам, повышение международной конкурентоспособности японской промышленности, содействие развитию «зеленой» трансформации экономики с использованием японских технологий, поддержание глобальной финансовой стабильности.

Япония отошла от политики экспортного кредитования и перешла на модель,

ориентированную на поддержку ведущей роли японских компаний на мировом рынке, резко нарастив использование инвестиционного финансирования, направленного на обеспечение интересов страны в зарубежных стратегически важных проектах по всему миру, а также на повышение устойчивости цепочек поставок.

Следует отметить, что Япония, в сравнении с Республикой Корея и Китаем, имеет самую малочисленную экосистему государственной финансовой поддержки внешнеэкономического сектора экономики – 18 зарубежных представительств и 2 отделения JVIC внутри страны.

Одна треть объемов японской господдержки пришлась на регионы Азии, примерно еще одна треть – совокупно на страны Европы и Северной Америки (по обязательствам обязательствам по кредитам и инвестициям по состоянию на 31 марта 2023 г.)

ЭКА в Республике Корея активно поддерживают экспортную ориентацию экономики страны, стремятся стать глобальным финансовым партнером, соединяющим Корею с внешними рынками. Их долгосрочные стратегические цели связаны с расширением глобального участия корейского бизнеса в инициативах развития для продвижения и расширения национальных интересов через поддержку конкурентоспособности корейских экспортеров и укрепление цепочек поставок.

В достижении этих стратегических целей задействована филиальная сеть КЕХ-ИМ из 37 зарубежных представительств и 16 отделений в Корее.

Корейская государственная поддержка в 2024 г. была направлена преимущественно в страны Азии (почти половина объемов) и Африки (около четверти объемов).

При наличии во многом схожих кредитных и страховых программ для корейских ЭКА, в сравнении с Японией, характерна более сбалансированная структура финансирования – по объемам средне- и долгосрочного торгового финансирования они стабильно занимают четвертую-шестую позиции среди стран с устойчи-

выми объемами финансирования, но в последние годы отдают приоритет инвестиционным и несвязанным программам и не рассматривают экспортные торговые кредиты как основу для наращивания государственной поддержки.

«Политико-ориентированные» или «политические» ЭКА Китая, выступающие безусловными мировыми лидерами в государственной поддержке экспорта и внешнеэкономической деятельности, являются финансовыми институтами, нацеленными на реализацию национальных стратегий развития и одновременно играют главную роль в структурной перестройке национальной экономики.

Кроме поддержки внешнеэкономической системы страны (подразумевающей содействие внешней торговле, трансграничным инвестициям развитию международного сотрудничества в области промышленного потенциала и производства оборудования, науки и технологий, культуры, а также МСП и построению открытой экономики), государственные институты нацелены на усиление финансовой поддержки ключевых секторов и слабых звеньев китайской экономики для достижения устойчивого социально-экономического развития.

В соответствии с этими задачами выстроена филиальная сеть СЕХИМ, которая, в отличие от филиальной сети государственных эксимбанков Японии и Республики Корея, расположена преимущественно на территории Китая – 32 отделения внутри страны и менее 10 отделений за ее пределами.

Все китайские ЭКА имеют четко обозначенные полномочия по содействию реализации китайской международной государственной инициативы «Один пояс, один путь».

В структуре официального экспортного финансирования Китая средне- и долгосрочное кредитование сбалансировано по объемам с инвестиционным финансированием (без учета несвязанного финансирования).

Отличительной особенностью китайской модели государственной поддержки внешнеэкономической деятельности являются программы льготного кредитования

и преференциальные экспортные кредиты (получателями которых по состоянию на конец 2024 г. стали более 90 стран АСЕАН, Южной, Центральной и Западной Азии, Африки, Латинской Америки, Центральной и Восточной Европы, Южно-Тихоокеанского региона), которые являются государственно-рыночным способом финансирования развивающихся стран, испытывающих дефицит финансовых ресурсов, и усиления внешнеэкономического сотрудничества этих стран с Китаем.

Программы краткосрочного страхования широко используются государственными ЭКА трех стран для поддержки внешнеэкономической деятельности, способствуя главным образом сокращению издержек экспортеров, при этом деятельность государственных страховщиков не всегда является безубыточной.

Заключение

Доминирование в последние полтора-два десятилетия трех ведущих экспортно-ориентированных стран СВА – Японии, Республики Корея и Китая – в мировой поддержке экспорта и внешнеэкономической деятельности способствовало формированию азиатской модели стратегической государственной поддержки внешнеэкономического сектора национальной экономики.

Государственная поддержка в этих трех странах ориентирована на экспортеров – «национальных чемпионов» и азиатскую модель ведения бизнеса, связанную с наличием большой сети зарубежных дочерних компаний, что делает инвестиционное и несвязанное финансирование наиболее активно задействованными программами.

Японская государственная поддержка экспорта и внешнеэкономической деятельности в настоящее время основана преимущественно на инвестиционном финансировании. Средне- и долгосрочные кредиты, а также несвязанное финансирование составляют одну пятую часть в ее структуре.

Корейские ЭКА, не рассматривая средне- и долгосрочное финансирование экспорта в качестве основы для расширения государственной поддержки (хотя удельный вес этих программ в структуре

финансирования достаточно устойчив), сбалансированно используют в своих стратегиях инвестиционные и несвязанные программы, которые по совокупности с 2019 г. стали превышать объемы связанного с торговлей средне- и долгосрочного финансирования.

Китайские ЭКА (без учета объемов несвязанного финансирования) используют средне- и долгосрочное кредитование, сбалансированное по объемам с инвестиционным финансированием. Широко используемые несвязанные льготные программы (которые имеют кратно превышающие стоимостные объемы) представляют собой официальную помощь развитию, направленную на стимулирование внешнеэкономического сотрудничества этих стран с Китаем. Еще одной важной характерной чертой финансовой поддержки экспорта и внешнеэкономической деятельности в Китае является ее фокусирование на реализации китайской международной государственной инициативы «Один пояс, один путь».

Таким образом, используя разные стратегии финансирования в рамках азиатской модели (основанные преимущественно на инвестиционном финансировании в Японии, сбалансированном финансировании в Республике Корея с тенденцией возрастания инвестиционных и несвязанных программ, несвязанного смешанного финансирования в виде помощи развитию в Китае с одновременно крупнейшими в мире объемами связанного с торговлей кредитования и высокими показателями инвестиционного финансирования) страны «Большой тройки СВА» продемонстрировали разнообразные подходы к расширению и усилению позиций внешнеэкономического сектора национальной экономики на внешних рынках, сопровождаемые активной поддержкой со стороны государства через созданные для этих целей экспортно-кредитные агентства, которые на современном этапе стали главными институтами реализации государственных внешнеэкономических стратегий.

Список источников:

1. Ноздрева, Р. Б. Реформирование системы государственного страхования внешней торговли Японии // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 8. С. 7–19. EDN: IJANYK
2. Овчинников, А. А. Институциональные формы государственной поддержки экспорта // Вестник РГГУ. (Серия «Экономические науки»). 2011. № 10. С. 287–295. EDN: OGXXBR
3. Спартак, А. Н., Французов, В. В. Новое в государственной поддержке экспорта за рубежом: усиление агрессивности // Международная экономика. 2018. № 9. С. 33–44. EDN: YAJJPN
4. Chen, M. Beyond Donation: China's Policy Banks and the Reshaping of Development Finance // Studies in Comparative International Development. 2020. № 55. Pp. 436–459. <https://doi.org/10.1007/s12116-020-09310-9>
5. Dawar, K. Official Export Credit Support: Competition and Compliances Issues // Journal of World Trade. 2020. Vol. 54. Issue 3. Pp. 373–395. DOI: 10.54648/TRAD2020017 EDN: SQQPCD
6. Dorozynska, A., Dorozynski, T. The Role of Export Credit Agencies in Trade Financing. Lodz University Press. 2022. 103 p. <https://doi.org/10.18778/8331-045-9>
7. Hopewell, K. Power transitions and global trade governance: the impact of a rising China on the export credit regime // Regulation & Governance. April, 2019. April, 2019. Vol.15. P. 634–652. <https://doi.org/10.1111/rego.12253>
8. In, S. Y. Do Export Credit Agencies Benefit the Economy? // Stanford International Policy Review. Stanford University. September 2014. URL: <https://ssrn.com/abstract=2687601> (дата обращения: 15 сентября 2025 г.)
9. Koo, K. H. The Effects of Online Export Promotion Policies for SMEs in Korea (October 13, 2022) // KIEP Research Paper, World Economy Brief 22–45. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4273362>

10. Lee, J. W. Challenges to the Export-Led Growth Strategy in the Digital and Global Era: An Empirical Investigation of South Korea's Experience // *Journal of Asian Finance, Economics and Business*. 2022. Vol. 9, No 6. Pp. 0253–0265. doi:10.13106/jafeb.2022.vol9.no6.0253
11. Lee, S. W., Lim, B. J. Effect of Korea's Export Assistance System on Export Promotion // *Journal of International Trade & Commerce*. 2015. Vol.11. No.6. P. 53-65. <http://dx.doi.org/10.16980/jitc.11.6.201512.53>
12. Mah, J. S. The effect of export incentives on export promotion: the case of Korea // *Journal of International Logistics and Trade*. 2010. № 8(1). P. 57-68. DOI: 10.24006/jilt.2010.8.1.57
13. Mah, J. S., Milner, C. The Japanese export insurance arrangements: Promotion or subsidisation? // *The World Economy*. 2005. Volume 28. Issue 2. P. 231-241. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9701.2005.00680.x>
14. Matray, A., Müller, K., Xu, C., Kabir, P. EXIM's Exit: The Real Effects of Trade Financing by Export Credit Agencies // NBER Working Paper No. 32019. January 2024. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w32019/w32019.pdf (дата обращения: 15 октября 2025 г.)
15. Peng, Q., Chen, Z., Li, J. Financing constraints and the export partnerships with RCEP: Evidence from manufacturing firms in China // *Journal of Asian Economics*. 2025. April. Vol. 97. Article 101870. <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2024.101870> EDN: UJG-ZDO
16. Simdi, H., Tunahan, H., Jahangir, R. The Role of Export Credit Agencies in Trade Around the Global Financial Crisis: Evidence form G20 Countries // *Economics*. 2025. Vol. 19. Issue 1. DOI: 10.1515/econ-2025-0168
17. Wright, C. Export Credit Agencies and Global Energy: Promoting National Exports in a Changing World // *Global Policy* (London School of Economics and Political Science and John Wiley & Sons Ltd.). September 2011. Volume 2. Special Issue. P. 133-143. doi: 10.1111/j.1758-5899.2011.00132.x
18. Zhao, L. Rules of Official Export Credit / *Modern China and International Rules*. Ed. by Chen A. Springer. 2023. 318 p. https://doi.org/10.1007/978-981-19-7576-9_5

References:

1. Nozdreva, R. B. (2020) Reforming Japan's State Foreign Trade Insurance System. *Russian Foreign Economic Journal*, no. 8, pp. 7–19. EDN: IJANYK (in Russ.).
2. Ovchinnikov, A. A. (2011) Institutional Forms of Government Support for Exports. *RGGU Bulletin. Economics Series*, no.10, pp. 287–295. EDN: OGXXBR (in Russ.).
3. Spartak, A. N., Frantsuzov, V. V. (2018) New in State Support for Exports Abroad: Increased Aggressiveness. *International Economics*, no.9, pp. 33–44. EDN: YAJJPN (in Russ.).
4. Chen, M. (2020) Beyond Donation: China's Policy Banks and the Reshaping of Development Finance. *Studies in Comparative International Development*, no. 55, pp. 436–459. <https://doi.org/10.1007/s12116-020-09310-9> EDN: UXLBDO.
5. Dawar, K. (2020) Official Export Credit Support: Competition and Compliances Issues. *Journal of World Trade*, vol. 54, issue 3, pp. 373–395. DOI: 10.54648/TRAD2020017 EDN: SQQPCD.
6. Dorozynska, A., Dorozynski, T. (2020) The Role of Export Credit Agencies in Trade Financing. Lodz University Press. 103 p. <https://doi.org/10.18778/8331-045-9>
7. Hopewell, K. (2019) Power transitions and global trade governance: the impact of a rising China on the export credit regime. *Regulation & Governance*, April, vol.15, pp. 634–652. <https://doi.org/10.18778/8331-045-9> <https://doi.org/10.1111/rego.12253>
8. In, S. Y. (2014) Do Export Credit Agencies Benefit the Economy? *Stanford International Policy Review*. Stanford University. September. URL: <https://ssrn.com/>

abstract=2687601 (access: September 15, 2025)

9. Koo, K. H. (2022) The Effects of Online Export Promotion Policies for SMEs in Korea (October 13, 2022). *KIEP Research Paper, World Economy Brief 22-45*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4273362>

10. Lee, J. W. (2022) Challenges to the Export-Led Growth Strategy in the Digital and Global Era: An Empirical Investigation of South Korea's Experience. *Journal of Asian Finance, Economics and Business*, vol. 9, no 6. pp. 0253–0265. doi:10.13106/jafeb.2022.vol9.no6.0253

11. Lee, S. W., Lim, B. J. (2015) Effect of Korea's Export Assistance System on Export Promotion. *Journal of International Trade & Commerce*, vol.11, no.6, pp. 53-65. <http://dx.doi.org/10.16980/jitc.11.6.201512.53>

12. Mah, J. S. (2010) The effect of export incentives on export promotion: the case of Korea. *Journal of International Logistics and Trade*, no. 8(1). pp. 57-68. DOI: 10.24006/jilt.2010.8.1.57

13. Mah, J. S., Milner, C. (2005) The Japanese export insurance arrangements: Promotion or subsidisation? *The World Economy*, vol. 28, issue 2, pp. 231–241. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9701.2005.00680.x>

14. Matray, A., Müller, K., Xu, C., Kabir, P. (2024) EXIM's Exit: The Real Effects of Trade Financing by Export Credit Agencies. *NBER Working Paper No. 32019*. January. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w32019/w32019.pdf (access: October 15, 2025)

15. Peng, Q., Chen, Z., Li, J. (2025) Financing constraints and the export partnerships with RCEP: Evidence from manufacturing firms in China. *Journal of Asian Economics*, April, vol. 97, article 101870. <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2024.101870> EDN: UJGZDO.

16. Simdi H., Tunahan H., Jahangir R. (2025) The Role of Export Credit Agencies in Trade Around the Global Financial Crisis: Evidence form G20 Countries. *Economics*, vol. 19, issue 1. DOI: 10.1515/econ-2025-0168

17. Wright, C. (2011) Export Credit Agencies and Global Energy: Promoting National Exports in a Changing World. *Global Policy (London School of Economics and Political Science and John Wiley & Sons Ltd.)*, September, vol. 2, special issue, pp. 133-143. doi: 10.1111/j.1758-5899.2011.00132.x

18. Zhao, L. (2023) Rules of Official Export Credit / Modern China and International Rules. Ed. by Chen A. Springer. 318 p. https://doi.org/10.1007/978-981-19-7576-9_5

Статья поступила в редакцию 10.11.2025; одобрена после рецензирования 11.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 10.11.2025; approved after reviewing 11.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Информация об авторе

Ю. В. Криводубова – младший научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН.

Information about the author

Yu. V. Krivodubova – junior researcher, Economic Research Institute of FEB RAS.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Научная статья
УДК 330.34:519.1(571.6)
<https://elibrary.ru/HJOMBZ>

Активизация экономики на российском Дальнем Востоке: институциональная комбинаторика

Олег Маркович Рензин

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия
renzin@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7023-7279>

Аннотация. В статье рассматривается набор методических и экспертных предложений, использованных в регуляторной практике развития Дальнего Востока России в рамках различных теоретических и прикладных управленческих конструкций. В постсоциалистический период это были комбинированные вариации, ориентированные на инструменты моделей диффузии и центральных мест, а также гравитационной и технологической моделей. Однако, несмотря на большое количество разрабатываемых исследовательских идей, перенесение их интерпретаций в региональную политику не приводило к значительной активизации прогнозируемых для каждой из моделей содержательных сдвигов в экономике. Оцениваются институциональные причины слабой чувствительности экономики дальневосточного региона к запланированным позитивным трансформациям. Прогнозируется возможность модификации традиционной для российской пространственной науки комбинаторной модели. Формулируется потенциальная направленность усиления специализированных институциональных форматов в качестве механизма повышения эффективности проектов и снижения регуляторных рисков.

Ключевые слова: Дальний Восток, региональная экономика, экономические трансформации, пространственные реформы институциональные преобразования, формирование институциональных рисков

Для цитирования: Рензин, О. М. Активизация экономики на российском Дальнем Востоке: институциональная комбинаторика // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 4 (113). С. 46–58. EDN: HJOMBZ

Original article

Activation of the Economy in the Russian Far East: Institutional Combinatorics

Oleg M. Renzin

The Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia
renzin@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7023-7279>

Abstract. *The article considers a set of methodological and expert proposals used in the regulatory practice of the Russian Far East development within various theoretical and practical frameworks. During the post-socialist period these were combined variations focused on the tools of diffusion and central place models, as well as gravitational and technological models. However, despite a large number of developed theoretical ideas, transferring their interpretations into regional policy did not lead to a significant activation of the substantial shifts in the economy predicted for each model. The article analyzes the institutional reasons for the low sensitivity of the Far Eastern region's economy to the planned positive transformations. The possibility of using a modified approach to the traditional combinatorial model in Russian spatial science is considered. The author formulates the potential direction of strengthening specialized institutional formats as a mechanism for improving project efficiency and reducing regulatory risks.*

Keywords: *the Far East, regional economy, economic transformations, spatial reforms, institutional changes, formation of institutional risks*

For citation: Renzin, O. M. (2025) Activation of the Economy in the Russian Far East: Institutional Combinatorics. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 4 (113), pp. 46–58. EDN: HJOMBZ

Введение

Масштабное и крайне неоднородное экономическое пространство России в течение всего процесса целенаправленного развития ставит перед проводимой региональной политикой сложные задачи, не находящие быстрого и эффективного методического и практического решения. Для ответа на них экономическая практика формирует сложную картину переплетения территориальной политики федерального центра, инициатив региональных властей и проектов бизнес-сообщества. Нелинейную результативность этого процесса убедительно иллюстрирует проводимая в течение трех с половиной десятилетий практическая организация экономического функционирования российского Дальнего Востока.

С одной стороны, сильный патронат

государственного участия обеспечивал здесь позитивную направленность тенденций территориального развития. Именно такую оценку дал этому процессу премьер-министр РФ М. В. Мишустин 10 декабря 2025 г. при обсуждении новой Стратегии социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. Он сказал: «За время реализации действующей стратегии удалось выполнить многие важные для округа задачи, главная из которых – обеспечить опережающие темпы роста по ключевым направлениям экономики и социальной сферы, превышающие среднероссийские значения или соответствующие им... Системные меры позволили сформировать задел, который помог вывести все процессы на более качественный уровень».¹

¹ Михаил Мишустин провёл стратегическую сессию о социально-экономическом развитии Дальнего Востока // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/news/57236>

Но, с другой стороны, одновременно и властные структуры, и экспертное сообщество признают недостаточность региональной мобильности в достижении поставленных перед регионом стратегических и тактических целей. Такая позиция, фиксирующая качественную двойственность региональных процессов, поддерживается и правительственными, и научными аналитиками.

Правительством РФ сформирована императивная задача «продолжать преобразование Дальнего Востока в конкурентоспособный, комфортный для жизни макрорегион с высокотехнологичной экономикой, современной развитой инфраструктурой»¹. По заключениям руководителей отдельных федеральных министерств и направлений, представленных на Стратегической сессии Правительства, в перспективе необходимы значительные программные изменения в структуре дальневосточной экономики на основе уже созданной ресурсно-индустриальной базы и действующей системы преференциальных режимов. Они включают развитие инновационных отраслей, энергетическое и транспортное обеспечение, дальнейшее социальное обустройство.

Содержательные ответы о перспективных направлениях регионального развития Дальнего Востока дают многие научные исследования. Так, руководители одной из наиболее авторитетных в сфере региональной экономики академических структур – Института экономики и организации промышленного производства РАН – академик В. А. Крюков и профессор Е. А. Коломак, оценивая период активизации проекта «Дальний Восток», пишут: «Приоритет востока отразился лишь в лидирующих позициях ДФО по росту инвестиций в основной капитал, что стало результатом активных государственных вложений. Но это не нашло отражения в соответствующих темпах роста экономики: рост валового регионального продукта был ниже среднероссийского, а рост промышленного производства был незначительно выше среднего по стране» [Крюков, Коломак, 2025. С. 32].

К близким по содержанию выводам пришли эксперты Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, ука-

завшие на консервативность в процессах территориального изменения в период 2010–2023 гг., когда при невысоких темпах роста, составлявших в среднем около 2%, региональные пропорции определялись преимущественно долгосрочными трендами, усиливавшими межрегиональное неравенство [Россия 2035..., 2025].

В региональных исследованиях Института экономических исследований ДВО РАН было обращено особое внимание на институциональную составляющую развития Дальнего Востока, связанную с территориальной трансформацией, организационными и регулятивными задачами её сопровождающими. В частности, оценивалась двойственность происходящих региональных процессов, осуществление пространственных изменений при формировании новой институциональной ситуации [Рензин, 2024].

Возникает вопрос, почему при особых режимах поддержки региональных процессов, обилии применяемых стратегических и практических стимулов не наблюдается кардинальных сдвигов в ключевых индикаторах развития Дальнего Востока: ускорения темпов роста, опережающего экономического и социального развития, форвардного повышения качества жизни.

Одним из таких профессионально обсуждаемых факторов является формирование и использование специальных управленческих решений, обеспечивающих более тонкое регулирование региональных экономических процессов. Это, прежде всего, используемый набор теоретических конструкций, описывающих процесс территориального развития.

О теории

Теоретический набор возможных вариантов организации регионального развития для Дальнего Востока, стимулирования институционального поведения потенциальных участников этого процесса был чрезвычайно многогранен. Он концептуально формировался в рамках политических, экономических, географических, юридических, этнических и других концепций.

Мировая и отечественная научная система предложила для практического использования большую палитру потенци-

альных решений. В их числе были идеологические блоки, определившие большие направления регуляторной архитектуры.

Значительное место в теории организации пространства занимают концептуальные вопросы пространственного разделения труда. Понимание территориального отражения процессов сокращения производственных и транзакционных издержек широко используется в мировой экономической науке и глобальной практике развития. При этом в рамках реализации стратегий по максимизации результативности хозяйственных проектов происходит устремление экономических агентов к размещению вблизи концентрированных рынков, использование агломерационных эффектов, локальной специализации в видах экономической деятельности. В результате возникает широкий потенциал для пространственных решений, способных создать эффекты территориально структурированной экономики [Минакир, 2019. С. 967–980].

Важное место в современной практике регионального развития заняли методические выкладки, связанные с формированием и поддержанием «институциональных оазисов» (концепции центральных мест, центр-периферийного развития, полюсов роста и т. д.). Этот комплекс идей о позитивной роли имеющейся, или искусственно созданной, неравномерности развития широко реализуется управленческой практикой как фактор обеспечивающий сокращение издержек и повышение доходности участников.²

Этот процесс развития включает механизмы первоначальной аккумуляции ресурсов, их эффективного использования, а затем трансляции полученных результатов в экономическую систему. Тезис о конституированной неоднородности экономического пространства и закономерной неравномерности его развития является общим положением современных теорий регионального развития [Мельникова, 2024].

Большой спектр концептуальных работ ориентирован на стимулирование процессов пространственного взаимодействия. Именно коммуникационные

проблемы рассматриваются в них как существенные позитивные факторы (или ограничения) для процессов территориального развития и роста. В материализованном виде их реализация связана с развитием инфраструктуры, которая является бесспорным ключевым элементом пространственного развития, аккумулирует кооперационные и внешнеэкономические взаимосвязи. В макроэкономической интерпретации она служит базовой системой, обеспечивающей потокообразование для ресурсной базы, комбинирование различных структур экономической системы, высокие параметры эффективности производства. Одновременно она имеет и институциональное содержание: формирование механизмов, обеспечивающих генерирование и использование потенциальных ресурсов.

Одной из важных современных версий этой теоретической модели является осуществление технологической межрегиональной взаимосвязи. В ней предусматривается передача импульса инновационного развития от регионов с высоким научно-технологическим уровнем к развивающимся территориям. При этом эффективная трансляция в сфере как технологических, так и нетехнологических модернизаций возможна при эффективном выстраивании пространственных систем, в которых сосредоточен, с одной стороны, научно-технологический потенциал (включая высокотехнологичные и наукоемкие производства), с другой стороны, готовые к использованию новаций регионы-реципиенты и, с третьей стороны, эффективная энергетическая, транспортная и цифровая инфраструктура [Исаев, 2022. С. 131–142].

Из сопредельных теоретических моделей территориального развития привлекает большое внимание концепция «экономической конституции», являющаяся одной из формализованных схем рационального распределения институциональных обязательств и полномочий в пространственной системе. Именно эта сфера организации управления становится одной из проблемных в современном развитии, нахождение решений

² В России она активно реализуется в программах федеральной поддержки особых экономических зон, территорий опережающего развития, наукоградов и технопарков.

в которой являются необходимым условием организации экономического пространства. Она создает эффективные предпосылки для наиболее точной организации дифференцированного регулирования национального и локальных рынков, соотношения решений институциональных задач в согласовании с правовыми, политическими и социальными [Рабо, 2008. С. 25–46].

Отметим, что освоение накопленного в мировой науке опыта в региональном управлении было и в Советском Союзе, и в постсоветской России фундаментальным. Оно было поддержано созданием развернутой информационной базы, которая, безусловно, была активно использована в практике пространственной организации и территориального управления.³

Одновременно, подчеркну, это был не односторонний процесс интеллектуального сотрудничества. Профессиональное взаимообогащение носило партнерский характер. Отечественные специалисты в пространственных исследованиях работали в самой большой по территориальным характеристикам стране мира и имели большой практический опыт. Кроме того, в этой области сложилась фундаментальная академическая школа, которая внесла общепризнанный мощный вклад в мировую науку об организации пространства. Советские, а позже и российские ученые, как писали в книге о мировых региональных исследованиях американские специалисты, высоко ценились в профессиональной среде: «В Советском Союзе... изыскивают новые математические и статистические методы *неоценимой важности* (курсив мой – О.Р.) для экономического планирования» [Джеймс, Мартин, 1988. С. 590].

На этой основе в России произошло формирование оригинальной школы, оказавшей большое влияние на простран-

ственные процессы, и получающей, по нашему мнению, новые стимулы для реального практического использования.

В своей первичной форме она определила характер региональных процессов как некоторый набор происходящих комбинаций имеющихся ресурсов и инфраструктуры и некоторых правил, по которым это комбинирование осуществляется. Как определял эту системную процедуру один из ведущих авторов этой концепции Н. Н. Колосовский, «Идее комбинирования должен быть придан универсальный характер... Районная теория трактует не только о вертикальном и горизонтальном комбинировании, но говорит о пространственном сочетании производительных сил» [Колосовский, 1958. С. 41].

Это была научно-практическая версия институциональной комбинаторики – течения, сформулированного и реализованного в советской и российской пространственной науке. В рамках этой теоретической модели были осуществлены большие теоретические и методические разработки, которые определили одну из традиционных для СССР научных практик регионального процесса. Специалисты выделяют значительные достижения в этой сфере таких организаций как Совет по развитию производительных сил при Госплане СССР, МГУ им. Ломоносова, новосибирская ИЭиОПП АН СССР [Миначир, Демьяненко, 2014. С. 184–190].

Эффективность этой разработки подтвердила научная история. Эта теоретическая модель стала генеральной составляющей при формировании новой эффективной платформы территориального развития в 1990-е гг. «Исключительное региональное многообразие не позволяет России копировать какую-либо одну из апробированных в мировой практике моделей переходной экономики и государственного устройства. Россия вынуждена создавать *новый синтез* мирового

³ В стране в 1970–1980-х гг. издавалось большое количество работ, посвященных зарубежному опыту управления региональными процессами. Назовем наиболее заметные из них: *Региональные проблемы развитых капиталистических стран: возможности практического использования зарубежного опыта*, М. Институт географии АН СССР 1987. 204 с.; Моргачев В. Н. *Формы и методы территориального управления в США и Канаде*. М.: Наука. 1987. 144 с.; Алаев Э. Б. *Региональное планирование в развивающихся странах*. М. Наука 1973. 216 с.; Карпов Л. Н. *Новые районы в экономике развитых капиталистических стран*. М.: Мысль 1972. 304 с.; *Региональные исследования за рубежом*. М. Наука. 1972. 304 с.

опыта на основе тщательной селекции» [Путь в XXI век..., 1999. С. 574]. Для моделирования постсоциалистической пространственной экономической политики в Академии наук России была фактически использована традиционная формула Н. Н. Колосовского: «Мы выдвигаем и защищаем иную парадигму: экономика России не монообъект, а многорегиональный организм, функционирующий на основе вертикальных (центр – регионы) и горизонтальных взаимодействий» [Путь в XXI век..., 1999. С. 568].

В дальнейшем в российской пространственной науке на этой основе были подготовлены фундаментальные классические работы академиков А. Г. Гранберга, П. А. Минакира, П. Я. Бакланова. В них сформированный ранее подход к рассмотрению институциональных сочетаний стал определяющим. Как писал П. Я. Бакланов, «важным является механизм подбора и функционирования таких разноуровневых сочетаний» [Бакланов, 2007. С. 211]. Определение состава и способа функционирования таких механизмов стало одной из конструктивных идей при организации перехода от теоретических моделей к практическому использованию комбинаторных архитектур в экономической регуляторике.

О методике

Одной из важных методологических форм, реализации которой в течение длительного времени уделяется большое внимание, является конструирование различных вариантов перспективных планов, получавших названия «концепция», «программа», «модель» или «стратегия». Именно этот формат стал ведущим в подготовке проектов регионального развития. Такая технология имела значительное распространение в мировой практике, многие теоретические конструкции организации пространства приняли хрестоматийный вид.

Большое влияние на это оказало принятие в 2015 г. закона о стратегическом планировании. В определенной мере это можно было рассматривать как продвижение деликатного варианта централизованного планирования, т. е. частичное восстановление тех структур, которые исторически имеют проверенный потен-

циал регуляторного воздействия на экономические процессы.

Стратегические документы стали сопровождать реальные пространственные процессы с большим или меньшим соответствием поставленным целям, которые могут иметь экономическое или политическое, или технологическое содержание, но одновременно создают адекватную институциональную оболочку реализуемым процессам.

Вокруг этих «рамочных» описаний формируется значительная часть теоретических, методических и, в какой-то части, идеологических дискуссий. Они иногда имеют целеполагающий характер, но в ряде случаев принимают иной формат. Он предполагает предписание им перехода из теоретико-рекомендательного состояния в нормативное, т. е. превращение в институциональную форму. Именно такая потенциальная возможность в реализации придает регуляторным инициативам некоторый флёр макроэкономической «судьбоносности», создает большие группы последователей (или противников) той или иной конструкции, вызывает необходимость принятия альтернативных управленческих решений. Сложился некоторый культ «позитивного стратегирования», пронизывающего всю экономическую деятельность, имеющего абсолютный характер распространения на территориальные образования, обеспечивающего устойчивый и бесспорный характер решения всех экономических задач.

Исторически этот процесс в России продемонстрировал многие варианты его реализации, в т. ч. отдельные великие идеологические конструкторы для пространственной экономики.

Принципиальное изменение институциональных основ развития – не слишком часто наблюдаемый процесс. Из наиболее заметных для современного Дальнего Востока, прежде всего, трансстрановой – от Советского Союза к постсоциалистической России. Это был хрестоматийный институциональный перелом, который точно прокомментировала Р. Рывкина, «социализм просуществовал в СССР три четверти века и сформировал не только определенный вид государства и эконо-

мики, но и особые социальные группы и отношения между ними, традиции, привычки, культуру» [Рывкина, 1997. С. 71]. Формирование нового институционального наполнения экономической деятельности требовало и времени, и ресурсов, и соответствующей инфраструктуры.

В числе влиятельных институциональных споров была дискуссия о том, как формировать региональное развитие в рамках «большой экономической системы» и о предпочтительных формах позиционирования регионов в рыночном варианте организации хозяйства в 1990–2000 гг. [Федерализм..., 1995]; или (несколько позже) как обеспечить непротиворечивое рыночное управление в территориальном разрезе в «Стратегии–2020» 2013–2015 гг. [Стратегия 2020, 2013. С. 307–330]

В начале 1990-х годов в качестве важной локальной задачи рассматривались варианты включения регионов в макроэкономическую систему, построенную на рыночных принципах. Институциональная задача национального уровня предполагала несколько стратегических вариантов: мягкое реформирование, шоковую терапию, двухколейную сегментацию и другие теоретические и прикладные форматы. Однако каждый из них предполагал, с одной стороны, разрушение сложившихся императивов развития и, с другой стороны, принудительное формирование на этом месте системной конструкции правил и стандартов экономического поведения.

Макроэкономическая деформация затронула, прежде всего, государственную систему централизованного планирования и управления. Когда правительственный выбор в России определил шоковую терапию как приоритетную стратегию, локальные проекты развития, реализуемые субъектами Федерации, были вынуждены соответствовать этому системному решению, сохраняя одновременно некоторые степени свободы в принятии региональных решений. Институциональный коллапс принял регламентные фор-

мы, в рамках которых были сформированы новые общественно-экономические конструкции.

Второй институциональный перелом для регионального развития имеет отчетливо выраженный сегментный характер. Это история появления и внедрения общенациональной методической конструкции для организации пространственного развития – Национальной Стратегии. Несмотря на колоссальное значение пространственных преобразований в России, здесь длительное время не существовало общей стратегической концепции для этого процесса. Документы, используемые для регулирования в постсоциалистическую эпоху, имели персонафицированный статус, ориентацию либо на отдельные субъекты Федерации, либо на их локальные объединения. Сформированная Стратегия пространственного развития РФ в некотором смысле являлась попыткой систематического применения инструментов государственного регулирования для пространственных процессов. В версии документа, принятой в 2019 году (на период до 2025 г.), для регионов были определены многие задачи, которые включали и сокращение межрегиональных различий, и ускорение темпов экономического развития, и технологическую модернизацию, и национальную безопасность.⁴ Многокритериальность и, соответственно, большая сложность функциональной реализации положений документа стали весомым основанием для его доработки с повышением уровня реализуемости. В 2024 г. Правительством Российской Федерации были определены новые цели и задачи пространственного развития.

На этой основе документально сформировалась обновленная Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. Заявленные в ней приоритеты и мероприятия были ориентированы, прежде всего, на поддержку опорных населенных пунктов, что можно рассматривать как негласное признание

⁴ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-п. 116 с. (с. 8). URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXL22JjAe7irNxc.pdf>.

оптимальности сложившейся сетки регионального развития, выделение в ней опорных точек, и дальнейшее плановое осуществление мероприятий по их поддержке и стабилизации.⁵ Для Дальнего Востока как развивающегося района такая консервативная постановка не является стратегически перспективной. В планах его развития постоянно обсуждаются альтернативные идеи о строительстве новых городов, о создании новых инфраструктурных проектов, об определении новых территориальных объектов институциональной поддержки.

С этих позиций, определенным компенсирующим вариантом выглядит реализация специализированной локальной программы развития для особого региона («поворот на Восток», начиная с 2013 г.), включение его (частично формального, частично содержательного) в первомаштабные национальные планы мероприятий, а также резкое изменение статусности – от традиционного регионального программирования Дальнего Востока к «проекту на весь XXI век».

Отметим, что проект развития восточной части страны (в т. ч. российского Дальнего Востока) за счет активной государственной деятельности исторически был включен в территориальную политику и в Российской империи, и в СССР (в отдельные периоды в большей мере, в другие – в меньшей). Однако, на постсоциалистическом треке эти идеи были трансформированы и в стратегическом, и в прикладном вариантах. Считалось, что ось «восток–запад» не столь сильно, как раньше, отвечает новым интересам в организации национального экономического пространства. Предполагалось ослабление зависимости старопромышленных европейских районов страны от сырьевых ресурсов Сибири и Дальнего Востока за счет ресурсов европейского Севера. Дальний Восток рассматривался как «ресурсная база России, основной резерв освоения новых территорий и аванпост в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [Путь в XXI век..., 1999. С. 641].

В 2013 г. этот концептуальный вопрос получил новую интерпретацию. Президент РФ В. В. Путин обозначил развитие Дальнего Востока в качестве «проекта на весь XXI век». Это в значительной мере отражало и внутриэкономическую ситуацию, и трансграничные инициативы. Активизация региональных процессов на Дальнем Востоке отражала весь спектр макроэкономических действий правительства. Однако, на начальном этапе двойственность интересов непосредственных бизнес-игроков и операторов экономических рынков России не реализовалась в значительном усилении восточной политики. С 2022 г. этот процесс стал более очевидным, особенно для тех проектов, которые были подвержены санкционным мероприятиям недружественных России стран и компаний, и после этого стали рассматривать восточную политику как безусловный императив.

Для обеспечения восточного движения экономических агентов властные структуры предприняли значительное число специальных программ развития. При этом ряд авторов дает происходящим изменениям более широкую трактовку, чем вынужденный геополитический или экономический разворот. Так, в статье С. А. Караганова и И. С. Козылова утверждается, что «Восточный поворот 2.0 – не просто продолжение предыдущего этапа с изменением внешнеполитической и внешнеэкономической ориентации, но комплексная стратегия обновления страны через «сибиризацию» – сдвиг центра духовного, человеческого и экономического развития на Восток» [Караганов, Козылов, 2025]. Приведенная авторами аргументация в пользу такой надрегиональной интерпретации подтверждается реальными действиями правительства.

Действительно, до этого ни один из осуществленных в России региональных проектов не имел такой многогранной и целенаправленной поддержки. По сути дела, для организации пространственного развития Дальнего Востока была поэтапно сформирована специальная про-

⁵ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. URL: <http://government.ru/news/53917> (дата обращения: 09.01.2025).

граммная среда, со своими стимулирующими механизмами и инфраструктурой. Она включала многие составляющие.

Во-первых, организационно-стратегический блок – систему управления регионом, в т. ч. специализированное федеральное министерство, создание разветвленной регулятивной инфраструктуры.

Во-вторых, блок финансового стимулирования – широкий набор налоговых и таможенных льгот для резидентов преференциальных режимов, введение обязательной квоты дальневосточных проектов в национальные программы и т. д.

В-третьих, активное развитие транспортной инфраструктуры, включая стратегические проекты (модернизация и расширение БАМа и Транссиба, активизация освоения Северного морского пути) стали важной составляющей развития региона [Кибалов, Шибикин, 2024.].

В-четвертых, наряду с финансовым и инвестиционным обеспечением важную роль играет институциональное сопровождение проектов, в том числе создание нормативно-правового каркаса развития.

В-пятых, регион стал важным центром, где формируются новые экономические инициативы и вырабатываются решения для улучшения качества жизни населения региона, новый набор локальных социальных программ для населения региона, в т. ч. «дальневосточный гектар» и «дальневосточная ипотека» с сильно сниженной ставкой для региональных заемщиков.

В-шестых, в регионе создан нормативно-правовой каркас, позволивший внедрить новые инструменты экономического развития: принято 87 федеральных законов, 511 актов Правительства России, десять актов Президента Российской Федерации.

В-седьмых, это важный публичный мониторинговый и демонстрационный блок в виде Восточного экономического форума. Организованный указом Президента РФ В. В. Путина в 2015 г. он быстро вошел в круг важнейших «нестоличных» мероприятий России, выполняя и региональные, и национальные, и международные задачи.

В результате проведенных мероприя-

тий и реализации новых проектов в регионе регулярно появляются все новые версии различных программных документов, сигнализируя о формировании (или актуализации) поставленных целей. Их технологический формат и способность к синтетическому отражению всего масштаба целевых функций вызывает необходимость разработки специальных процедур выделения приоритетов и корректировок институциональной связи с реальной экономикой. Понимание консервативности сложившихся институциональных инструментов, их недостаточной проактивности вызывает предложения по изменению сложившейся ситуации, реализации новых практических инициатив. Одной из них является более широкое использование методов институциональной комбинаторики, в рамках которой формулируются и реализуются механизмы, управляющие целенаправленностью и интенсивностью происходящих процессов.

О практике

Проблема технической уязвимости используемых институциональных стратегий и приемов связана, во-первых, с разрешением проблем объективной согласованности принимаемых решений, формированием асимметрии в их комплексной реализации. Это получает соответствующее отражение в неоднородном развитии локальной институциональной системы.

Объективной причиной этого является, во-первых, повышенная скорость технологических и институциональных изменений как в реальных процессах, так и в их информационном сопровождении.

Технологии работы с большими данными, ускоренные процедуры их обработки, цифровизация в целом имеют неравномерный характер, что приводит к значительному расхождению составляющих элементов региональной экономической системы в согласовании/рассогласовании реакций на изменение экономической ситуации.

Во-вторых, это причины субъективного характера. Сжатие экономически освоенного пространства, разбалансировка геополитической системы, флуктуации поведенческой экономики соз-

дают предпосылки для возникновения асимметричностей в региональных процессах, требующих сопровождающих корректировок и подготовки программ этих действий.

В-третьих, это регуляторное изменение макроэкономических конструкций, которое неизбежно вызывает региональные трансформации. Для российской экономики такими общесистемными «драйверами» региональных изменений в обозримой перспективе являются несколько позиций. Во-первых, это План структурных изменений экономики, который охватывает несколько ключевых сфер и распространяется на все существующие инструменты государственного регулирования экономики, включая нацпроекты, госпрограммы и другие меры поддержки, во-вторых, Национальная модель целевых условий ведения бизнеса, рассчитанная до 2030 года, – это программа улучшений на основе национальных целей в приоритетных направлениях.

В настоящее время на Дальнем Востоке происходит очередное «стратегическое ожидание». В результате действия этих факторов российский рынок становится более сложным, но именно сложность рождает самые интересные стратегии синхронизации отраслевых и региональных приоритетов. Там, где замедляется рост, открываются новые тренды и появляются технологии, которые ещё вчера казались экспериментом.

Снижение жесткости методологических установок, тесно связанное с видоизменениями в системной организации национальных, межнациональных и глобальных форм экономической деятельности, вынуждает периодически возвращаться к принципам, методам и алгоритмам превращения действующей конструкции экономического процесса в иные формы, потенциально более совершенные и эффективные.

Для каждой из институциональных групп возникает потенциальная опасность формирования институционального риск-профиля в результате возникающей асимметрии. В региональном развитии инициируется большое количество институциональных рисков. Это определено, с одной стороны, инвести-

ционными, технологическими и финансовыми сложностями в решении плановых задач текущего и перспективного развития. Уровень институционального риска определяется множеством факторов, природа которых разнообразна.

Могут быть различные подходы к идентификации рисков. Агрегировано их появление может описываться следующими агрегированными факторами: «отсутствием полной информации, случайностью, противодействием» [Социально-экономические риски..., 2010. С. 83]. Для организации управления рисками учеными применяется более детализированная классификация. Так, например, Н. Я. Петраков и В. И. Ротарь для моделирования рисков в экономике применяли аналитические конструкции социально-экономической и технико-экономической недетерминированности [Петраков, Ротарь, 1985. С. 13–22].

Один из её фундаментальных источников был определен академиком А. Г. Гранбергом, который показал, что «структура макропоказателей отдельного региона менее устойчива, чем структура макропоказателей национальной экономики... изменение структуры макропоказателей региона является одним из важнейших факторов экономического развития» [Гранберг, 2000. С. 137–138].

Противоречие между межуровневыми формами реализации проектов были рассмотрены в работе В. Н. Лившица и С. В. Лившиц. В ней отмечено, что разные типы экономик показывают разные типы реакций. Стационарная экономика, динамика которой хорошо предсказуема, и нестационарная экономика, имеющая резкие и менее предсказуемые флуктуации, будут иметь неодинаковые функциональные характеристики, а значит, их совмещение требует дополнительной работы с риск-профилями [Лившиц, Лившиц, 2015. С. 79–84].

На неоднородность социально-экономического пространства и соответствующую асимметричность информации, доступной для экономических агентов и используемой ими при принятии решений, объективных различий качества и количественных пропорций применяемых факторов производства, продуктивности

и доходов обращал внимание академик П. А. Минакир. Он доказывал, что «все это приводит к одновременному функционированию в пространственных системах доминирующих (ведущих) и подчиненных (ведомых) экономических агентов» [Минакир, 2019. С. 974].

Различную инерционность происходящих процессов как фактор возникновения институциональной асимметрии выделяют специалисты Института народнохозяйственного прогнозирования РАН: «Пространственные пропорции экономики отличаются высокой степенью инерционности, поэтому ключевые тренды будут сохранять свое влияние на региональную динамику в долгосрочной перспективе. Вместе с тем, в современных условиях сложился ряд новых факторов, которые могут оказать существенное влияние на развитие отдельных регионов и формирование региональных пропорций в целом» [Россия 2035..., 2025].

Все эти факторы, как и другие риск-образующие асимметрии, вызывают необходимость ускоренной модернизации локальной комбинаторики. «Мумифицированные» стратегии для регионов

становятся, скорее отражением реалий прошедших периодов развития. Именно гибкие дилеммы региональных стратегий являются формой реакции экономической системы на появление неопределенностей в процессах территориального развития. Активизация такого процесса способна повысить оперативные возможности национального индикативного планирования и реакции на него регионального развития.

Заключение

Современные позиции, которые реализуются в подготовке новой редакции Стратегии развития Дальнего Востока до 2030 г. с прогнозом до 2036 г., можно рассматривать как новый проект для развития региональной науки и практики. Включение в нее новых сегментов перспективных исследований и институциональных технологий позволяет значительно усилить требования к дифференциации региональных решений, более полному отражению условий территориального развития, формированию стратегической конструкции, адекватной происходящим сдвигам в экономическом и социальном процессах.

Список источников:

1. Алаев, Э. Б. Региональное планирование в развивающихся странах. М. Наука 1973. 216 с.
2. Бакланов, П. Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. М.: Наука 2007 239 с. ISBN: 978-5-02-034115-9 EDN: QSDRBT
3. Гранберг, А. Г. Основы региональной экономики. М.: ВШЭ. 2000 495 с.
4. Джеймс, П., Мартин, Дж. Все возможные миры. М.: Прогресс. 1988. 672 с.
5. Исаев, А. Г. Экономический рост российских регионов: экзогенные и эндогенные источники. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 2022. 208 с. ISBN: 978-5-906118-63-9 EDN: HOKDMI
6. Караганов, С. А., Козылов, И. С. Восточный поворот 2.0, или «Сибиризация» России // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 1. С. 221–229. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-1-221-229 EDN: FXGAOO
7. Карпов, Л. Н. Новые районы в экономике развитых капиталистических стран. М.: Мысль 1972. 304 с.
8. Кибалов, Е. Б., Шибикин, Д. Д. К вопросу развития российской железнодорожной сети на Восточном полигоне // ЭКО. 2024. № 1 (595). С. 233–245. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-1-233-245 EDN: NLNTBO
9. Колосовский, Н. Н. Основы экономического районирования. М.: Госполитиздат. 1958. 199 с. EDN: VPDVTP
10. Крюков, В. А., Коломак, Е. А. Пространственный маневр на восток: факты, барьеры, решения // Научные труды вольного экономического общества России. Том 252. № 2. М.: 2025. С. 30–50. DOI: 10.38197/2072-2060-2025-252-2-30-50 EDN: CGSVGI

11. Лившиц, В. Н., Лившиц, С. В. Макроэкономические теории, реальные инвестиции и государственная российская экономическая политика. М.: ЛЕНАНД. 2015. 248 с.
12. Мельникова, Л. В. «Ядро-периферия» и периферийность в региональной науке // *Пространственная экономика*. 2024. Т. 20. № 1. С. 144–162. DOI: 10.14530/se.2024.1.144-162 EDN: OVKJQD
13. Минакир, П. А. Российское экономическое пространство. Стратегические типы // *Экономика региона*. 2019. Т. 15. Вып. 4. С. 967–980. DOI: 10.17059/2019-4-1 EDN: YPKOUK
14. Минакир, П. А., Демьяненко, А. Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 2014. 272 с. ISBN: 978-5-906118-09-7 EDN: UBEVHV
15. Моргачев, В. Н. Формы и методы территориального управления в США и Канаде. М.: Наука, 1987. 144 с.
16. Петраков, Н. Я., Ротарь, В. И. Фактор неопределенности и управление экономическими системами. М.: Наука. 1985. 192 с.
17. Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики. М.: Экономика. 1999. 792 с.
18. Рабо, У. Государство, экономика и теоретизация пространства: концепт «экономической конституции» В кн. Концепция «экономической конституции»: современные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2008. 136 с.
19. Региональные исследования за рубежом. М.: Наука. 1972. 304 с.
20. Региональные проблемы развитых капиталистических стран: возможности практического использования зарубежного опыта, М. Институт географии АН СССР 1987. 204 с.
21. Рензин, О. М. Системные трансформации в регионах и институциональные риски // *Власть и управление на Востоке России*. № 4 (109). 2024. С. 51–60. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-109-4-51-60 EDN: VRMHFLF
22. Россия 2035: пространство развития. М.: Динамик принт. 2025, 364 с.
23. Рывкина, Р. Переходное экономическое сознание в российском обществе // *Вопросы экономики*. 1997. № 5. С. 71–83.
24. Социально-экономические риски: диагностика причин и прогнозные сценарии нейтрализации. Екатеринбург: ИЭ УРО РАН. 2010. 1200 с.
25. Стратегия-2020 Новая модель роста – новая социальная политика. М.: Издательский дом «Дело». 2013 Книга 2. 408 с.
26. Федерализм и региональная политика: проблемы России и зарубежный опыт. Новосибирск: ИЭиОПП. 1995. Вып. 1 (204 с.). Вып. 2. (212 с.).

References:

1. Alaev, E. B. (1973) *Regional planning in developing countries*. М.: Nauka. 216 p. (in Russ.).
2. Baklanov, P. Ya. (2007) *Territorial structures of the economy in regional management*. Moscow: Nauka, 239 p. ISBN: 978-5-02-034115-9 EDN: QSDRBT (in Russ.).
3. Granberg, A. G. (2000) *Fundamentals of regional economics*. Moscow: HSE, 495 p. (in Russ.).
4. James, P., Martin, J. (1988) *All possible worlds*. Moscow: Progress, 672 p.
5. Isaev, A. G. (2022) *Economic growth of Russian regions: exogenous and endogenous sources*. Khabarovsk: IEI FEB RAS, 208 p. ISBN: 978-5-906118-63-9 EDN: HOKDMI (in Russ.).
6. Karaganov, S. A., Kozylov, I. S. (2025) The Eastern Turn 2.0, or the «Sibirization» of Russia. *Russia in global politics*, vol. 23, no. 1, pp. 221–229. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-1-221-229 EDN: FXGAOO (in Russ.).
7. Karpov, L. N. (1972) *New areas in the economy of developed capitalist countries*. Moscow: Mysl, 304 p. (in Russ.).
8. Kibalov, E. B., Shibikin, D. D. (2024) On the development of the Russian railway network at the Eastern polygon. *ECO*, no. 1 (595), pp. 233–245. DOI: 10.30680/ECO0131-

7652-2024-1-233-245 EDN: NLNTBO (in Russ.).

9. Kolosovsky, N. N. (1958) Fundamentals of economic zoning. Moscow : Gospolitizdat, 199 p. EDN: VPDVTP (in Russ.).

10. Kryukov, V. A., Kolomak, E. A. (2025) Spatial maneuver to the east: facts, barriers, solutions. *Scientific works of the Free Economic Society of Russia*, vol. 252, no. 2, pp. 30–50. DOI: 10.38197/2072-2060-2025-252-2-30-50 EDN: CGSVGI (in Russ.).

11. Livshits, V. N., Livshits, S. V. (2015) Macroeconomic theories, real investments and state Russian economic policy. Moscow: LENAND, 248 p. (in Russ.).

12. Melnikova, L. V. (2024) “Core-periphery” and peripherality in regional science. *Spatial economics*, vol. 20, no. 1, pp. 144–162. DOI: 10.14530/se.2024.1.144-162 EDN: OVKJQD (in Russ.).

13. Minakir, P. A. (2019) The Russian Economic Space. Strategic dead ends. *The economy of the region*, vol. 15, is. 4, pp. 967–980. DOI: 10.17059/2019-4-1 EDN: YPKOUK (in Russ.).

14. Minakir, P. A., Demyanenko, A. N. (2014) Essays on spatial economics. Khabarovsk: IEI FEB RAS, 272 p. ISBN: 978-5-906118-09-7 EDN: UBEVHV (in Russ.).

15. Morgachev, V. N. (1987) Forms and methods of territorial administration in the USA and Canada. Moscow: Nauka, 144 p. (in Russ.).

16. Petrakov, N. Ya., Rotar, V. I. (1985) Uncertainty factor and management of economic systems. Moscow: Nauka, 192 p. (in Russ.).

17. The way to the 21st century. Strategic problems and prospects of the Russian economy. Moscow: Ekonomika. 1999. 792 p. (in Russ.).

18. Rabo, U. (2008) The state, economics and the theorization of space: the concept of the “economic constitution” In the book. The concept of the “economic constitution: modern research. Moscow: INION RAS, 136 p. (in Russ.).

19. Regional studies abroad. Moscow: Nauka. 1972. 304 p. (in Russ.).

20. Regional problems of developed capitalist countries: the possibilities of practical use of foreign experience, M. Institute of Geography of the USSR Academy of Sciences, 1987. 204 p. (in Russ.).

21. Renzin, O. M. (2024) Systemic transformations in the regions and institutional risks. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 4 (109), pp. 51–60. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-109-4-51-60 EDN: VRMHLF (in Russ.).

22. Russia 2035: the space of development. Moscow: Dynamik print, 2025, 364 p. (in Russ.).

23. Ryvkina, R. (1997) Transitional economic consciousness in Russian society. *Economic issues*, no. 5, pp. 71–83 (in Russ.).

24. Socio-economic risks: diagnosis of causes and forecast scenarios of neutralization. Yekaterinburg: IE URO RAS. 2010. 1200 p. (in Russ.).

25. Strategy 2020 A new growth model – a new social policy. Moscow: Delo Publishing House. 2013 Book 2. 408 p. (in Russ.).

26. Federalism and regional policy: problems of Russia and foreign experience. Novosibirsk: IEeOPP. 1995. Issue 1 (204 p.). Issue 2. (212 p.) (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.12.2025; одобрена после рецензирования 22.12.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was submitted 12.12.2025; approved after reviewing 22.12.2025; accepted for publication 23.12.2025.

Информация об авторе

О. М. Рензин – кандидат экономических наук, советник директора, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН.

Information about the author

O. M. Renzin – Candidate of Economics, advisor of the head, the Economic Research Institute FEB RAS.

Научная статья
УДК 314.8(571.6)
<https://elibrary.ru/HPQTBC>

Динамика рождаемости на Дальнем Востоке России в условиях современной пронаталистской политики

Мария Анатольевна Грицко

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия
gricko@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7853-0413>

Аннотация. В статье представлен анализ текущей динамики рождаемости на Дальнем Востоке России в разрезе дальневосточных субъектов в условиях реализации государственной политики стимулирования рождаемости и поддержки семей с детьми. Показана трансформация структуры женщин фертильного возраста, для которой характерно сокращение численности групп от 25 до 34 лет на фоне роста контингента женщин старше 40 лет. Для современного этапа демографического развития России в целом и дальневосточного макрорегиона в частности характерно снижение суммарного коэффициента рождаемости вторых детей при увеличении рождаемости детей третьей и последующей очередностей. Дальний Восток и входящие в его состав субъекты сохраняют более высокие показатели рождаемости относительно среднероссийских, при этом наблюдается тенденция постепенного сглаживания различий. Традиционно высокий уровень рождаемости демонстрируют Республики Бурятия и Саха (Якутия), Сахалинская область, Чукотский автономный округ, что обусловлено не только сохранением национальных традиций многодетности, но и комплексом мер, направленных на стимулирование рождаемости и поддержку семей с детьми.

Ключевые слова: возрастная структура женщин, рождаемость, суммарный коэффициент рождаемости, государственные меры поддержки, Дальний Восток, субъекты РФ

Для цитирования: Грицко, М. А. Динамика рождаемости на Дальнем Востоке России в условиях современной пронаталистской политики // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 4 (113). С. 59–68. EDN: HPQTBC

Original article

Birth Rate Dynamics in the Russian Far East under Current Pro-natalist Policy

Mariya A. GritskoEconomic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia
gritsko@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7853-0413>

Abstract. This article presents the analysis of current fertility trends in the Russian Far East, focusing on its constituent entities in the context of government policies aimed at stimulating birth rates and supporting families with children. It highlights a transformation in the age structure of women of childbearing age, characterized by a decline in the 25- to 34-year-old cohort, while the number of women over 40 years old is growing. The current stage of demographic development in Russia as a whole, and in the Far Eastern macroregion in particular, is characterized by a decline in the total fertility rate for second children, while the birth rate for third- and subsequent children is increasing. The Far East and its constituent entities maintain higher fertility rates compared to the Russian average, although these differences are gradually narrowing. The Republics of Buryatia and Sakha (Yakutia), Sakhalin Oblast, and Chukotka Autonomous Okrug demonstrate traditionally high fertility rates, which is due not only to the preservation of national traditions of having many children, but also to a range of measures aimed at stimulating the birth rate and supporting families with children.

Keywords: age structure of women, birth rate, total fertility rate, government support measures, Far East, constituent entities of the Russian Federation

For citation: Gritsko M. A. (2025) Birth Rate Dynamics in the Russian Far East under Current Pro-natalist Policy. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 4 (113), pp. 59–68. EDN: HPQTBC

Введение

Демопопуляционные процессы, затронувшие практически все без исключения территории РФ, сегодня являются одной из наиболее обсуждаемых тем в органах государственной власти, научном и экспертном сообществе [Агеев, Золотарева, 2023; Соболева, Смирнова, Чудаева, 2023; Калачикова, Шматова, Разварина, 2025]. Показатели рождаемости опустились до критически низких значений, наблюдавшихся в кризисные 1990-е годы, при этом смертность сохраняется на достаточно высоком уровне. Ежегодно сокращающийся коэффициент суммарной рождаемости все дальше отдалается от значения, необходимого для простого

воспроизводства населения (2,1). В складывающихся условиях большое внимание со стороны государства уделяется пронаталистской политике, представляющей собой комплекс мер, направленных на повышение рождаемости и стимулирование роста населения (денежные пособия, налоговые вычеты, улучшение условий для материнства и детства, пропаганда ценности семьи и др.) [Синдяшкина, 2021; Мусин, 2024].

В марте 2025 г. была принята Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года¹ (далее – Стратегия). Стратегия нацелена на сохранение населения

¹ Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики и поддержке многодетности в России до 2036 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 года №615-п URL: <http://government.ru/docs/54573/> (дата обращения: ноябрь 2025).

за счет повышения уровня рождаемости, укрепления материнского, детского, репродуктивного здоровья населения, содействие реализации в субъектах Российской Федерации семейно ориентированной демографической политики с учетом национальных и социокультурных особенностей; охрану, поддержку и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества путем повышения благосостояния, качества жизни семьи и совершенствования ее поддержки в особых жизненных ситуациях, создание условий для гармоничного совмещения работы и учебы родителей с рождением и воспитанием детей, развитие семейно ориентированной инфраструктуры; укрепление института семьи и брака как союза мужчины и женщины на основе сохранения и продвижения традиционных семейных ценностей. Ключевым механизмом реализации Стратегии является национальный проект «Семья», объединивший в себе основные меры поддержки семей с детьми. Дополнительными механизмами выступают и другие национальные проекты, содержащие мероприятия, направленные на повышение качества жизни семей, имеющих детей, и повышение рождаемости, а также показатели, характеризующие их выполнение.

В числе мероприятий Стратегии особое место уделено многодетным семьям и стимулированию рождаемости третьих и последующих детей. В настоящее время «поддержка большой и крепкой многодетной семьи – безусловный стратегический приоритет государства. Это вопрос будущего народа России».²

Дальний Восток среди других территорий страны отличает устойчивый во времени отрицательный демографический тренд, остающийся неизменным с 1991 г. [Грицко, 2025; Развитие больших ..., 2023; Прокапало, Бардаль, Исаев, Мазитова, 2025]. При этом макрорегион характеризуется более высоким уровнем рождаемости. Так, если в целом по Российской Федерации суммарный коэффициент рождаемости составил по итогам

2024 г. 1,4, то на Дальнем Востоке его значение 1,491³. Реализуемый в макрорегионе «демографический пакет» мер по стимулированию рождаемости создает условия для поддержания рождаемости на более высоком относительно среднероссийского уровне.

Вместе с тем объективная картина современной возрастной структуры населения свидетельствует о серьезных трансформациях, наблюдаемых среди женского репродуктивного контингента. Сокращение численности женщин в наиболее активных фертильных возрастах снижает численность потенциальных матерей и выступает одним из ограничивающих перспективный рост рождаемости факторов [Сайтова, 2022; Шубат, 2023].

Возрастная структура женского репродуктивного контингента на Дальнем Востоке

На 1 января 2025 г. численность женщин в возрасте 15–49 лет в целом по макрорегиону составила 1895,5 тыс. человек. Относительно начала 2018 г. контингент сократился практически на 100 тыс. человек, или на 5,1%. При этом в целом по России сокращение численности женщин репродуктивного возраста составило 3,7%. Отличительной особенностью современной возрастной структуры женщин является более высокий удельный вес старших возрастных групп. Если на начало 2018 г. максимальную долю составляли женщины в возрасте 30–34 года – 18%, далее шла возрастная группа 35–39 лет, занимающая 16% от общей численности, и на возраст 25–29 лет приходилось 15,5%, то к началу 2025 г. удельный вес группы 30–34 года сократился до 13,5%, доля женщин 35–39 лет увеличилась до 18,5%, а группа 25–29 сократилась до 10%. При этом удельный вес старших групп 40–44 года и 45–49 лет увеличился на 2,2 и 2,5 процентных пункта соответственно. Изменение численности женщин фертильного возраста в разрезе пятилетних групп представлено на рисунке 1.

В региональном разрезе изменения

² Путин назвал поддержку многодетных семей приоритетом в России. URL: <https://ura.news/news/1052960856> (дата обращения: ноябрь 2025).

³ Суммарный коэффициент рождаемости. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: ноябрь 2025).

в структуре женского репродуктивного контингента характеризовались схожими тенденциями. В самой молодой группе 15–19 лет прирост численности отмечался во всех дальневосточных субъектах, что обусловлено подъемом рождаемости с начала введения материнского капитала (с 2007 г.) [Архангельский, Золотарева, Кучмаева, 2024]. В группе 20–24 года при общей для макрорегиона тенденции роста четыре субъекта показали отрицательную динамику: Хабаровский край (-10%), Магаданская область (-4%), Сахалинская область (-10,3%) и Еврейская автономная область (-12,8%). Численность женщин в возрасте 25–29 лет снижалась по всем регионам. При этом максимальный в округе спад наблюдался в Еврейской автономной области – на 43%, а минимальное сокращение продемонстрировали Республика Саха (Якутия) – на 21% и Чукотский автономный округ – на 22%. В группе 30–34 года субъекты с минимальным сокращением контингента остались неизменными. Равно как и в предыдущей возрастной группе в их число вошли Республика Саха (Якутия) (-14%) и Чукотский автономный округ (-18%). При этом максимальное в округе сокращение (-36%) было зафиксировано в Сахалинской области. Прирост численности женщин 35–39 лет в целом по Дальнему Востоку был следствием положительной динамики в республиках Бурятия и Саха (Якутия), Камчатском, Приморском и Хабаровском краях, а также Чукотском автономном округе. Среди субъектов с отрицательной динамикой

максимальное сокращение наблюдалось в Магаданской области – на 8% к уровню 2018 г. В группе 40–44 года увеличение численности женщин было отмечено во всех дальневосточных субъектах за исключением Еврейской автономной области, сокращение контингента в которой составило 4%. В самой старшей группе женщин 45–49 лет положительный прирост был отмечен во всех субъектах.

Уровень рождаемости на Дальнем Востоке

В результате ежегодного сокращения числа потенциальных матерей продолжается снижение рождаемости. По итогам 2024 г. общий коэффициент на Дальнем Востоке составил 9,3 промилле при среднероссийском показателе 8,4 рождений на 1000 человек. Сравнительно высокий уровень рождаемости относительно среднего по РФ сохранялся практически во всех дальневосточных субъектах. С показателем ниже среднероссийского 2024 г. завершили только два региона – Магаданская и Еврейская автономная области (7,5 и 7,7 промилле соответственно).

Суммарный коэффициент рождаемости (далее – СКР) на Дальнем Востоке, выступающий обобщающим показателем, сводящим разнонаправленные изменения возрастных коэффициентов к одной цифре, составил по итогам 2024 г. 1,491 рождений на одну женщину при необходимом для простого воспроизводства населения значении 2,1. Сохраняя более высокий СКР относительно среднероссийского значения (1,4) макрорегион

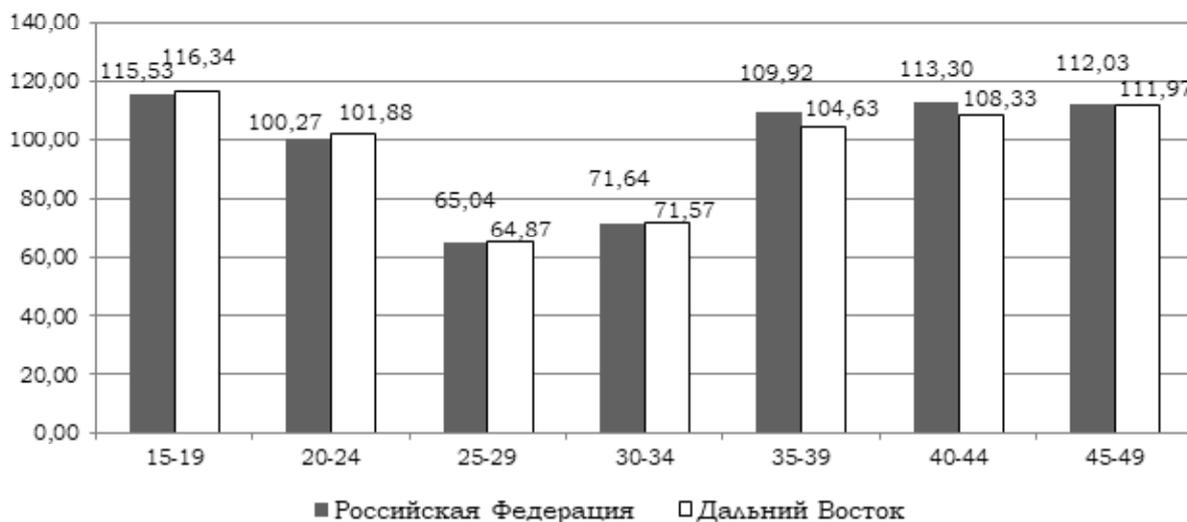

Рис. 1. Изменение численности женщин репродуктивного возраста, 2025/2018, %

продемонстрировал более высокие темпы его сокращения (13% против 10% соответственно). Кроме того, наблюдается тенденция ежегодного сокращения дальневосточного преимущества: в 2018 г. макрорегион опережал РФ на 0,162 рождения, в 2025 г. – на 0,091 (рис. 2).

Среди регионов Дальнего Востока высокие значения СКР традиционно наблюдаются в национальных республиках, Сахалинской области, Чукотском автономном округе. В 2018 г. максимум среди дальневосточных субъектов был в Бурятии – СКР составил 2,007 рождения. В 2024 г. лидерство установила Сахалинская область – 1,746 рождения. При этом тенденция изменения коэффициента для всех без исключения территорий была отрицательной.

Более детальный анализ рождаемости возможен на основе данных о суммарном коэффициенте по очередностям рожде-

ния (табл. 1). В рамках исследуемого периода динамика показателя по вторым рождениям была отрицательной, тогда как по рождениям третьих и последующих детей наблюдалось увеличение коэффициента. Более того, по итогам 2024 г. рождаемость третьих детей на Дальнем Востоке превысила показатель по вторым рождениям. Сокращение СКР относительно уровня 2018 г. составило 0,159 при среднероссийском показателе 0,139. Коэффициент по третьим и последующим детям увеличился на 0,063 рождения (по России – на 0,048).

Тенденции изменения СКР в дальневосточных субъектах в целом совпадали с общей для макрорегиона динамикой (табл. 2). Так, сокращение рождаемости детей второй очередности наблюдалось во всех регионах. Максимальный спад показала Еврейская автономная область, в которой СКР сократился практически

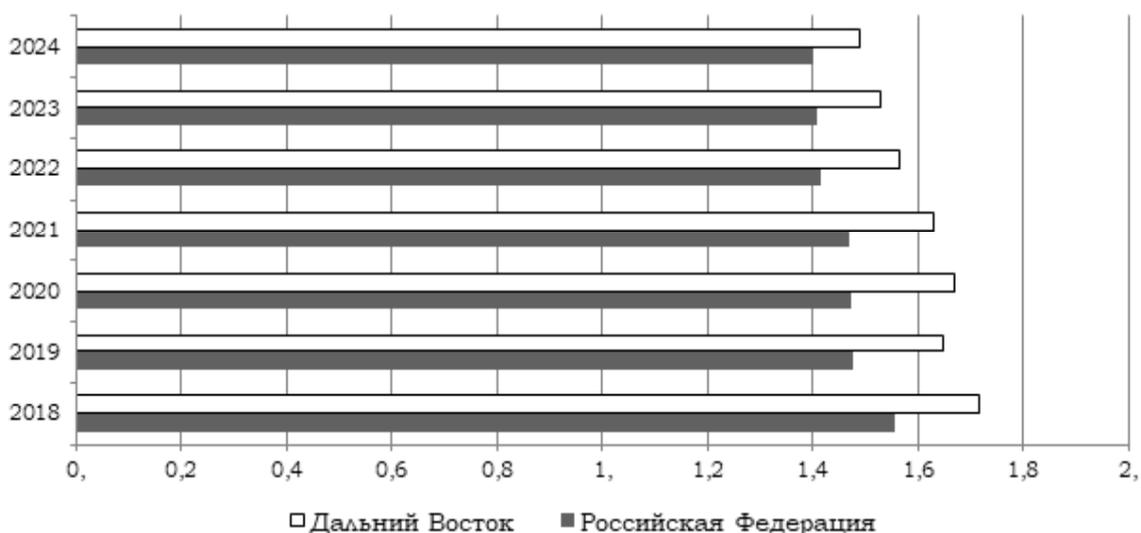

Рис. 2. Суммарный коэффициент рождаемости

Таблица 1

Суммарный коэффициент рождаемости детей второй, третьей и последующей очередностей

Очередность рождения	Территория	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Вторые	РФ	0,574	0,523	0,514	0,513	0,462	0,441	0,435
	ДФО	0,622	0,583	0,588	0,564	0,512	0,481	0,463
Третьи и последующие	РФ	0,328	0,328	0,349	0,364	0,359	0,372	0,376
	ДФО	0,401	0,406	0,44	0,45	0,448	0,46	0,464

Источник: Суммарный коэффициент рождаемости вторых детей (число детей на одну женщину). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59771>; Суммарный коэффициент рождаемости третьих и последующих детей (число детей на одну женщину). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59772> (дата обращения: октябрь 2025 г.).

Таблица 2

**Суммарный коэффициент рождаемости по очередности рождения
в дальневосточных субъектах РФ**

Территория	Вторые дети		Третьи и последующие дети	
	2018	2024	2018	2024
Республика Бурятия	0,712	0,442	0,599	0,595
Республика Саха (Якутия)	0,593	0,42	0,589	0,615
Забайкальский край	0,684	0,495	0,451	0,543
Камчатский край	0,547	0,492	0,301	0,398
Приморский край	0,582	0,466	0,27	0,36
Хабаровский край	0,583	0,451	0,327	0,401
Амурская область	0,587	0,476	0,336	0,374
Магаданская область	0,547	0,381	0,254	0,345
Сахалинская область	0,69	0,559	0,394	0,462
Еврейская автономная область	0,686	0,405	0,436	0,444
Чукотский автономный округ	0,674	0,439	0,449	0,598

Источник: Суммарный коэффициент рождаемости вторых детей (число детей на одну женщину). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59771>; Суммарный коэффициент рождаемости третьих и последующих детей (число детей на одну женщину). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59772> (дата обращения: октябрь 2025 г.)

на 40% относительно показателя 2018 г. Также существенное падение было отмечено в Республике Бурятия (на 38%). При этом минимальное в Дальневосточном федеральном округе снижение (на 10%) было отмечено в Камчатском крае.

Рождаемость третьих и последующих детей характеризовалась положительной динамикой практически во всех регионах Дальнего Востока, исключение составила только Республика Бурятия, в которой относительно 2018 г. СКР сократился менее чем на 1%. Остальные 10 регионов показали прирост рождаемости детей более высокой очередности. Более чем на 30% увеличился коэффициент в Камчатском (+32,2%) и Приморском (+33,3%) краях, а также в Магаданской области (+35,8%) и Чукотском автономном округе (+33,2%). Минимальное увеличение (+1,8%) показала Еврейская автономная область.

Меры стимулирования рождаемости и поддержки семей с детьми

Увеличение рождаемости третьих и последующих детей на Дальнем Востоке, обогнавшей показатели по вторым рождениям, обусловлено рядом факторов, среди которых можно выделить как структурные причины, так и меры прона-

талистской политики. В репродуктивном контингенте максимальная численность женщин отмечена в возрастных группах от 35 лет и старше. Более того, численность женщин в возрасте 40 и более лет увеличивается. Положительная динамика в возрастах, на которые, как правило, приходится рождение третьих и последующих детей, благоприятно влияет на рост СКР детей более высокой очередности. Кроме этого, с целью повышения рождаемости и поддержки семьи на Дальнем Востоке реализуется обширный демографический пакет мер.⁴ Он включает в себя единовременную выплату при рождении первого ребенка; предоставление регионального материнского капитала при рождении второго и последующих детей; ежемесячные выплаты в случае рождения третьего ребенка или последующих детей; возможность воспользоваться дальневосточной ипотекой под 2% и ниже, а также программу «Гектар», с помощью которой люди могут бесплатно получить земельный участок, построить на нём дом или открыть свой бизнес и др.

На фоне сокращения рождения детей второй очередности важной является финансовая поддержка этих категорий семей. К регионам со средним размером

⁴ Улан-Удэ принимает конференцию по демографии Дальнего Востока. URL: <https://gazeta-n1.ru/news/society/149487/> (дата обращения: сентябрь 2025 г.).

выплат на Дальнем Востоке отнесена Сахалинская область. Там за рождение второго ребенка установлена выплата в размере 250 тысяч рублей. Более 270 тысяч рублей выплачивают в Магаданской области, на Чукотке, Амурской области, Хабаровском крае, Еврейской автономной области, в Приморье, Забайкалье, Бурятии и на Камчатке. Максимальная на Дальнем Востоке выплата за второго ребенка предусмотрена в Якутии – ее размер составляет 390406 рублей. В эту сумму также включена выплата по программе «Дети столетия» – целевой капитал, предусмотренный при рождении ребенка любой очередности в период с 2022 г. по 2027 г. С 1 января 2025 г. размер выплаты составил 116756,85 рублей. Направления расходования средств по данной программе достаточно обширные и включают, помимо традиционных целей по улучшению жилищных условий, семейный отдых, страхование жизни и здоровья ребенка, газификацию индивидуального жилищного дома, размещение средств на вкладе в пользу ребенка, приобретение транспорта⁵. С 2026 г. в Приморском крае при рождении второго ребенка будут выплачивать один миллион рублей (региональный материнский капитал в размере 280 тыс. рублей плюс доплата 720 тыс. рублей).⁶ Введение данной меры планируется сроком на два года и обусловлено высокими темпами сокращения вторых рождений.

Новой мерой поддержки многодетных семей на Дальнем Востоке стала выплата 1 млн рублей при рождении третьего и последующих детей на погашение обязательств по ипотечному кредиту. Пилотным регионом выступил Приморский край, в котором данная мера под-

держки начала применяться с 2023 г. В 2024 г. география регионов, в которых предоставляется выплата, была расширена⁷. В состав субъектов-получателей, в дополнение к Приморскому краю, вошли Чукотский автономный округ и регионы, значение суммарного коэффициента рождаемости в которых было ниже среднего показателя по макрорегиону: Камчатский и Хабаровский края, Амурская, Магаданская и Сахалинская области, Еврейская автономная область. По оценкам экспертов, в настоящее время это самая востребованная и эффективная мера поддержки.⁸

Кроме расширения перечня и сумм выплат при рождении детей, большое внимание уделяется ипотечным программам, направленным на решение вопросов жилищной обеспеченности семей с детьми. После прошедшего в сентябре 2025 г. X Восточного экономического форума в г. Владивостоке был утвержден ряд поручений, касающихся в том числе и реализуемых в макрорегионе стимулирующих мер.⁹ Будет расширена программа дальневосточной и арктической ипотеки, что позволит большему числу семей воспользоваться льготными условиями приобретения жилья. На льготных условиях получить кредит смогут многодетные семьи без ограничений по возрасту заемщика, если третий ребенок появился после 1 января 2024 г. Кроме того, программу распространят на вторичный рынок жилья в городах, в которых не возводят многоквартирные дома или количество строящихся объектов не превышает двух. Право на дальневосточную ипотеку получают все без исключения сотрудники государственных и муниципальных образовательных учреждений региона – независимо от должности, воз-

⁵ Целевой капитал Республики Саха (Якутия) «Дети столетия». URL: <http://usznykt.ru/целевой-капитал-республики-саха-якут/> (дата обращения: сентябрь 2025 г.).

⁶ В Приморье будут выплачивать 1 млн рублей на ипотеку за второго ребёнка с 2026 года. URL: <https://www.newsvl.ru/vlad/2025/02/28/230129/> (дата обращения: сентябрь 2025 г.).

⁷ Программа «1 миллион за третьего ребёнка» расширена на 8 регионов ДФО. URL: <https://erdc.ru/news/programma-1-million-za-tretego-rebyenka-rasshirena-na-8-regionov-dfo/> (дата обращения: июль 2025 года); Многодетным семьям в ДФО выделят около 540 млн руб. на погашение ипотеки. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1041935> (дата обращения: сентябрь 2025 г.).

⁸ «Не могут себе позволить». Эксперт назвал меры по повышению рождаемости, которые явно недооценили. URL: <https://altapress.ru/zhizn/story/ne-mogut-sebe-pozvolit-ekspert-nazval-meri-povisheniyu-rozhdaemosti-kotorye-yavno-nedootsenili-370951> (дата обращения: сентябрь 2025 г.).

⁹ Перечень поручений по итогам Восточного экономического форума. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/78375> (дата обращения: ноябрь 2025 г.).

раста и семейного статуса¹⁰.

С 2026 г. для семей с двумя и более детьми вводится семейная налоговая выплата. Право на выплату получают семьи, размер среднедушевого дохода в которых не превысит 1,5-кратную величину прожиточного минимума на душу населения, установленную в регионе проживания¹¹. Каждый родитель должен быть официально трудоустроен и являться налоговым резидентом РФ. Размер выплаты будет индивидуален, поскольку зависит от суммы дохода и уплаченного с него налога. Выплаченный уже налог будет пересчитан по ставке 6%, а разница – возвращена гражданину.¹²

Перечисленные выше меры, направленные на повышение рождаемости и поддержку семей с детьми – это лишь часть обширного демографического пакета. В рамках принятой Стратегии семейной и демографической политики на период до 2036 г. большое внимание уделено созданию необходимых условий для гибкого сочетания работы и учебы с семейными обязанностями, развитию социальной инфраструктуры и повышению ее транспортной доступности. Для Дальнего Востока как региона приоритетного внимания со стороны государства разработана Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2030 года, широкое обсуждение которой должно пройти в ближайшее время¹³. Следует ожидать, что в документе будут представлены конкретные меры по повышению рождаемости в дальневосточных субъектах с учетом их региональных особенностей.

Заключение

Одной из ключевых характеристик со-

временного этапа демографического развития является ежегодное сокращение рождаемости. Несмотря на множество мер стимулирующего характера, переломить отрицательный тренд не удастся [Грицко, Мотрич, 2025]. Среди причин отрицательной динамики одно из основных мест занимают структурные изменения репродуктивного контингента: сокращение численности женщин 25–34 лет как наиболее активного в репродуктивном плане контингента на фоне повышения численности старших возрастных групп. Отчасти такое распределение объясняет рост рождаемости третьих и последующих детей и значительное сокращение рождаемости детей второй очередности. Дальний Восток сохраняет более высокие показатели рождаемости относительно среднероссийского уровня, однако тенденцией последних лет является постепенное сглаживание разрыва. В условиях ежегодно сокращающегося населения, нарастания дефицита трудовых ресурсов воспроизводство населения в макрорегионе приобретает крайне высокую актуальность. Достижение целевых ориентиров (согласно Стратегии семейной и демографической политики до 2036 года СКР должен увеличиться до 1,6 к 2030 году, и до 1,8 к 2036 году¹⁴) должно предусматривать не только постоянную модификацию демографического пакета за счет принятия новых мер и корректировки уже существующих, но и оценку отклика со стороны семей на внедрение тех или иных механизмов. При этом крайне важно учитывать специфику демографических процессов, заключающуюся в их высокой инерционности, и наличие определенного лага между принятыми решениями и их результативностью.

¹⁰ Путин расширил дальневосточную ипотеку и ввел льготы для всего Дальнего Востока: опубликован список поручений после ВЭФ. URL: <https://fedpress.ru/news/25/society/3410086> (дата обращения: ноябрь 2025).

¹¹ Федеральный закон от 13.07.2024 № 179-ФЗ «О ежегодной семейной выплате гражданам Российской Федерации, имеющим двух и более детей». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_480719/ (дата обращения: ноябрь 2025).

¹² Семейная налоговая выплата с 2026 года. Кто получит и как оформить. Сколько уплаченных налогов смогут вернуть в семейный бюджет россияне. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/67f795059a79475d8087aee8#87aee8-contents-2> (дата обращения: ноябрь 2025).

¹³ В РФ разработали Концепцию демографической политики Дальнего Востока. URL: https://senatinform.ru/news/v_rf_razrabotali_kontseptsiyu_demograficheskoy_politiki_dalnego_vostoka/ (дата обращения: ноябрь 2025).

¹⁴ Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики и поддержке многодетности в России до 2036 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 года №615-р URL: <http://government.ru/docs/54573/> (дата обращения: ноябрь 2025).

Список источников:

1. Агеев, А. И., Золотарева, О. А. Демографическая политика в России: оценка результативности // Вопросы статистики. 2023. № 30 (2). С. 53–71. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-2-53-71> EDN: HUAWAW
2. Архангельский, В. Н., Золотарева, О. А., Кучмаева, О. В. Два подхода к измерению результативности демографической политики (на примере федерального материнского капитала) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 6. С. 77–97. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.4 EDN: MTOVAR
3. Грицко, М. А., Мотрич, Е. А. Естественное движение населения в регионах Дальнего Востока России в 2024–2025 гг. // Регионалистика. 2025. Т. 12. № 5. С. 119–130. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2025.5.119>
4. Грицко, М. А. Демографическая динамика на Дальнем Востоке России: устойчивые тренды и новые вызовы // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 2 (111). С. 18–25. EDN: BFCSQD
5. Калачикова, О. Н., Шматова, Ю. Е., Разварина, И. Н. Опыт поддержки многодетных семей: обзор успешных практик // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2025. Т. 18. № 1. С. 243–272. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.14 EDN: HLCIF
6. Мусин, Э. Р. Государственная поддержка семей с детьми: особенности региональных программ и классификация мероприятий по повышению рождаемости. Социально-трудовые исследования. 2024, № 57(4). С. 119–129. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-57-4-119-129 EDN: WWPGRJ
7. Прокапало, О. М., Бардаль, А. Б., Исаев, А. Г., Мазитова, М. Г. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2024 г. // Пространственная экономика. 2025. Т. 21. № 2. С. 138–183. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2025.2.138-183> EDN: RDEIRQ
8. Развитие больших социально-экономических систем: Дальневосточный макрорегион /отв. ред. П. А. Минакир, А.Г. Исаев; Институт экономических исследований ДВО РАН. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2023. 352 с.
9. Сайтова, Д. Г. Особенности применения институционального подхода к анализу пронаталистской политики // Народонаселение. 2022. Т. 25. № 4. С. 126–135. DOI: 10.19181/population.2022.25.4.11; EDN: LPLTEF
10. Синдяшкина, Е. Н. Отражение демографической политики в показателях рождаемости в России. Социально-трудовые исследования. 2021. № 42(1). С. 75–85. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-42-1-75-85 EDN: AHYCVR
11. Соболева, С. В., Смирнова, Н. Е., Чудаева, О. В. Особенности изменений численности и возрастной структуры репродуктивных контингентов женщин в России в условиях депопуляции // Регион: экономика и социология. 2023. № 1 (117). С. 138–169. DOI: 10.15372/REG20230105 EDN: CWDCCL
12. Шубат, О. М. Экономические детерминанты рождений высоких порядков в России: исследование на основе анализа региональной дифференциации // Регионология. 2023. Т. 31. № 2. С. 357–374. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.357-374> EDN: BXNJBA

References:

1. Ageev, A. I., Zolotareva, O. A. (2023) Demographic Policy in Russia: Performance Evaluation. *Voprosy Statistiki*, no. 30 (2), pp. 53–71. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-2-53-71> EDN: HUAWAW (in Russ.).
2. Arkhangel'skiy, V. N., Zolotareva, O. A., Kuchmaeva, O. V. (2024) Two approaches to assessing the effectiveness of demographic policy (using the example of federal maternity capital). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, no. 17(6), pp. 77–97.

DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.4 EDN: MTOVAP (in Russ.).

3. Gritsko, M. A., Motrich, E. L. (2025) Natural Population Movement in the Regions of the Russian Far East in 2024–2025. *Regionalistics*, vol. 12, no. 5, pp. 119–130. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2025.5.119> (in Russ.)

4. Gritsko, M. A. (2025) Demographic Dynamics in the Far East of Russia: Stable Trends and New Challenges. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 2 (111), pp. 18–25. EDN: BFCSQD (in Russ.).

5. Kalachikova, O. N., Shmatova, Yu. E., Razvarina, I. N. (2025). Experience in supporting large families: An overview of successful practices. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, no. 18(1), pp. 243–272. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.14 EDN: HLCIIF (in Russ.).

6. Musin, E. R. (2024) State support for families with children: Features of regional programs and classification of measures to increase the birth rate. *Social and labor research*, no. 57 (4), pp. 119–129. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-57-4-119-129 EDN: WWPGRJ (in Russ.).

7. Prokapalo, O. M., Bardal, A. B., Isaev, A. G., Mazitova, M. G. (2025) Economic Situation in the Far Eastern Federal District in 2024. *Spatial Economics*, vol. 21, no. 2, pp. 114–137. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2025.2.138-183> EDN: RDEIRQ (in Russ.).

8. Development of Large Socio-Economic Systems: Far Eastern Macroregion / Ed. P. A. Minakir, A. G. Isaev; Economic Research Institute FEB RAS. – Khabarovsk: ERI FEB RAS, 2023. 352 p. (in Russ.).

9. Saitova, D. G. (2022) Features of the institutional approach to analysis of the pronatalist policy. *Population*, vol. 25, no. 4, pp. 126–135. DOI: 10.19181/population.2022.25.4.11 (in Russ.).

10. Sindyashkina, E. N. (2021) Reflection of demographic policy in fertility rates in Russia. *Social and labor research*, no. 42 (1), pp. 75–85. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-42-1-75-85 (in Russ.).

11. Soboleva, S. V., Smirnova N. E. & Chudaeva O.V. (2023) Features of changes in the number and age structure of female reproductive cohorts in Russia under conditions of depopulation. *Region: Economics and Sociology*, no. 1 (117), pp. 138–169. DOI: 10.15372/REG20230105 EDN: CWDCCKL (in Russ.).

12. Shubat, O. M. (2023) Economic Determinants of High Order Births in Russia: The Study Based on the Analysis of Regional Differentiation. *Russian Journal of Regional Studies*, no. 31(2), pp. 357–374 <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.357-374> EDN: BXNJBA (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.11.2025; одобрена после рецензирования 11.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 10.11.2025; approved after reviewing 11.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Информация об авторе

М. А. Грицко – кандидат экономических наук, ученый секретарь, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН.

Information about the author

M. A. Gritsko – Candidate of Economic Sciences, Scientific Secretary, Economic Research Institute of FEB RAS.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 332.1:331(571.6)

<https://elibrary.ru/JXTEJA>

Базовый сектор экономики как производитель регионального роста в условиях ограничений по трудовым ресурсам

Анна Васильевна Белоусова¹, Артем Геннадьевич Исаев²

^{1,2} Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия

¹ e-mail: belousova@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8780-8146>

² isaev@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6569-2982>

Аннотация. В статье решается задача количественного анализа реакций региональной динамики на изменения, в т. ч. шоковые, внешнего спроса. В рамках теории экспортной базы в экономике региона выделяются два сектора: специализированные виды деятельности определяют базовый сектор, продукция которого составляет региональный вывоз; совокупность остальных производств рассматривается в качестве небазового сектора, обслуживающего производства, продукция которых является предметом исходящих внешнеторговых транзакций, и локальный спрос. Идентификация базового сектора осуществляется традиционно: с использованием простого коэффициента локализации. Для модельного региона дальневосточного субъекта РФ – Хабаровского края – получены оценки мультипликативных эффектов для валового регионального продукта и занятости экономики, генерируемых отраслями базового сектора. Инструментальным средством исследования выступает модель межотраслевого баланса, данные для которой получены регионализацией показателей национальных таблиц «затраты – выпуск» с использованием модифицированного авторами метода коэффициентов локализации Флегга (FLQ+). Проведена количественная идентификация структуры оцененных мультипликативных эффектов в секторной проекции, позволившая выявить направления и величину импульсов, генерируемых внешним спросом. Предпосылка об ограниченности трудовых ресурсов определила траектории диверсификации базового сектора региона. Критериями для включения отраслей в сектор являлись: близость значений коэффициентов локализации к единичному порогу, сравнительное превосходство значений мультипликаторов валовой добавленной стоимости, сравнительное «отставание» значений мультипликаторов занятости. Показано, что в условиях Хабаровского края перспективы расширения базового сектора связываются с включением в его состав добычи полезных ископаемых. Полученные результаты исследования могут являться платформой для формирования мер региональной политики, направленной на обеспечения устойчивого роста экономики региона.

Ключевые слова: экспортная база, внешний спрос, мультипликатор занятости, мультипликатор валовой добавленной стоимости, регион, Хабаровский край

Для цитирования: Белоусова А. В., Исаев А. Г. Базовый сектор экономики как производитель регионального роста в условиях ограничений по трудовым ресурсам // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 4 (113). С. 69–79. EDN: JXTEJA

The Basic Sector of the Economy as a Producer of Regional Growth in the Context of Labor Constraints

Anna V. Belousova¹, Artem G. Isaev²

^{1,2} Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia

¹ belousova@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8780-8146>

² isaev@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6569-2982>

Abstract. *The article solves the problem of quantitative analysis of the reactions of regional dynamics to changes in external demand, including shock ones. Two sectors are distinguished in the economy of the region within the framework of the export base theory: specialized activities determine the base sector, whose products make up regional exports; the total of other industries is considered as a non-base sector – servicing industries, whose products are the subject of outgoing foreign trade transactions, and local demand. The identification of the base sector is carried out traditionally, using a simple localization coefficient. Estimates of the multiplicative effects for the gross regional product and economic employment generated by the branches of the basic sector were obtained for the model region, the Far Eastern constituent entity of the Russian Federation, Khabarovsk Territory. The research tool is the intersectoral balance model, the data for which are obtained by regionalizing the indicators of the national input-output tables using the method of Flegg localization coefficients (FLQ+) modified by the authors. The quantitative identification of the estimated multiplicative effects structure in the sector projection was carried out, which made it possible to identify the directions and magnitude of the impulses generated by external demand. The premise of limited labor resources has determined the trajectories of diversification of the basic sector of the region. The criteria for the inclusion of industries in the sector were: proximity of the values of localization coefficients to a single threshold, comparative superiority of the values of the multipliers of gross value added, comparative «lag» of the values of employment multipliers. It is shown that, in the conditions of the Khabarovsk Territory, the prospects for expanding the basic sector are associated with the inclusion of mining in its composition. The obtained research results can serve as a platform for the formation of regional policy measures aimed at ensuring sustainable economic growth in the region.*

Keywords: *export base, external demand, employment multiplier, gross value added multiplier, region, Khabarovsk Territory*

For citation: Belousova, A. V., Isaev, A. G. (2025) The Basic Sector of the Economy as a Producer of Regional Growth in the Context of Labor Constraints. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 4 (113), pp. 69–79. EDN: JXTEJA

Введение

В отличие от страны в целом локализованные в ее границах территориальные образования демонстрируют более существенную зависимость от торговых отношений как с зарубежными странами, так и с другими субъектами внутри государства. Это обусловлено более ограниченным набором располагаемых регионами природных богатств, а также формированием производственной базы в соответствии со специализацией, что делает ассортимент производимых товаров менее разнообразным по сравнению с общенациональным уровнем. В связи с этим устойчивость регионального роста – ключевая задача экономической политики – определяется возможностями противостояния экзогенным шокам, ведущим к изменениям условий осуществления внешней торговли, с учетом эндогенных ограничений, связанных с лимитами имеющихся в регионе факторов производства.

Несмотря на непредсказуемость, определяющую шоковый характер воздействий внешней среды, очевидно, что их первоначальной «мишенью» будут являться производства¹, основная деятельность которых ориентирована на внешнеэкономические трансакции (внешний сектор экономики). Как следствие, актуальность определения соответствующих производств и количественная идентификация их реакций на внешние воздействия не вызывает сомнений.

Использование вышеуказанных знаний для формирования мер экономической политики, направленной на предвосхищение/нивелирование негативных последствий для экономики региона в целом, предполагает проведение дальнейшего исследования в виде реализации трех шагов: 1) выявление траекторий (межотраслевых связей) передачи импульсов от внешнего сектора к остальной части экономики и оценки изменений показателей последней; 2) сопоставление имеющихся в регионе ресурсов и их затрат, необходимых для нивелирования произошедших совокупных изменений (в случае негативного влияния

внешней среды (сокращение спроса и т. д.)) либо для адаптации к ним (в случае позитивного влияния (увеличение спроса и т. д.)); 3) определение возможностей регионального роста с точки зрения выявленного дефицита (профицита либо баланса) ресурсов.

С точки зрения вышесказанного целью настоящего исследования являлась оценка возможностей роста экономики при изменении внешнего спроса на продукцию регионального производства с учетом ограничений по трудовым ресурсам. Отметим, что проведенное исследование не предполагало получение прогнозных оценок регионального роста. Реализация поставленной цели связывалась с количественной идентификацией мультипликативных эффектов для экономики региона, генерируемых изменениями внешнего спроса.

Логика исследования включала следующие этапы: 1) идентификация внешнего сектора экономики региона (двухсекторное представление последней: внешний сектор и сектор остальной экономики); 2) оценка мультипликаторов валовой добавленной стоимости (далее – ВДС) и занятости для секторов экономики региона; 3) определение рангов производств внешнего сектора в общей иерархии видов деятельности региона, построенной по значениям соответствующих мультипликаторов; 4) определение перспектив диверсификации внешнего сектора; 5) декомпозиция мультипликативных эффектов, генерируемых изменением внешнего спроса, в секторном разрезе.

Информационной базой исследования являлись данные Федеральной государственной службы статистики, находящиеся в открытом доступе. В качестве модельного региона выступил субъект РФ, входящий в Дальневосточный федеральный округ – Хабаровский край. Период исследования включал 2007–2021 гг.

Теоретическая база исследования

Теоретической базой настоящего исследования выступала одна из теорий экономического роста – теория экспортной (экономической) базы [Hartman, Seckler, 1967; North, 1955; Sirkin, 1959].

¹ Термины «производства», «виды экономической деятельности», «отрасли» рассматриваются в качестве синонимов.

Ее содержание основывается на предположении об исключительном определении совокупного дохода экономики экспортным спросом.

Приложение соответствующей теории к экономике региона, осуществляющего торговые трансакции как на международном, так и на межрегиональном рынках (совокупность которых определяет понятие «внешнего рынка»), обуславливает введение специфических поправок в исходные положения теории. Ключевой из них является трактовка исходящих и входящих внешнеторговых потоков в качестве совокупного вывоза, объединяющего экспорт и межрегиональный вывоз.

Согласно теории, вся производимая в регионе продукция и услуги условно подразделяется на две категории: первая включает товары и услуги производственного характера, которые, покрывая внутрорегиональный спрос, реализуются на внешнем рынке, вторая – охватывает продукцию и услуги, используемые местными потребителями (внутри региона), в т. ч. при производстве продукции первой категории. В соответствии указанным видам продукции в экономике выделяются два сектора: базовый (внешний) и небазовый. Состав первого из них определяют специализированные виды экономической деятельности; второго сектора – остальные отрасли.

Формальное изложение теории представляется в следующем виде. Если P – совокупный региональный доход, P_M – доход базового сектора, P_N – доход небазового сектора, то величина первого определяется формулой 1:

$$P = P_M + P_N \quad (1).$$

Доход небазового сектора P_N является функцией от совокупного дохода P (формула 2); последний, в свою очередь, является функцией от дохода базового сектора P_M (формула 3):

$$P_N = \lambda P \quad (2),$$

где λ – коэффициент пропорциональности;

$$P = \beta P_M \quad (3),$$

где β – коэффициент пропорциональности (мультипликатор экспортной базы).

Тогда подстановка (2) в (1) обеспечивает вывод формулы общего вида для расчета мультипликатора (формула 4):

$$P = (1/(1-\lambda)) P_M \quad (4),$$

где $\beta = (1/(1-\lambda))$.

Таким образом, теория экспортной базы рассматривает экономическое развитие региона как результат динамики его базового сектора. При этом объем совокупного вывоза определяется спросом за пределами территории и не находится в прямой зависимости от регионального дохода, хотя и оказывает на него существенное влияние. Предполагается линейная связь между местным потреблением и формируемым на территории доходом. В результате, именно совокупный вывоз выступает ключевым детерминантом, который определяет как производственные показатели, так и уровень доходов в регионе [Исаев, 2022].

Методические основы исследования

Классическим инструментальным средством, используемым для идентификации базового сектора экономики, представленного специализированными видами деятельности, являются коэффициенты локализации. Несмотря на существование множества формул для численной идентификации их значений (в настоящей работе использовался простой коэффициент локализации (Simple Location Quotient, SLQ)) [Белоусова, 2022], критерий для определения производства в качестве специализированного остается универсальным: значение соответствующего ему коэффициента должно превышать единичный порог.

В качестве показателя, на базе которого проводятся расчеты значений коэффициентов локализации, выступает выпуск. При отсутствии соответствующих статистических данных допускается его замена на показатель занятости. В настоящей работе значения выпуска получены с использованием метода товарных балансов с учетом встречных перевозок Т. Кроненберга [Kronenberg, 2009].

Для оценки мультипликативных эффектов в экономике региона, генерируемых изменением спроса на продукцию его базового сектора, использовалась модель межотраслевого баланса (МОБ). Так, в

частности, оценка мультипликаторов ВДС осуществлялась на основе формулы 5:

$$G = Gx(E - A)^{-1} X \quad (5),$$

где G – вектор ВДС по видам экономической деятельности; Gx – диагональная матрица отраслевых долей ВДС в выпуске; E – единичная матрица; A – матрица коэффициентов прямых (внутрирегиональных) затрат; X – вектор конечного (внешнего) спроса по видам экономической деятельности.

В приведенной формуле матрица, где $B^* = \{b^*_{ij}\} = Gx(I - A)^{-1}$, $i, j = 1..n$; n – количество видов деятельности, является матрицей отраслевых мультипликаторов ВДС. Каждый элемент матрицы показывает ВДС i -той отрасли, формируемую единичным изменением конечного спроса на продукцию j -го вида экономической деятельности с учётом формирования ВДС других видов деятельности, продукция которых используется в производстве j -ой продукции.

Для оценки мультипликаторов занятости использовалась формула 6:

$$L = T(E - A)^{-1} X \quad (6),$$

где L – вектор отраслевой занятости; T –

диагональная матрица отраслевых трудоемкостей.

Матрица $B^{**} = \{b^{**}_{ij}\} = T(I - A)^{-1}$ является матрицей отраслевых мультипликаторов труда (занятости). Каждый элемент матрицы показывает затраты труда (в абсолютном выражении) в i -той отрасли, обеспечиваемые единичным изменением (в стоимостном выражении) конечного спроса на продукцию j -го вида экономической деятельности с учётом потребностей в труде других видов деятельности, продукция которых используется в производстве j -ой продукции.

Оценки региональных коэффициентов прямых затрат были получены из национальных таблиц «затраты–выпуск» с использованием модифицированного авторами метода коэффициентов локализации У. Флегга (*modified FLQ+*, *MFLQ+*), предложенного в 2021 г. [Белоусова, Исаев, 2024; Flegg, Lamonica, Chelli, Recchioni, Tohmo, 2021] в разрезе 33-х видов экономической деятельности².

Двухсекторное представление экономики обуславливало возможности соответствующей декомпозиции мультипликаторов ВДС и занятости внешнего сектора. В структуре последних выделялись

² 1) Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; 2) Рыболовство и рыбоводство; 3) Добыча полезных ископаемых; 4) Производство пищевых продуктов, напитков, табачных изделий; 5) Производство текстильных изделий, одежды, кожи и изделий из кожи; 6) Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения; 7) Производство бумаги и бумажных изделий; деятельность полиграфическая и копирование носителей информации; 8) Производство кокса и нефтепродуктов; 9) Производство химических веществ и химических продуктов; производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях; 10) Производство резиновых и пластмассовых изделий; 11) Производство прочей неметаллической минеральной продукции; 12) Производство металлургическое; производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования; 13) Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки; 14) Производство компьютеров, электронных и оптических изделий; производство электрического оборудования; 15) Производство транспортных средств и оборудования; 16) Прочие обрабатывающие производства; 17) Ремонт и монтаж машин и оборудования; 18) Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; 19) Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельности по ликвидации загрязнений; 20) Строительство; 21) Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; 22) Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания; 23) Транспортировка и хранение; деятельность почтовой связи и курьерская деятельность; 24) Деятельность в области информации и связи; 25) Деятельность финансовая и страховая; 26) Деятельность по операциям с недвижимым имуществом; 27) Деятельность профессиональная, научная и техническая; 28) Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги; 29) Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение; 30) Образование; 31) Деятельность в области здравоохранения; деятельность по уходу с обеспечением проживания; предоставление социальных услуг без обеспечения проживания; 32) Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений; 33) Предоставление прочих видов услуг.

прямые и косвенные эффекты. Прямой эффект связывался с изменением ВДС и занятости в самом внешнем секторе экономики в результате изменения спроса на его продукцию; косвенный эффект – с изменением соответствующих показателей в небазовом секторе в результате передачи импульсов внешнего спроса в смежные с отраслями базового сектора производства. В данном случае под смежными производствами понимаются отрасли, продукция которых используется в качестве промежуточной при производстве продукции внешним сектором.

Таким образом, векторы занятости (L) и ВДС (G), матрицы мультипликаторов (B^*, B^{**}) и вектор внешнего спроса (X) могут быть записаны как формулы 7, 8, 9 соответственно:

$$S = \begin{pmatrix} S_M \\ S_N \end{pmatrix} \quad (7),$$

$$B' = \begin{pmatrix} B'_{MM} & B'_{MN} \\ B'_{NM} & B'_{NN} \end{pmatrix} \quad (8),$$

$$X = \begin{pmatrix} X_M \\ X_N \end{pmatrix} \quad (9),$$

где S – вектор из совокупности (G, L), B' – мультипликатор из совокупности (B^*, B^{**}), MM, NM – траектории передачи импульсов (от сектора к сектору).

Тогда выражения формул 5, 6 могут быть представлены в виде формулы 10:

$$\begin{pmatrix} S_M \\ S_N \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} B'_{MM} & B'_{MN} \\ B'_{NM} & B'_{NN} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} X_M \\ 0 \end{pmatrix} = \\ = \begin{pmatrix} B'_{MM}X_M \\ B'_{NM}X_M \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} S_{MM} \\ S_{NM} \end{pmatrix} \quad (10),$$

где S_{MM} – «самопроизведенные» показатели ВДС/занятости базового сектора экономики, являющиеся результатами изменения внешнего спроса, генерирующего эффекты посредством мультипликаторов B'_{MM} ; S_{NM} – «несамопроизведенные» (индуцированные) показатели ВДС/занятости небазового сектора экономики, являющиеся результатами изменения внешнего спроса, генерирующего

эффекты посредством мультипликаторов B'_{NM} [Jiemin Guo, Michael Sonis and Geoffrey, 1999].

Таким образом, формула 10 определяет декомпозицию общего мультипликативного эффекта изменения конечного спроса на продукцию внешнего сектора: изменения показателей базового сектора, определяемые мультипликаторами B'_{MM} , определяют прямой мультипликативный эффект; изменения показателей небазового сектора, определяемые мультипликаторами B'_{NM} – косвенный мультипликативный эффект.

Оценка мультипликаторов ВДС и занятости в экономике модельного региона

В качестве объекта исследования выступает один из дальневосточных субъектов РФ – Хабаровский край. Выбор последнего не случаен. В Дальневосточном федеральном округе, развитие которого объявлено национальным приоритетом в XXI в., фиксируется стабильное уменьшение численности населения. Так, с 2013 г. (года, в котором заявлено о необходимости первоочередного внимания к Дальнему Востоку) по 2024 г., по данным Росстата, федеральный округ (в составе 11 субъектов РФ) потерял 411467 чел. (4,97% населения), Хабаровский край – 63172 чел. (4,72%)³. Несмотря на положительный прирост численности иностранных трудовых мигрантов (в 2023 г.⁴ по отношению к 2013 г. в Дальневосточном федеральном округе (далее – ДФО) – 14278 чел. (106,30%), в Хабаровском крае – 3388 чел. (9,89%)), фиксируется сокращение совокупного объема трудовых ресурсов: в целом по ДФО сокращение составило 426411 чел. (7,64% показателя 2013 г.), в Хабаровском крае – 89403 чел. (9,57%)⁵. Сложившаяся ситуация обосновывает необходимость моделирования региональной динамики в условиях ограничений по трудовым ресурсам.

Согласно расчетам, на протяжении 2017–2021 гг. в состав базового сектора Хабаровского края вошли 5 видов эконо-

³ Численность постоянного населения в среднем за год / ФСГС. 2025. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31556> (дата обращения: 10.09.2025).

⁴ Более свежие данные в официальном доступе отсутствуют.

⁵ Среднегодовая численность трудовых ресурсов / ФСГС. 2025. URL: <https://fedstat.ru/indicator/36730> (дата обращения: 20.09.2025).

мической деятельности: (2) рыболовство и рыбоводство (среднее за период значенные коэффициента локализации – 5,28); (8) производство кокса и нефтепродуктов (2,09); (15) производство транспортных средств и оборудования (1,57); (20) строительство (1,13); (23) транспортировка и хранение (1,11) (рис. 1).

Для соблюдения «чистоты» научного эксперимента в части обеспечения «прочих равных условий» для всего исследуемого периода проводился анализ структур прямых затрат в разрезе 33-х видов экономической деятельности Хабаровского края. Результаты анализа выявили идентичность (отсутствие технологических сдвигов) соответствующих структур только в 2017–2018 гг. Именно данные годы были выделены в качестве основы для проведения последующего количественного анализа.

Значения мультипликаторов ВДС и занятости отраслей базового сектора экономики Хабаровского края приведены в таблице 1.

Согласно данным таблицы 2, наибольший прирост ВРП экономики края обе-

спечивало изменение конечного спроса на услуги транспортировки и хранения. Так, в 2017 г. при изменении спроса на соответствующие услуги на 1 тыс. руб. изменение ВРП составляло 790 руб., в 2018 г. – 740 руб. Между тем транспортировка и хранение уступало строительству по генерации мультипликативных эффектов для занятости: в 2017 г. изменение спроса на транспортные услуги и услуги хранения на 10 млн руб. генерировало изменение занятости края на 7 чел., аналогичное изменение спроса на услуги строительства – на 8 чел.; в 2018 г. соответствующие приросты составляли 6 чел. и 7 чел. Наименьшее изменение занятости в краевой экономике обеспечивало изменение спроса на кокс и нефтепродукты: прирост спроса на соответствующую продукцию на 10 млн руб. обуславливал прирост занятости как в 2017 г., так и в 2018 г. на 1 чел.

Построение иерархий 33-х производств Хабаровского края по значениям мультипликаторов ВДС и занятости позволило сопоставить величины приростов соответствующих показателей, обеспечивае-

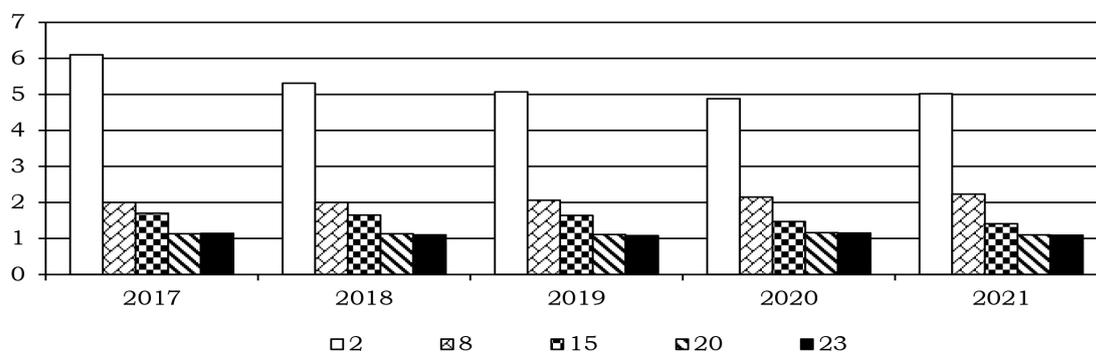

Рис. 1. Динамика значений коэффициентов локализации производств базового сектора Хабаровского края

Таблица 1

Мультипликативные эффекты Хабаровского края, генерируемые специализированными производствами

Вид экономической деятельности	2017 г.		2018 г.	
	ВДС (руб./руб.)	занятость (чел./млн руб.)	ВДС (руб./руб.)	занятость (чел./млн руб.)
2	0,68	0,40	0,67	0,34
8	0,49	0,14	0,48	0,09
15	0,56	0,57	0,53	0,49
20	0,71	0,80	0,67	0,73
23	0,79	0,66	0,74	0,59

Источник: расчеты авторов.

мых равными в стоимостном выражении изменениями спроса на продукцию базового и небазового секторов. Ранги производств базового сектора экономики региона в соответствующей иерархии представлены в таблице 2.

Производства базового сектора по величине генерируемых ими мультипликативных эффектов для ВРП и занятости региона (как видно из таблицы 3) находятся преимущественно во второй половине (в случае ВРП – ближе к концу) убывающей иерархии всех производств края. Данное обстоятельство показывает, что условием выполнения предпосылки об определении регионального дохода базовым сектором экономики является наличие устойчиво высоких объемов внешнего спроса. С точки зрения учета присутствия в регионе ограничений по трудовым ресурсам, полученные оценки мультипликаторов занятости являются «приемлемыми». Несмотря на то, что строительная отрасль находится практически в середине иерархии производств края, построенной по величине мультипликатора занятости, спрос на труд в данном виде деятельности может быть обеспечен как собственными ресурсами региона, так и основной массой прибывающих в него трудовых мигрантов.

С точки зрения стратегической задачи для Хабаровского края – поиска новых ниш совокупного вывоза⁶, обеспечивающих диверсификацию базового сектора экономики и, как следствие, устойчивость динамики последней в случае дей-

ствия экзогенных шоков, целесообразным является включение в анализ видов экономической деятельности региона, претендующих, согласно значениям коэффициента локализации, на включение в число специализированных производств региона. По аналогии с терминологией модели стремительно развивающегося сектора соответствующие производства в своей совокупности могут рассматриваться в качестве отстающего торгуемого на внешнем для региона рынке сектора экономики [Corden, Neary, 1982]. Так, в 2020 г. и 2021 г. значение коэффициента локализации добычи полезных ископаемых (3) региона составляло 1,01 и 1,13 соответственно (в остальной части исследуемого периода среднее значение коэффициента данной отрасли оценивалось в 0,93). Значения коэффициента локализации обработки древесины и производство изделий из дерева (6) также находились около единичного порога: 2017 г. – 0,86; 2018 г. – 1,04; 2019 г. – 1,03; 2020 г. – 1,15; 2021 г. – 1,04. Таким образом, в противовес модели стремительно развивающегося сектора в настоящей работе в отстающий сектор включаются в т. ч. ресурсные производства, а именно – добыча полезных ископаемых. Значения мультипликаторов ВДС и занятости производств отстающего сектора представлены в таблице 3.

Данные таблицы 3 показывают генерацию максимального (по сравнению с производствами базового сектора) прироста ВРП для экономики Хабаровского края,

Таблица 2

**Ранги производств базового сектора Хабаровского края
по величине обеспечиваемых мультипликативных эффектов**

Вид экономической деятельности	Мультипликаторы			
	ВДС		занятость	
	2017 г.	2018 г.	2017 г.	2018 г.
2	30	27	29	29
8	33	33	33	33
15	32	32	23	24
20	29	28	15	15
23	16	20	22	22

Примечание: наибольший ранг соответствует наименьшему мультипликативному эффекту.

Источник: расчеты авторов.

⁶ Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 24.09.2020 N 2464-р (ред. от 29.11.2023) URL: <http://static.government.ru/media/files/NAISPJ8QMRZUPd9LIMWJoeVhn11beGqD.pdf> (дата доступа: 01.11.2025).

Таблица 3

**Мультипликаторы ВДС и занятости производств
отстающего сектора экономики Хабаровского края**

Вид экономической деятельности	2017 г.		2018 г.	
	ВДС	занятость	ВДС	занятость
3	0,89	0,22	0,88	0,16
6	0,71	1,28	0,62	1,02

Источник: расчеты авторов.

обеспечиваемого изменением внешнего спроса на продукцию добычи полезных ископаемых при сравнительно невысоком приросте занятости. Обработка древесины и производства изделий из дерева, напротив, обеспечивает наибольший прирост занятости при изменении спроса на продукцию отрасли. В иерархии всей совокупности производств края добыча полезных ископаемых по величине прироста ВПП, обеспечиваемого внешним спросом, в 2017 г. занимала 6-ое место, в 2018 г. – 4-ое место; по величине прироста занятых – в 2017 г. и в 2018 г. – 32-ое место. Ранги обработки древесины и производства изделий из дерева фиксировались следующим образом: 28-ое место – в 2017 г. и 30-ое – в 2018 г.; 30-ое – в 2017 г.

и 7-ое – в 2018 г. соответственно. Исходя из критерия минимизации вовлечения дополнительных трудовых ресурсов в процесс производства, развитие исходящих внешнеторговых трансакций, связанных с продукцией добычи полезных ископаемых, для краевой экономики оказываются предпочтительными.

Оценка структуры мультипликативных эффектов, генерируемых специализированными производствами Хабаровского края, позволяет идентифицировать величину импульсов, передаваемых от базового сектора к небазовому сектору экономики. Соответствующая декомпозиция мультипликаторов ВДС и занятости базового сектора региона в условиях 2017 г. приведены в таблице 4.

Таблица 4

**Структура мультипликативных эффектов Хабаровского края,
генерируемых внешним спросом, 2017 г.**

Состав базового сектора/ Вид экономической деятельности	2	8	15	20	23	3	6
ВДС							
М (2, 8, 15, 20, 23), %	100	100	100	100	100	100	100
V_{MM} %	96,63	58,75	75,37	74,64	77,88	-	-
V_{NM} %	3,37	41,25	24,63	25,36	22,12		
М (2, 3, 8, 15, 20, 23), %	100	100	100	100	100	100	100
V_{MM} %	97,24	87,80	76,79	77,61	80,42	89,00	
V_{NM} %	2,76	12,20	23,21	22,39	19,58	11,00	
М (2, 3, 6, 8, 15, 20, 23), %	100	100	100	100	100	100	100
V_{MM} %	97,24	87,81	76,81	78,01	80,45	89,02	67,02
V_{NM} %	2,76	12,19	23,19	21,99	19,55	10,98	32,98
Занятость							
М (2, 8, 15, 20, 23), %	100	100	100	100	100	100	100
V_{MM} %	95,38	52,80	80,10	81,22	82,45	-	-
V_{NM} %	4,62	47,20	19,90	18,78	17,55	-	-
М (2, 3, 8, 15, 20, 23), %	100	100	100	100	100	100	100
V_{MM} %	95,51	65,99	80,27	81,55	82,83	66,10	-
V_{NM} %	4,49	34,01	19,73	18,45	17,17	33,90	-
М (2, 3, 6, 8, 15, 20, 23), %	100	100	100	100	100	100	100
V_{MM} %	95,53	66,15	80,38	82,60	83,00	66,31	85,30
V_{NM} %	4,47	33,85	19,62	17,40	17,00	33,69	14,70

Источник: расчеты авторов.

Как видно из таблицы 4, практически все производства базового сектора экономики Хабаровского края при увеличении спроса на их продукцию основную долю возникающего при этом мультипликативного эффекта генерируют в самом секторе (от 75% до 97%). Исключения составляют производство кокса и нефтепродуктов и добыча полезных ископаемых. Так, при составе внешнего сектора из 5-ти производств, 41,3% мультипликативного эффекта, генерируемого нефтепереработкой для ВРП региона, формируется в небазовом секторе. Увеличение состава внешнего сектора до 6-ти (включение добычи полезных ископаемых), а после до 7-ми производств (включение обработки древесины и производства изделий из дерева), приводит к сокращению доли мультипликативного эффекта, приходящегося на небазовый сектор до 87,80% и 87,81% соответственно. Полученные оценки свидетельствуют о тесных межотраслевых связях между нефтепереработкой и добычей полезных ископаемых Хабаровского края.

В случае мультипликативного эффекта, генерируемого производством кокса и нефтепереработкой для занятости региона, 47,2% эффекта приходится на небазовый сектор при составе базового сектора из 5-ти производств; 66% – при составе базового сектора из 6-ти и 7-ми производств. Мультипликативный эффект, генерируемый добычей полезных

ископаемых, также на 66% формируется в самом базовом секторе.

Заключение

Практическая ценность проведенного исследования заключается в том, что полученные в его рамках оценки позволяют количественно идентифицировать потребности экономики региона в трудовых ресурсах при изменении внешнего спроса на продукцию местного производства, а также оценить обеспечиваемую при этом динамику валового продукта. Соответствующие знания могут выступить основой для формирования мер экономической политики, направленной на обеспечение устойчивого регионального роста. Введение предпосылки об ограниченности трудовых ресурсов в регионе и возможность получения оценок мультипликаторов занятости и ВДС в разрезе отдельных видов экономической деятельности позволяет определить необходимые для исключения ситуации дефицита труда трансформации (изменения, диверсификации) состава сектора региона, продукция которого является предметом внешнеторговых трансакций. Оценка структуры мультипликативных эффектов в разрезе секторов позволяет получить представления о величине импульсов, передаваемых от отраслей специализации к остальной части экономики региона.

Список источников/ References:

1. Белоусова, А. В. Оценка эффектов межотраслевых взаимодействий в экономике Хабаровского края с использованием структурной балансовой модели // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 2. С. 5–25. DOI: 10.14530/reg.2022.2.5 EDN: PBTUBZ

Belousova, A. V. (2022) Assessment of Effects of Interindustry Interactions in the Economy of the Khabarovsk Territory with the Use Structural Balance Model, vol. 9, no. 2, pp. 5–25. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.2.5> (in Russ.).

2. Белоусова, А. В., Исаев, А. Г. Декомпозиция мультипликативных эффектов в двухсекторной экономике: влияние внешнего спроса (на примере дальневосточных субъектов РФ) // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 6. С. 5–17. DOI:10.14530/reg.2024.6.5 EDN: INEBRT

Belousova, A. V., Isaev, A. G. (2024) Decomposition of Multiplicative Effects in a Two-Sector Economy: Influence of External Demand (On the Example of the Far Eastern Constituent Entities of the Russian Federation). *Regionalistics*, vol. 11, no. 6, pp. 5–17. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.6.5> (in Russ.).

3. Исаев, А. Г. Экономический рост российских регионов: экзогенные и эндогенные источники. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2022. 208 с. ISBN: 978-5-906118-63-9 EDN: HOKDMI

Isaev, A. G. (2022) Economic growth of russian regions: exogenous and endogenous sources – Khabarovsk : ERI FEB RAS, 208 p. ISBN: 978-5-906118-63-9 EDN: HOKDMI (in Russ.).

4. Corden, W., Neary, J. (1982) Booming sector and deindustrialization in a small open economy. *The Economic Journal*, vol. 92, pp. 825–828.

5. Flegg, A. T., Lamonica, G. R., Chelli, F. M., Recchioni, M. C., Tohmo, T. A. (2021) New Approach to Modelling the Input-Output Structure of Regional Economies Using Non-survey Methods. *Journal of Economic Structures*, vol. 10, no. 12. DOI: 10.1186/s40008-021-00242-8.

6. Jiemin, Guo, Michael, Sonis and Geoffrey, J.D. (1999) Hewings An Analysis of Internal and External Linkages of Manufacturing and Non-Manufacturing Industries: Application to Chinese Metropolitan Economies. In book: Understanding and interpreting economic structure. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, pp. 317–346 DOI: 10.1007/978-3-662-03947-2

7. Hartman, L., Seckler, D. (1967) Toward the Application of Dynamic Growth Theory to Regions. *Journal of Regional Science*, vol. 7, issue 2, pp. 167–173.

8. Kronenberg, T. (2009) Construction of Regional Input-Output Tables Using Nonsurvey Methods: The Role of Cross-Hauling. *International Regional Science Review*, vol. 32, no 1, pp. 40–64. DOI: 10.1177/0160017608322555

9. North, D. (1955) Location Theory and Regional Economic Growth. *The Journal of Political Economy*, vol. 63, no. 3, pp. 243–258.

10. Sirkin, G. (1959) The Theory of the Regional Economic Base. *The Review of Economics and Statistics*, vol. 41, no. 4, pp. 426–429.

Статья поступила в редакцию 05.11.2025; одобрена после рецензирования 08.12.2025; принята к публикации 10.12.2025.

The article was submitted 05.11.2025; approved after reviewing 08.12.2025; accepted for publication 10.12.2025.

Информация об авторах

А. В. Белоусова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, отдел регионального моделирования, прогнозирования и внешнеэкономических взаимодействий, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН;

А. Г. Исаев – кандидат экономических наук, директор, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН.

Information about the authors

A. V. Belousova – Candidate of Economic Sciences, Senior Research Associate, Department of Regional Modeling, Forecasting and Foreign Economic Relations, Economic Research Institute of FEB RAS;

I. G. Isaev – Candidate of Economic Sciences, director, Economic Research Institute of FEB RAS.

Научная статья
УДК 368.8
<https://elibrary.ru/KDWXRA>

Риск-менеджмент в страховой компании: случай деликтного риска

Максим Юрьевич Дендиберя¹, Ольга Игоревна Тишутина²

^{1,2} Дальневосточный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

¹ asp2016@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7150-704X>

² tishutina.olga@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6983-7579>

Аннотация. В условиях сокращения общего количества национальных страховщиков, ограниченной возможности участия иностранного капитала в страховой деятельности, а также современной государственной политики, направленной на декриминализацию экономических отношений, исключение недобросовестных (криминальных) элементов из системы страховых отношений должно являться одним из приоритетных направлений работы страховых организаций. Целью данной статьи является формирование концепции целеполагания и принятия решений в условиях управления деликтным риском в страховании. Отмечается высокая значимость риск-менеджмента для минимизации воздействия деликтного риска на страховщика, а также возможность отрицательного синергетического эффекта от процесса его кумуляции с иными рисками, присущими страховой деятельности. Для повышения эффективности управления деликтным риском страховой организации предлагается применять блоковый подход к организации её системы риск-менеджмента, которая в условиях параллельного запуска процессов управления риском, с одной стороны, позволит осуществлять целеполагание, отвечающее текущей концепции управления риском страховой организации, с другой стороны, обеспечит функционирование системы самодиагностики, позволяющей выявить проблемные зоны, где реализация деликтного риска будет иметь отрицательные последствия для страховщика.

Ключевые слова: деликтный риск, деликвент, страховое мошенничество, легализация (отмывание) доходов, риск-менеджмент, страховой фонд, страховые резервы, инвестиционная деятельность

Для цитирования: Дендиберя, М. Ю., Тишутина, О. И. Риск-менеджмент в страховой компании: случай деликтного риска // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 4 (113). С. 80–88. EDN: KDWXRA

Concept of Goal Setting and Decision Making in the Context of Managing Insurance Tort Risk

Maxim Yu. Dendiberya¹, Olga I. Tishutina²

^{1,2} Far Eastern Railway University, Khabarovsk, Russia

¹ asp2016@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7150-704X>

² tishutina.olga@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6983-7579>

Abstract. *The paper examines manifestations of tort risk in the insurance field. Performing their functions insurance companies should consider such factors as the declining number of national insurers, limited foreign investors, and current government policies aimed at decriminalizing economic relations, eliminating unscrupulous (criminal) elements from the insurance system. The research aims at developing a model of goal-setting and decision-making in managing tort risk in the insurance field. The article emphasizes the critical importance of risk management in minimizing the impact of tort risk, as well as the potential for negative synergies from its cumulative effect with other risks inherent in insurance activities. The paper offers a block approach to insurance companies to assist them in their risk management. By starting the processes simultaneously the approach will, on the one hand, coordinate the insurance company's operation with the risk management concepts, and on the other hand, it will identify "problem areas" potentially having negative consequences due to torts.*

Keywords: *tort risk, tortfeasor, insurance fraud, legalization (laundering) of income, risk management, insurance fund, insurance reserves, investment activities*

For citation: Dendiberya, M. Yu., Tishutina, O. I. (2025) Concept of Goal Setting and Decision Making in the Context of Managing Insurance Tort Risk. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 4 (113), pp. 80–88. EDN: KDWXRA

Введение

Возникновение рискованных событий в процессе экономической деятельности хозяйствующих субъектов является неотъемлемой частью любой предпринимательской активности (независимо от отрасли и специфики деятельности организации), что объяснимо множеством причин, среди которых можно выделить: влияние экономического цикла; проявление кризисных явлений, влекущих за собой изменение рыночной конъюнктуры; изменение спроса и предложения под воздействием рыночных и нерыночных факторов.

Страховые организации, являясь частью финансового рынка, также подвержены аналогичному отрицательному воздействию, с одним лишь отличием в том, что в силу экономической природы страховых отношений страховщик вынужде-

ны нести бремя как собственного риска, так и бремя риска страхователя (застрахованного лица). Указанный факт является ключевой причиной повышенной рискованной нагрузки, что, в свою очередь, требует особых подходов к организации системы риск-менеджмента страховщика.

Несмотря на «справедливую» природу страховых отношений, в практике страхования имеет место наличие деликтного риска, возникающего под влиянием действий деликвентов, чья деятельность в отношении страховщика носит противоправный характер, либо характеризуется нарушением норм страхового или иного права.

Наиболее разрушительным воздействием с точки зрения влияния деликвента на страховую компанию обладают действия, связанные с:

1) совершением страхового мошенничества, в рамках которого указанное лицо стремится как сфальсифицировать сам факт наступления страхового случая, искажив его обстоятельства, так и существенно завысить величину страховой выплаты [Жукова, 2023];

2) совершением финансовых операций, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества [Чуйков, Гулиева, 2022], когда с помощью страховых отношений субъект стремится придать законную форму имуществу, полученному в результате осуществления противоправных действий.

Оценка воздействия деликвентов на систему страховых отношений

Оценивая негативные последствия действий деликвентов, необходимо отметить, что в случае совершения страхового мошенничества происходит:

1) нарушение процесса формирования страхового фонда, а также страховых резервов, что объяснимо превышением показателя убыточности отдельных видов страхования над расчётной величиной, явившейся основой для формирования нетто-ставки страхового тарифа (в части рисков надбавки);

2) снижение инвестиционной активности страховщика, что влечёт за собой уменьшение его вовлечённости в развитие национальной экономики (страховая организация вынуждена направлять часть средств, предусмотренных для инвестирования на выполнение «излишних» страховых обязательств);

3) снижение деловой активности страховой организации, обусловленное нерентабельностью отдельных высокоубыточных видов страхования, а также рост страховых тарифов, что негативным образом влияет на активность страхователей, снижая спрос на страховые продукты.

С точки зрения реализации риска, связанного с совершением операций по легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, в условиях использования системы страховых отношений необходимо отметить реализацию следующих отрицательных результатов:

1) нарушение базовых принципов за-

ключения договора страхования, а именно защиту законных имущественных интересов, связанных в первую очередь с владением, пользованием и распоряжением имуществом физических и юридических лиц;

2) формирование фиктивных денежных (финансовых) потоков, связанных с интеграцией страховых премий деликвентов в деятельность страховых организаций, что формирует необоснованные страховые обязательства, а также предпосылки к значительному оттоку финансовых ресурсов, связанных с исполнением принятых страховых обязательств на завершающем этапе легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества в качестве страховой выплаты, осуществляемой в денежной или натуральной форме;

3) реализация комплаенс-риска (являющегося частью сложного деликтного риска), заключающегося в применении санкционного воздействия к страховой организации со стороны контрольно-надзорных органов (например, Центрального банка Российской Федерации, Росфинмониторинга) по причине нарушения требований законодательства, связанных с противодействием легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, что может повлечь за собой, как ограничение возможности осуществлять отдельные виды страхования, так и послужить основанием для отзыва лицензии на осуществление страховой деятельности.¹

Риск-менеджмент в системе управления деликтным риском страховой организации

Исходя из перечисленных доводов о негативном влиянии деликтного риска на деятельность страховой организации, необходимо отметить важность организации эффективной системы риск-менеджмента указанного вида риска в деятельности страховщика. К. В. Балдин [Балдин, 2006] характеризует риск-менеджмент как особое направление научной деятельности, нацеленное на изучение проблем идентификации и управления риском. В. Н. Вяткин, В. А. Гамза, Ф. В. Маевский [Вяткин, Гамза, Маевский, 2023] считают, что риск-менеджмент представляет собой процесс

¹ Об организации страхового дела в Российской Федерации : Закон РФ от 27.11.1992 г. № 4015-1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/ (дата обращения: 29.09.2025).

целостного управления рисками, включающий в себя как управление рисками отдельных видов деятельности хозяйствующего субъекта, так и управление отдельными видами рисков в деятельности организации. А. Н. Фомичев [Фомичев, 2011] отмечает, что риск-менеджмент представляет собой «самостоятельное направление исследований в области теоретического управления рисками».

По мнению А. А. Киселева, риск-менеджмент представляет собой деятельность отдельных сотрудников хозяйствующего субъекта, связанную с выявлением и оценкой рисков, осуществляемую для минимизации возможных негативных последствий для организации [Киселев, 2019]. Практически аналогичной позиции придерживаются С. Т. Исламова, Е. А. Качанова [Исламова, Качанова, 2019], которые считают, что риск-менеджмент является научно обоснованной деятельностью, направленной на минимизацию параметров отклонения результатов от ожидаемых.

Обобщая представленные определения можно сделать вывод, что риск-менеджмент, с одной стороны, можно определить, как узкоспециализированную отрасль менеджмента, связанную с изучением влияния риска на организационно-хозяйственную деятельность хозяйствующего субъекта, а также определением оптимального подхода к минимизации его негативного влияния на достижения плановых (целевых показателей), тогда как, с другой стороны, риск-менеджмент можно представить в качестве управленческого процесса, связанного с принятием конкретных управленческих решений, направленных на идентификацию и оценку риска, в целях максимизации экономического результата деятельности организации.

Как неотъемлемая часть системы менеджмента хозяйствующего субъекта система риск-менеджмента организации должна иметь чёткую организационную вертикаль, которая позволит реализовать основные этапы управления риском, а также обеспечить максимизацию эффекта от практической реализации принятых решений, минимизировав негативные последствия их проявлений. [Редькина, Гребеник, 2019. Шамин, 2020] Структу-

ра системы риск-менеджмента страховой организации как субъекта, цель деятельности которого заключается в получении максимально возможной прибыли, должна соответствовать аналогичным признакам. При этом её организационные основы в целях максимизации эффекта от принятия управленческих решений должны носить «блочный характер», включающий набор конкретных действий, необходимых для осуществления в целях формирования конкретного эффекта (например, максимизации финансовых потоков страховщика).

Таким образом, с точки зрения универсального подхода организационную структуру построения системы риск-менеджмента хозяйствующего субъекта графически можно представить в виде рисунка 1.

Сама по себе организационная структура системы риск-менеджмента страховой организации, направленная на минимизацию или предотвращение последствий реализации деликтного риска, должна иметь закрытый характер, когда завершающий этап аудита системы риск-менеджмента должен приводить к автоматическому запуску процессов блока планирования целей, в первую очередь направленных на анализ изменений внешней и внутренней среды, которые произошли в результате практической реализации принятых ранее управленческих решений (например, изменение денежных (финансовых) потоков страховой организации, показателей объёма страхового портфеля или страхового поля, а также специальных страховых показателей, связанных с рентабельностью деятельности страховщика по отдельным видам страхования). Выявление любых существенных изменений в системе риск-менеджмента потребует пересмотра конкретных тактических целей деятельности страховщика, влекущих за собой цепные изменения в организационной системе риск-менеджмента страховой организации.

Взаимосвязь деликтного риска страховщика с иными рисками, сопутствующими страховой деятельности

При формировании представленной организационной структуры системы риск-менеджмента страховой организации необходимо учитывать наличие ба-

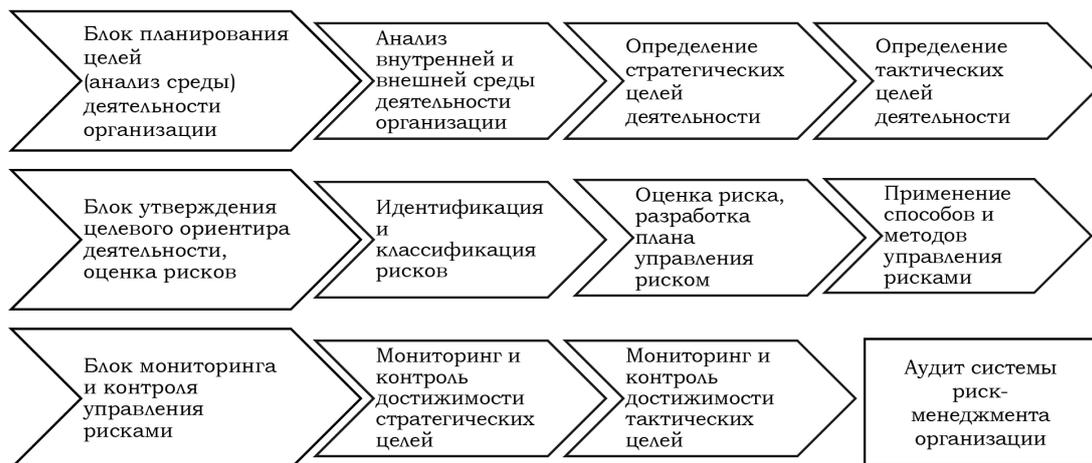

Рис. 1. Организационная структура системы риск-менеджмента хозяйствующего субъекта

зовых рисков, которые характерны деятельности страховщика, независимо от перечня осуществляемых видов страхования (учитывая возможное воздействие деликвента). Так, к рискам, связанным с деликтным воздействием, можно отнести [Фомичев, 2011]:

1) страховой риск, возникающий при заключении договора страхования/перестрахования, а также выполнения текущих и ранее принятых обязательств страховщика;

2) рыночный риск, связанный с ухудшением финансового положения страховщика под воздействием агрессивных факторов внешней среды, оказывающих дестабилизирующее воздействие на страховую портфель, нарушая процесс оценки активов и обязательств, отрицательно воздействуя на инвестиционную деятельность посредством негативного изменения рыночной стоимости активов (учитывая операции с производными финансовыми инструментами);

3) кредитный риск, связанный с неисполнением, неполным исполнением финансовых обязательств контрагентами перед страховщиком;

4) операционный риск, связанный с отрицательным воздействием на страховую организацию со стороны контрольно-надзорных или правоохранительных органов по причине несоответствия деятельности страховщика требованиям действующего законодательства, возникшего в результате умышленного действия или бездействия должностных лиц, со-

трудников, иных привлекаемых третьих лиц, приведшего к нарушению установленных правил предоставления страховых продуктов и страховых услуг (включая нарушения работы информационно-технологической системы страховщика и иного внешнего воздействия);

5) риск ликвидности, связанный с нарушением процесса исполнения принятых на себя страховщиком обязательств по причине невозможности обращения активов в денежные средства, а также обеспечения финансирования страховых выплат, в том числе за счёт получения доходов от инвестированных собственных денежных средств, а также средств части страхового фонда и страховых резервов.

Акцентирование внимания на базовых рисках не означает отказ от управления иными видами рисков, игнорирование которых в конечном итоге может привести к формированию ещё более негативных финансовых последствий, которые отрицательным образом могут повлиять на финансовое состояние страховщика, а также рискзащищённость его клиентов.

Ранее нами отмечалось, что деликтный риск в страховании охватывает практически все сферы деятельности страховой организации, проявляясь непосредственно при осуществлении его страховой, инвестиционной и хозяйственной деятельности. В этой связи современная система риск-менеджмента страховщика должна учитывать данный факт при формировании каждого блока организационной

структуры, что позволит обеспечить комплексный подход к минимизации проявлений деликтного риска, а также нивелировать отрицательные финансовые последствия от действий деликвентов.

Учитывая сложность структуры деликтного риска, сама система риск-менеджмента страховой организации должна:

1) представлять собой единый комплекс согласованных мероприятий, обеспечивающих реализацию общей стратегической цели страховщика, представленной в качестве единой концептуальной модели, соответствующей как миссии субъекта, так и его финансовому состоянию;

2) учитывать возможность использования доступного и допустимого набора инструментов в целях организации своевременного и эффективного процесса планирования страховой деятельности при параллельном осуществлении процессов выявления, идентификации, классификации и оценки рисков с учётом возможного наличия деликтной составляющей;

3) обеспечивать эффективность системы мониторинга и контроля деликтного воздействия на страховую организацию (в условиях реализации связи «комплаенс – риск – деликтный риск»).

Стратегическое целеполагание системы риск-менеджмента в условиях управления деликтным риском в страховании

Оценивая особенности формирования системы риск-менеджмента страховой организации, учитывающей возможную реализацию деликтного риска, необходимо понимать, что формирование самой стратегической цели всей системы риск-менеджмента не может быть ориентировано исключительно на максимизацию финансового результата, напрямую зависящего от страховой, инвестиционной и хозяйственной деятельности страховщика, разнообразие которой, в свою очередь, несёт за собой необходимость дифференцированного подхода к управлению проявлениями деликтного риска относительно конкретного вида деятельности. Данный факт объясним тем, что отдельные виды страхования не преследуют цели максимизации прибыли (указанная цель является сопутствующей), что реализуется,

например, при организации социальных видов страхования, обеспечивающих реализацию социальных гарантий (защитной функции страхования), не позволяя прибегать к таким способам управления риском, как отказ в заключении договора страхования.

Таким образом, при стратегическом целеполагании системы риск-менеджмента страховой организации целесообразно ввести и использовать такую дефиницию, как «поле риска», представляющее собой максимальное количество видов рисков, подлежащих материальной оценке и присущих страховщику в условиях деятельности, направленной на достижение определённой стратегической цели.

В свою очередь, само по себе «поле риска» является исчерпывающей классификационной системой рисков, присущих деятельности страховщика, которые в условиях действий деликвента могут повлечь реализацию синергетического отрицательного воздействия на финансовое состояние страховщика, в том числе обеспечить реализацию события, имеющего под собой свойства кумуляции риска. Оценивая систему управления деликтным риском, необходимо отметить факт, что принимая то или иное решение (принятие риска в страховании, осуществление страховой выплаты) в условиях заявленной стратегической цели сотрудник страховой организации должен осуществлять дифференцированную оценку всего «поля рисков», полагая, что реализация деликтного риска может поспособствовать формированию любого возможного риска из представленной совокупности рисков, фактически создавая сложную структуру рискового события.

Тактика управления деликтным риском страховой организации

Оценивая специфику принятия тактических решений в условиях управления деликтным риском страховщика, следует отметить факт ограниченности действий риск-менеджера с точки зрения допустимости принятия и применения базовых концепций управления риском. Отдельные концепции управления риском (например, отказ от управления риском) не распространяются на деликтный риск в силу его противоправного характера, организационной специфики страхо-

вой деятельности, а также природы и характера страховых отношений и особого подхода к применению комплекса императивно-карательных мер со стороны контрольно-надзорных органов в случае принятия отдельных аспектов его реализации.

Влияние на принятие конкретных тактических решений в условиях сформированной системы риск-менеджмента страховой организации в условиях минимизации воздействия деликвента, несомненно, будет оказывать субъективный приоритет риск-менеджера, что в свою очередь формирует потребность в осуществлении объективного факторного анализа особенностей реализации деликтного риска. Реализация самого факторного анализа, влияющего на принятие конкретного тактического решения, связанного с конкретным действием деликвента, может происходить на основе следующей классификационной системы факторов:

1) организационно-технические факторы, заключающиеся в: обеспеченности кадровым ресурсом всей системы риск-менеджмента страховщика; наличии отлаженной системы взаимодействия между основными звеньями системы риск-менеджмента страховой организации; обеспеченности инструментами мониторинга и идентификации деликтного риска (в том числе в условиях использования электронных каналов продаж);

2) финансовые факторы, заключающиеся в: достоверности формирования страховых тарифов, страхового фонда и страхового резерва; соблюдении всех требований по осуществлению инвестиционной политики страховой организации; сбалансированности страхового портфеля страховщика с точки зрения воздействия со стороны деликвента; обеспечении гармонизации движения денежных (финансовых) потоков страховщика с учётом реализации возможных мероприятий, связанных с воздействием на деликтный риск страховой организации;

3) инновационные факторы, заключающиеся в: наличии в продуктовой линейке страховой организации новых страховых продуктов и услуг, а также способах

их реализации в деятельности страховой организации, которые могут стать предметом воздействия со стороны потенциальных деликвентов;

4) маркетинговые факторы, заключающиеся в возможном воздействии маркетинговых мероприятий страховщика на повышение его рискованной нагрузки, в том числе за счёт воздействия со стороны деликвента.

Осуществляя анализ, риск-менеджер страховой организации должен одновременно определять возможные причины деликтного воздействия, которые также могут быть представлены в качестве классификационной системы и среди которых можно выделить:

1) политические факторы, заключающиеся в оценке степени латентности действующей законодательной системы к организации системы противодействия деликтным рискам (в частности, деликтному риску в страховании);

2) экономические факторы, заключающиеся в: текущей стадии развития экономики (в условиях кризисных явлений отмечается резкое увеличение объёмов страховых операций с признаками деликтного воздействия); уровне дохода населения, что, в свою очередь, сказывается на величине страхового поля; общей динамике развития финансового рынка; колебании спроса на страховые продукты и услуги; конкуренции на рынке страхования, когда с увеличением количества страховых компаний происходит рост общего количества противоправных действий как со стороны страховщика, так и со стороны страхователя;

3) социальные факторы (уровень занятости населения и его менталитет), которые формируют отношение страхователя (потенциального страхователя) к заключению договора страхования, носящего по своей экономической природе нематериальный характер, а также процессу урегулирования убытков;

4) технологические факторы, а именно уровень развития технологий, применяемых в страховой деятельности в целях заключения договора страхования и его дальнейшего исполнения (с ростом развития технологий, с одной стороны, происходит ужесточение системы пред-

варительного контроля и системы организации страховых выплат, что минимизирует проявления деликтного риска в страховании, а с другой – развитие технологий формирует новый инструментарий для организации деликтного воздействия со стороны деликвента в отношении страховой организации, увеличивая рисковую деликтную нагрузку);

5) природно-климатический, влияющий на концентрацию размещения населения (с ростом концентрации населения происходит рост деликтного воздействия, что объяснимо пропорциональным увеличением страховых, а также финансовых операций, совершаемых в целях удовлетворения интересов населения).

Заключение

В результате проведенного анализа риск-менеджер должен сформировать комплекс первичных данных для реализации элемента целеполагания и принятия управленческих решений системы риск-менеджмента страховщика в условиях управления деликтным риском. При этом общий перечень целей управления деликтным риском можно охарактеризовать следующим образом:

1) минимизация проявлений деликтного риска в страховой деятельности, реализация которой потребует реструктуризации текущего страхового портфеля, а также изменения подхода взаимодействия с фактическими клиентами (в условиях полной реструктуризации под-

ходов к привлечению новых субъектов из страхового поля);

2) минимизация проявлений деликтного риска в инвестиционной деятельности, реализация которой потребует реструктуризации инвестиционной политики страховщика, изменении подходов к оценке качества активов и степени риска, а также десубъективизации личных предпочтений финансового менеджера;

3) минимизация проявлений деликтного риска в хозяйственной деятельности, требующая формирования службы внутреннего контроля страховой организации в структуре системы риск-менеджмента страховщика, в целях ужесточения регламентного процесса осуществления общехозяйственных операций.

Указанная совокупность действий позволит идентифицировать деликтный риск, определить основные субъекты, причастные к его формированию, выявить факторы деликтивизации страховых отношений. Определяя идентификационные характеристики, риск-менеджер получает возможность осуществить оценку последствий реализации рискованных событий в отношении действий деликвента (детализировав возможные финансовые и хозяйственные последствия реализации деликтного риска в страховании, как с точки зрения количественных, так и с точки зрения качественных показателей).

Список источников:

1. Балдин, К. В. Риск-менеджмент: учебное пособие. М.: Эксмо, 2006. 368 с. ISBN: 5-699-13640-1 EDN: QRBDNJ
2. Вяткин, В. Н., Гамза, В. А., Маевский, Ф. В. Риск-менеджмент: учебник. М.: Юрайт, 2023. 365 с.
3. Жукова, К. А. Мошенничество в сфере страховой деятельности // Ответственный редактор. 2023. С. 28. EDN: NTBVD E
4. Исламова, С. Т., Качанова, Е. А. Риск-менеджмент в корпоративной системе управления проектами // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. №. 7 (429). С. 124-130. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10714 EDN: ITRCCM
5. Киселев, А. А. Риск-менеджмент: научная сущность и роль в деятельности отечественных организаций // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. №. 12-2. С. 50-53. DOI: 10.24411/2411-0450-2019-11477 EDN: WDOI ZC
6. Куликова, Е. А. Риск-менеджмент. «Scientific magazine». Kontsep, 2014. 259 с.
7. Редькина, А. А., Гребеник, В. В. Особенности стресс-тестирования российских страховых компаний // Вестник евразийской науки. 2019. Т. 11. №. 2. С. 42. EDN: MAQTEJ

8. Фомичев, А. Н. Проблемные вопросы осуществления риск-менеджмента в современных экономических условиях // Вестник Академии. 2011. №. 1. С. 49-52. EDN: NJCKGT

9. Чуйков, А. С., Гулиева, С. Н. Меры по снижению рисков ОД/ФТ в типологиях легализации (отмывания) доходов с использованием финансовых учреждений // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. №. 1-2. С. 132-136. DOI: 10.24412/2411-0450-2022-1-283-132-136 EDN: WFFZQF

10. Шамин, Д. В. Система риск-менеджмента-инструмент успешной реализации международных мегапроектов // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2020. Т. 11. №. 1. С. 98-103. DOI: 10.17747/2618-947X-2020-1-98-103 EDN: PXCEVX

References:

1. Baldin, K. V. (2006) Risk-management. Studyguide. M. : Eksmo. 368 p. ISBN: 5-699-13640-1 EDN: QRBDNJ (in Russ.).

2. Vyatkin, V. N., Gamza, V. A., Mayevsky, F. V. (2023) Risk-management: textbook. M. : Juright, 365 p. (in Russ.).

3. Zhukova, K. A. (2023) Insurance Fraud Editor-in-Chief, p. 28. EDN: NTBVD (in Russ.).

4. Islamova, S. T., Kachanova, E. A. (2019) Risk-management in the corporate project management system. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 7 (429), pp. 124–130. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10714 EDN: ITRCCM (in Russ.).

5. Kiselev, A. A. (2019) Risk management: scientific essence and role in the activities of domestic organizations. *Economics and business: theory and practice*, no. 12–2, pp. 50–53. DOI: 10.24411/2411-0450-2019-11477 EDN: WDOIJC (in Russ.).

6. Kulikova, E. A. (2014) Risk management. «Scientific magazine». Kontsep, 259 p. (in Russ.).

7. Redkina, A. A., Grebenik, V. V. (2019) Features of stress testing of Russian insurance companies. *Bulletin of Eurasian Science*, vol. 11, no. 2, p. 42. EDN: MAQTEJ (in Russ.).

8. Fomichev, A. N. (2011) Problematic issues of risk management in modern economic conditions. *Bulletin of the Academy*, no. 1, pp. 49–52. EDN: NJCKGT (in Russ.).

9. Chuikov, A. S., Gulieva, S. N. (2022) Measures to reduce ML/FT risks in typologies of legalization (laundering) of income using financial institutions. *Economy and business: theory and practice*, no. 1–2, pp. 132–136. DOI: 10.24412/2411-0450-2022-1-283-132-136 EDN: WFFZQF (in Russ.).

10. Shamin, D. V. (2020) Risk management system – a tool for the successful implementation of international megaprojects. *Strategic decisions and risk management*, vol. 1, no. 1, pp. 98–103. DOI: 10.17747/2618-947X-2020-1-98-103 EDN: PXCEVX (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 02.10.2025; одобрена после рецензирования 06.11.2025; принята к публикации 10.11.2025.

The article was submitted 02.10.2025; approved after reviewing 06.11.2025; accepted for publication 10.11.2025.

Информация об авторах

М. Ю. Дендиберя – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и бухгалтерского учёта, Дальневосточный университет путей сообщения;

О. И. Тишутина – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой финансов и бухгалтерского учёта, Дальневосточный университет путей сообщения.

Information about the authors

M. Yu. Dendiberya – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Finance and Accounting, Far Eastern Railway University;

O. I. Tishutina – Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Finance and Accounting, Far Eastern Railway University.

Научная статья

УДК 316.772.5: 613.72

<https://elibrary.ru/LDKVZE>

Барьеры на пути цифровизации бизнес-процессов в российской индустрии фитнеса

Татьяна Николаевна Блинова¹, Тимур Сагирович Хакимов²

^{1,2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

² Consulting group «Fitness Vostok», Хабаровск, Россия

¹ blinova-tn@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5048-809X>

² khakimovts@gmail.com

Аннотация. В эпоху цифровой трансформации индустрия фитнеса в России демонстрирует двойственность. Активно внедряя клиентские цифровые тренды, фитнес-клубы сталкиваются с системными барьерами в цифровизации своих внутренних бизнес-процессов. Статья посвящена выявлению ключевых препятствий, сдерживающих цифровую трансформацию в их деятельности. Публикация построена на обобщении возможных барьеров цифровизации бизнеса фитнес-клубами, функционирующими в России, и результатах опроса менеджеров и собственников последних по данной проблематике. Барьеры на пути цифровизации бизнес-процессов в организациях фитнес-индустрии были разделены на четыре группы: финансовые, технологические, организационно-кадровые и клиентские. Результаты опроса владельцев и управленческого персонала фитнес-клубов показали, что основным сдерживающим фактором цифровизации данного бизнеса являются финансовые риски, а ключевой вызов заключается не в отсутствии технологий, а в сложности их экономически оправданной интеграции в низкомаржинальный бизнес. Кроме того, авторами предложен ряд практических рекомендаций для поэтапного преодоления барьеров цифровизации бизнес-процессов в деятельности фитнес-клубов. Среди таковых: внедрение системы оплаты услуг по модели подписки (рекуррентных платежей), фокус на интеграционную совместимость решений и управление изменениями. Стратегической же целью цифровой трансформации организаций фитнес-индустрии видится построение целостной клиентоцентричной цифровой экосистемы, в соответствии с которой технологии усиливают, а не заменяют личное взаимодействие фитнес-клуба с клиентами. Сделанные выводы могут представлять интерес для владельцев фитнес-клубов России и Дальнего Востока, в частности, заинтересованных в расширении практики цифровизации бизнеса.

Ключевые слова: цифровизация, барьеры, бизнес-процесс, фитнес-клуб, опрос

Для цитирования: Блинова Т. Н., Хакимов Т. С. Барьеры на пути цифровизации бизнес-процессов в российской индустрии фитнеса // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 4 (113). С. 89–99. EDN: LDKVZE

Original article

Barriers to Digitalization of Business Processes in the Russian Fitness Industry

Tatyana N. Blinova¹, Timur S. Khakimov²^{1, 2} The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА, Khabarovsk, Russia² Consulting group «Fitness Vostok», Khabarovsk, Russia,¹ blinova-tn@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5048-809X>² khakimovts@gmail.com

Abstract. *In the era of digital transformation, the Russian fitness industry is displaying duality. Actively implementing digital trends for clients, gyms face systemic barriers to digitalization of their internal business processes. This article aims to identify the key obstacles for digital transformation. The research is based on a summary of potential barriers to digitalization of business processes in the Russian fitness industry as well as on the results of a survey of gyms' managers and owners. Barriers to the digitalization of business processes in fitness industry organizations are divided into four groups: financial, technological, organizational and personnel, and client-related. The survey of gyms' managers and owners reveals that financial risks are the main constraint to the digitalization of this business, and the key challenge lies not in the lack of technology, but in the difficulty of economically integration it into a low-margin business. Furthermore, the authors offer a number of practical recommendations for gradually overcoming barriers to the digitalization of business processes in the Russian fitness industry. These include – implementation of a subscription-based payment system (recurring payments), focus on the integration of solutions, and change management. The strategic goal of digital transformation of fitness industry is to build a holistic, customer-centric digital ecosystem, whereby technology enhances, rather than replaces, personal interactions between gyms and clients. These findings may be of interest to gyms' owners in Russia and in the Russian Far East, particularly to those having any interest in expanding of business digitalization practices.*

Keywords: digitalization, barriers, business process, gym, survey

For citation: Blinova, T. N., Khakimov, T. S. (2025) Barriers to Digitalization of Business Processes in the Russian Fitness Industry. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 4 (113), pp. 89–99. EDN: LDKVZE

Введение

В эпоху четвертой промышленной революции глобальная экономическая парадигма претерпевает фундаментальные изменения, диктуя необходимость перманентной адаптации и трансформации бизнес-моделей под давлением стремительного технологического процесса. Цифровая трансформация перестала быть прерогативой IT-сектора, превратившись в императив выживания и конкурентоспособности для всех без исключения отраслей, включая сферу услуг [Kraus et al., 2021; Акбашева, Уразбахтина, 2023; Черкасова, Слепушенко, 2021].

Индустрия фитнеса, являющаяся одним из наиболее динамичных и социально значимых сегментов этой сферы, демонстрирует ярко выраженную двойственность: с одной стороны, она активно поглощает потребительские цифровые тренды [Ratten, 2020], такие как: носимые устройства, мобильные приложения, а с другой – испытывает значительные системные трудности в цифровизации своих внутренних бизнес-процессов [Куровский, 2025].

Можно сказать, что индустрия фитнеса в России находится на переломном этапе. С одной стороны, существует мощное давление со стороны клиентов, которые требуют современного цифрового опыта [Paradimitriou et al., 2022; Давидян, 2023]. С другой – клубы сталкиваются с комплексом барьеров: высокие финансовые риски, незрелость и разрозненность решений на рынке, а также острая нехватка внутренних компетенций [Блинова, 2024; Русаков, 2023].

Потенциал цифровой трансформации фитнес-клубов довольно большой. Речь идет о комплексной перестройке всей операционной деятельности – от автоматизации административных функций, управления членской базой и онлайн-продаж до внедрения сложных экосистем, включающих устройства для отслеживания показателей клиентов, платформы для дистанционной записи, предиктивную аналитику на основе больших массивов данных для удержания клиентов и формирования персональных программ, а также использование технологий допол-

ненной реальности для создания иммерсивного тренировочного опыта.

Подобные инновации сулят не только радикальное повышение операционной эффективности и снижение издержек, но и качественно новый уровень клиентского опыта, что ведет к усилению лояльности и открытию новых гибридных источников монетизации. Однако путь технологической модернизации оказывается сопряжен с комплексом взаимосвязанных и глубоких вызовов, носящих стратегический, экономический, организационный и технологический характер.

Фитнес-индустрия характеризуется наличием барьеров для цифровизации. К таковым относятся не только объективные факторы, такие как: высокая фрагментированность рынка с преобладанием малых и средних предприятий с низкой нормой рентабельности, что ограничивает объем инвестирования в IT-инфраструктуру, но и значительные субъективные препятствия. Среди последних – доминирование традиционного «аналогового» мышления среди владельцев и управляющих, организационное сопротивление персонала, вызванное страхом перед изменениями и цифровой некомпетентностью, а также острая проблема обеспечения кибербезопасности и соответствия требованиям по защите конфиденциальных персональных и биометрических данных пользователей.

Целью данной статьи является проведение анализа ключевых препятствий, сдерживающих цифровую трансформацию бизнес-процессов в индустрии фитнеса, классификация этих вызовов и выработка на основе проведенного анализа комплекса практических рекомендаций и стратегических векторов для их поэтапного преодоления.

Методы и инструменты

При проведении исследования использовались следующие методы:

1. Обобщение: на основе изучения литературных источников были обобщены возможные барьеры на пути цифровизации бизнес-процессов фитнес-клубов;
2. Группировка: выявленные барьеры были сгруппированы в четыре группы;
3. Опрос владельцев и менеджеров

фитнес-центров России,¹ проведенный авторами, позволил выявить реальные барьеры, препятствующие цифровой трансформации бизнеса. В исследовании участвовали сто респондентов, представляющих фитнес-клубы различных форматов. Анкетный опрос проводился в онлайн-формате с использованием стандартизированной анкеты, включающей три содержательных блока: оценку текущей стадии цифровизации, определение значимости отдельных направлений внедрения цифровых инструментов и выявление основных барьеров, ограничивающих их применение. Основной блок опроса включал десять структурированных вопросов закрытого и смешанного характера, в том числе посвященных уровню цифровой зрелости клуба, приоритетности внедряемых цифровых решений и наиболее ощутимым финансовым, технологическим и организационно-кадровым препятствиям.

Результаты и их обсуждение

Возможные барьеры цифровизации бизнес-процессов в фитнес-клубах

Наиболее важные барьеры на пути цифровизации фитнес-клубов, на наш взгляд, можно представить в виде нескольких групп:

- технологические барьеры;
- финансовые барьеры;
- человеческий фактор и организационные барьеры;
- маркетинговые и клиентские барьеры;
- регуляторные и правовые барьеры.

К первой категории технологических барьеров цифровизации относится фрагментация данных и отсутствие единой экосистемы. Данные клиентов (их посещения, покупки, платежи), тренеров (расписания, планы) и операционной деятельности «разбросаны» по разным системам: CRM, финансовые программы, приложения, системы контроля доступа. Создание

единой картины требует сложной и дорогой интеграции [Газизов, 2021].

Также существует сложность выбора и интеграции решений. На рынке IT-решений сотни платформ: для управления клубом, для проведения онлайн-тренировок, питания, носимых устройств. Бизнесу сложно выбрать совместимые решения, которые не будут конфликтовать друг с другом.

Фитнес-клубы зачастую испытывают проблемы с масштабируемостью и надежностью, т. к. не все программы способны выдерживать пиковые нагрузки. Падение автоматической системы в час-пик влечет для клуба потерю клиентов и выручки.

Важным барьером является обеспечение кибербезопасности, поскольку фитнес-клубы хранят персональные данные клиентов, информацию о здоровье клиентов, что делает их привлекательной целью для «хакеров». У многих небольших фитнес-сетей нет ресурсов для обеспечения должного уровня защиты.

К финансовой категории барьеров в сфере цифровизации можно отнести высокие первоначальные инвестиции. Внедрение современной CRM², установка «умного» оборудования, разработка мобильного приложения, создание IT-инфраструктуры³ требуют значительных капиталовложений.

При этом довольно сложно просчитать, сколько прибыли получит фитнес-клуб после проведения цифровизации; бизнес не видит прямую корреляцию, поэтому снижается заинтересованность в ее проведении [Солнцев, 2021].

Также стоит отметить, что цифровизация – это не разовый процесс: подписки, техническая поддержка, обновление программного обеспечения и обучение работников фитнес-клубов – все это требует финансовых ресурсов.

Стоит учитывать и наличие челове-

¹ Социологическое исследование «Цифровизация бизнес-процессов в фитнес-клубах». Форма – анкетный опрос. Объем выборки – 100 человек. Ошибка выборки – 5%. Единица выборки – владельцы и управленческий персонал фитнес-клубов. Метод формирования выборки – метод удобства. Российская Федерация. Август–октябрь 2025 г. Научный руководитель – канд. экон. наук, Блинова Т.Н., полевой руководитель – Хакимов Т.С..

² CRM – Customer Relationship Management – система управления взаимоотношениями с клиентами.

³ IT (Information Technology) – это область, связанная с созданием, управлением, обработкой, хранением и передачей информации с использованием компьютерных и цифровых технологий.

ского фактора, ведь тренерский и административный персонал может увидеть в цифровизации угрозу своим рабочим местам или привычным процессам. «Умные» системы контроля могут восприниматься как тотальный контроль, тренеры могут опасаться, что онлайн-тренировки заменят их живую работу.

У владельцев и менеджеров фитнес-клубов часто нет экспертных данных, чтобы принимать взвешенные решения о цифровизации, отсутствует понимание, каких специалистов для этого нужно принимать на работу.

Со стороны клиентов фитнес-клубов также может быть неприятие вводимых цифровых инструментов, ведь значительная часть аудитории – люди, которые ценят личное общение и привыкли к традиционному формату. Они могут не захотеть использовать приложение для записи, носить браслет или заниматься онлайн.

Внедрение новой цифровой технологии почти всегда требует перестройки всех внутренних процессов в клубе. Это болезненно, требует времени и усилий от всей команды.

В настоящее время клиенты фитнес-клубов уже используют десятки приложений, в том числе для здоровья. Заставить их установить еще одно приложение конкретного фитнес-клуба, является довольно сложной задачей.

Поэтому нужно не просто предложить клиентам приложение, а четко донести до них, какую проблему оно решает: экономит время, делает тренировки эффективнее, помогает достичь цели быстрее и др.

Цифровизация порождает ожидание клиентов гипер-персонализированного сервиса [Paradimitriou et al., 2022]. Клиенты ждут, что на основе их данных (посещений, измерений пульса и т. д.) система сама будет предлагать им персональные тренировки, рекомендации по питанию и мотивационные сообщения. Обеспечить такой уровень – технически сложно и дорого.

Регуляторные барьеры на пути цифровизации возникают из-за того, что фитнес-клубы работают с данными о здоровье, которые относятся к специальной категории. Их сбор, хранение и обработка строго регламентированы, а несоблюдение

законов грозит огромными штрафами.

Также в настоящее время не до конца урегулированы вопросы с возвратами средств за онлайн-тренировки, ответственностью за неверно составленные цифровые программы тренировок и пр.

Основной вызов цифровизации в фитнес-индустрии заключается не в отсутствии технологий, а в сложности их грамотной и экономически оправданной интеграции в традиционный бизнес с низкой маржинальностью, сильной зависимостью от человеческого фактора и разнородной клиентской базой [Брикман, 2024]. Успех ждет тех участников индустрии фитнеса, кто сможет преодолеть эти барьеры, создав опыт, где цифровые инструменты усиливают, а не заменяют живое общение и экспертизу тренеров.

Реальные барьеры цифровизации бизнес-процессов в фитнес-клубах России

В рамках настоящего исследования был проведен опрос ста менеджеров и собственников российских фитнес-клубов, направленный на выявление ключевых барьеров цифровизации в индустрии фитнеса. Рассмотрим его результаты.

Согласно данным опроса, наибольшая часть фитнес-центров (45%) находится в активной фазе внедрения тех или иных цифровых инструментов в бизнес-процессах, 32% респондентов уже внедрили базовые системы и используют их в работе, но на продвинутой стадии находится всего 8% от всех опрошенных. Индустрия в целом осознала необходимость цифровизации, но лишь единицы выстроили целостную цифровую экосистему (рис. 1).

Согласно результатам исследования, наиболее значимыми направлениями цифровизации бизнес-процессов в организациях фитнес-индустрии являются системы онлайн-бронирования, автоматизация продаж и мобильные приложения для клиентов. Можно сделать вывод о том, что наибольший интерес вызывают инструменты, работающие непосредственно на клиента и операционную эффективность (табл. 1).

Что касается финансовых барьеров, которые ощущают респонденты при цифровизации фитнес-клубов, то 78%

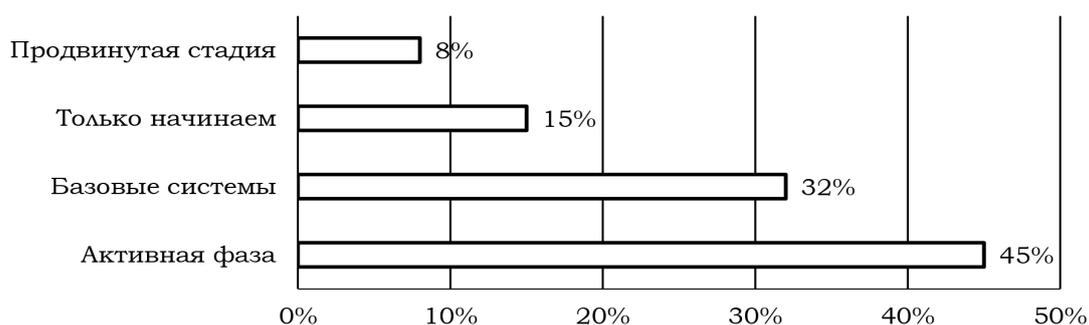

Рис. 1. Распределение фитнес-клубов по стадиям цифровизации их бизнес-процессов, % от опрошенных

респондентов на первое место ставят сложности с высокой ценой закупки и установки цифровых инструментов. Далее по степени важности для опрошенных стоит неопределенность с получаемым в будущем доходом, окупаемость внедрения – 72%; 55% респондентов выделили высокие затраты на поддержку и обновление (рис. 2).

Полученные в процессе исследования результаты показали, что финансовые риски являются абсолютными лидерами среди всех барьеров цифровизации.

Согласно результатам исследования, наибольшую долю среди технологических проблем занимает сложность интеграции цифрового инструмента с уже установленным программным обеспечением (далее – ПО) в фитнес-клубе (48%). Для 35% опрошенных сложность вызывает отсутствие

возможности приобрести уже готовое решение для конкретного фитнес-клуба, чтобы в дальнейшем не тратить деньги на его доработку, техническое обновление и др. Следовательно, острой является проблема совместимости новых цифровых решений с устаревшими программными системами (табл. 2).

На вопрос остроты для фитнес-клуба кадрового дефицита в сфере цифровизации ответы респондентов распределились следующим образом (табл. 3).

Согласно результатам опроса, подавляющее большинство респондентов – 41% испытывают трудности с кадрами для цифровизации, 38% отметили, что персонал фитнес-клубов сопротивляется нововведениям, и только у 3% опрошенных сложностей с кадровым вопросом нет.

Согласно результатам исследования,

Таблица 1

Уровень значимости направлений цифровизации бизнес-процессов в деятельности фитнес-клубов, оцененный по 5-балльной шкале

Направление	Оценка
Системы онлайн-бронирования и оплаты	4.8
Автоматизация продаж и CRM	4.6
Персональные мобильные приложения	4.3
Управление персоналом и расписанием	4.1
Аналитика и BI-системы ⁴	3.9
Автоматизация маркетинга	3.7
Умные тренажёры и IoT-устройства ⁵	3.2

Источник: составлено авторами.

⁴ BI-системы (Business Intelligence-системы) – это программные решения и технологии, которые помогают собирать, хранить, анализировать и визуализировать данные, чтобы поддерживать принятие управленческих решений

⁵ IoT-устройства (Internet of Things) – это «умные» устройства, оснащённые датчиками и подключённые к Интернету, которые автоматически собирают, передают и обрабатывают данные без прямого участия человека.

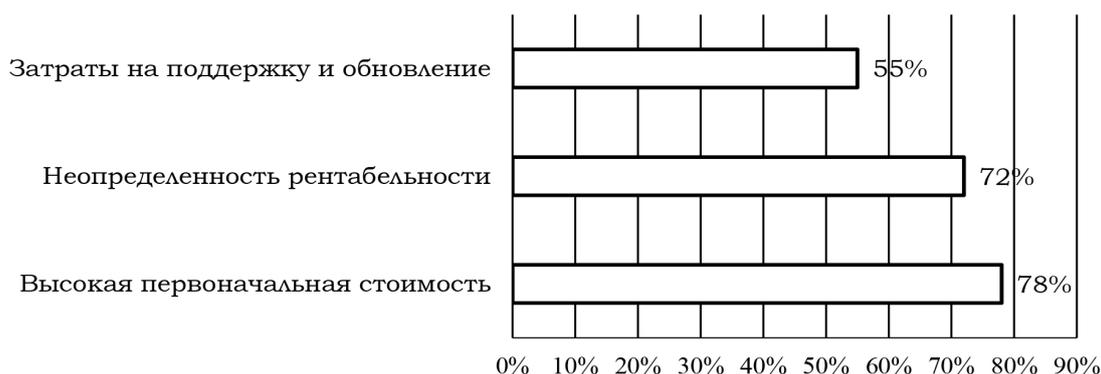

Рис. 2. Финансовые барьеры цифровизации бизнес-процессов фитнес-клубов России, % от опрошенных

Таблица 2

Технологические барьеры цифровизации бизнес-процессов фитнес-клубов России, % от опрошенных

Технологический барьер	Доля, %
Сложность интеграции с текущим ПО	48
Отсутствие готовых решений под специфику клуба	35
Недостаток внутренней технической экспертизы	12
Низкое качество ПО на рынке	5

Источник: составлено авторами

Таблица 3

Кадровые барьеры цифровизации бизнес-процессов фитнес-клубов России, % от опрошенных

Кадровой барьер	Доля, %
Нет внутренних IT-специалистов	41
Персонал сопротивляется нововведениям	38
Находим возможности для обучения, аутсорсинг	18
Кадровых барьеров не ощущаем	3

Источник: составлено авторами

главной причиной сопротивления со стороны персонала фитнес-клубов является человеческий фактор и страх перед переменами. По оценке зрелости рынка цифровых решений в России были получены результаты, представленные на рисунке 3.

Согласно полученным результатам опроса, большинство опрошенных считают рынок цифровых инструментов для индустрии фитнеса разрозненным – 65%, о недостаточности предложений выразили мнение 22% респондентов. Иными словами, глазами руководителей и собственников фитнес-клубов рынок цифровых предложений воспринимается как фрагментированный и незрелый (рис. 4).

Что касается сдерживающих факто-

ров, затрудняющих развитие цифровых проектов в фитнес-клубе, то в наибольшей мере, согласно результатам опроса, внедрение (развитие) цифровизации сдерживает невозможность оценки ее окупаемости – 52%. Далее по популярности следует ответ об отсутствии понимания, с чего начинать – 25%. Сдерживают вероятные сбои в работе автоматизированных систем и, как следствие, недовольство клиентов – 15% опрошенных. Следовательно, принятие решений в области цифровизации упирается в их экономическое обоснование (табл. 4).

Согласно исследованию, ожидания клиентов в последние 2–3 года изменились, они в большинстве своем уже ждут каких-то приложений, онлайн-сервисов и

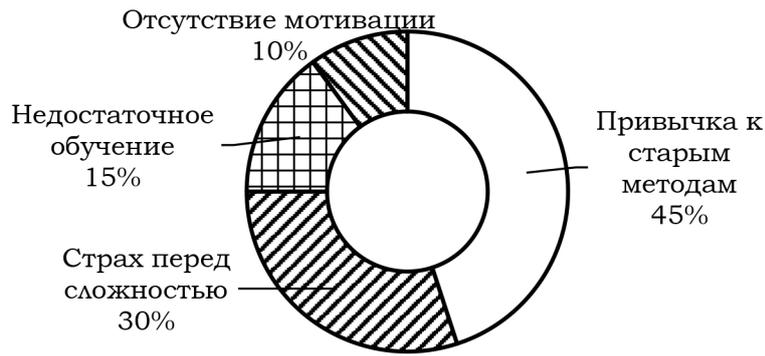

Рис. 3. Причины сопротивления персонала фитнес-клуба цифровизации его бизнес-процессов, % от опрошенных

Рис. 4. Оценка зрелости рынка цифровизации индустрии фитнеса, % от опрошенных

Таблица 4

Сдерживающие факторы развития цифровизации бизнес-процессов в деятельности фитнес-клубов, % от опрошенных

Сдерживающий фактор	Доля, %
Не могу оценить ROI ⁶	52
Не понимаю, с чего начать	25
Опасаясь сбоев и недовольства клиентов	15
Нет времени на управление проектом	8

Источник: составлено авторами.

др., т. е. появляется четкое осознание, что цифровой сервис перешел из разряда дополнительной опции в вещь, которую обязательно нужно иметь (табл. 5).

По результатам анализа открытых ответов респондентов о желаемых готовых цифровых решениях было получено следующее распределение (рис. 5).

Согласно результатам опроса, 35% респондентов хотят иметь готовый план внедрения «под ключ», что снижает возможные риски неудач. 30% опрошенных

отметили желание иметь финансовую модель для просчета рентабельности, для 20% существует необходимость интегрировать разные системы в рамках своего фитнес-клуба.

Таким образом, основным сдерживающим фактором цифровой трансформации организаций фитнес-индустрии является сложный комплекс финансовых угроз. К ним относятся высокие первоначальные затраты, неопределенность их окупаемости и расходы на те-

⁶ ROI (Return on Investment) – показатель, отражающий окупаемость инвестиций.

Таблица 5

Изменения клиентских ожиданий в отношении цифровых сервисов фитнес-клубов, % от опрошенных

Изменение ожиданий	Доля, %
Кардинально: ждут бесшовного онлайн-опыта	60
Значительно: цифра - конкурентное преимущество	35
Умеренно	5
Не изменились	0

Источник: составлено авторами.

Рис. 5. Желаемые цифровые решения для фитнес-клубов, % от опрошенных

кущую поддержку. Это создает высокий барьер для входа и вынуждает фитнес-клубы с осторожностью подходить к инвестициям. Ключевым препятствием является не столько нехватка средств, сколько невозможность эффективно прогнозировать доходность вложений. Кроме того, и технологическая инфраструктура многих клубов представляет собой серьезную проблему. Одной из актуальных проблем является постепенное внедрение новых решений в условиях нестабильной среды, что приводит к технической фрагментации и неэффективности. Ситуация усугубляется дефицитом персонала для реализации цифровых проектов, а также трудностями с сопротивлением персонала, вызванным страхом перемен и неготовностью команды адаптироваться к новым процессам. С точки зрения руководителей фитнес-клубов, рынок цифровых решений недостаточно развит, что создает дополнительные сложности – необходимость самостоятельного объединения и интеграции разрозненных инструментов, а это увеличивает риски и стоимость внедрения.

Пути преодоления барьеров цифрови-

зации бизнес-процессов в деятельности российских фитнес-клубов

Преодоление барьеров на пути цифровой трансформации фитнес-центров России, на наш взгляд, требует комплекса управленческих действий.

Во-первых, цифровые решения следует внедрять поэтапно. Например, сначала можно запустить онлайн-бронирование только для одной группы услуг, а не всего клуба сразу, что позволит снизить первоначальные затраты и оценить спрос.

Во-вторых, имеет смысл отдавать предпочтение решениям по модели ежемесячной подписки на то или иное программное обеспечение, а не разовой покупки лицензии. Это позволит фитнес-клубу распределить затраты, иметь актуальную версию программного продукта и снизить риски.

В-третьих, для решения технологических барьеров при выборе нового цифрового инструмента главным критерием должна быть его способность интегрироваться с текущей системой управления фитнес-клубом. Нужно выбирать платформы, которые выступают единым центром и уже имеют предустанов-

ленные интеграции с множеством других сервисов (платежи, рассылки, телеметрия оборудования).

В-четвертых, для преодоления сопротивления персонала нужно назначать ответственными при внедрении цифровых продуктов сотрудников, которые наиболее лояльны к изменениям и легко обучаемы. Снижение неопределенности от результата внедрения того или иного решения возможно путем запроса от поставщиков реальных кейсов в фитнес-клубах аналогичного масштаба.

В-пятых, полезно провести внутренний или внешний аудит цифровой зрелости фитнес-клуба. Это поможет определить, какие процессы цифровизировать в первую очередь, а какие – могут подождать.

Стратегической целью цифровизации, на наш взгляд, должно являться объединение всех разрозненных бизнес-процессов (бронирование, платежи, фитнес-трекеры, запись через приложение) в единую экосистему. Клиент должен получать единый сервис, а фитнес-клубы получать целостную картину о поведении своих посетителей.

Преодоление барьеров цифровизации требует смены парадигмы: от разрозненных точечных действий к выстраиванию целостной, клиентоцентричной цифровой стратегии. Успеха добиваются те игроки, которые смогут совместить прагматичный, пошаговый подход с долгосрочным видением своей фитнес-экосистемы и начнут рассматривать технологии не как статью расходов, а как инвестицию в клиентский опыт и операционное превосходство.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование выявило сложный комплекс взаимосвязанных барьеров, препятствующих цифровой трансформации в фитнес-индустрии России. Ключевыми препятствиями являются финансовые риски, включая высокие первоначальные инвестиции (78% респондентов), неопределенность окупаемости (72%) и постоянные расходы на поддержку. К технологическим проблемам относятся сложность интеграции новых систем с существующей ИТ-инфраструктурой (48%) и фрагментация рынка цифровых решений. Существенным препятствием остается человеческий фактор – сопротивление персонала изменениям (38%) и нехватка внутренних компетенций (41%).

Преодоление этих барьеров требует изменения в системе управления фитнес-клуба. Наиболее эффективные стратегии включают поэтапное внедрение цифровых решений, использование модели подписки для распределения затрат, приоритетное обеспечение интеграционной совместимости новых систем и проактивное управление изменениями. Стратегической целью должна быть интеграция разрозненных бизнес-процессов в единую клиентоориентированную экосистему. Успех цифровой трансформации будет зависеть от способности фитнес-центра сочетать прагматичный подход к внедрению технологий с долгосрочным видением развития, где цифровые инструменты улучшают, а не заменяют личное взаимодействие с клиентами.

Список источников/ References:

1. Акбашева, О. В., Уразбахтина, Н. И. Влияние цифровизации бизнес-процессов на финансовые результаты деятельности предприятия // *Modern Science*. 2023. № 5–2. С. 10–14. EDN: AXTIRY

Akbasheva, O. V., Urazbakhtina, N. I. (2023) The impact of business process digitalization on financial performance. *Modern Science*, no. 5–2, pp. 10–14. EDN: AXTIRY (in Russ.).

2. Блинова, Т. Н., Хакимов, Т. С. Оперативное управление фитнес-клубом // *Власть и управление на Востоке России*. 2024. № 3(108). С. 143–152. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-108-3-143-152 EDN: GSBSFN

Blinova, T. N., Khakimov, T. S. (2024) Operational management of a fitness club. *Power and Administration in the East of Russia*, 3(108), 143–152. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-108-3-143-152 EDN: GSBSFN (in Russ.).

3. Брикман, О. С., Смирнова Т. Ю., Калинина И. К. Цифровая трансформация

фитнес-индустрии в современных условиях // Приоритетные направления развития информационного общества. Тюмень, 2024. С. 418–426.

Brikman, O. S., Smirnova, T. Yu., Kalinina, I. K. (2024) Digital transformation of the fitness industry. In *Priority Directions of Information Society Development*, Tyumen Industrial University, pp. 418–426 (in Russ.).

4. Газизов, Р. Р. Автоматизация управления фитнес-клубом // XXV Туполевские чтения. Казань, 2021. Т. V. С. 140–142.

Gazizov, R. R. (2021). Automation of fitness club management. *XXV Tupolev Readings*, vol. 5, pp. 140–142 (in Russ.).

5. Куровский, В. П., Мишин, А. Н., Кадырова, Л. А. Особенности цифровизации в сфере фитнес-услуг // Управленческий учёт. 2025. № 4. С. 165–173. EDN: PDUZRC

Kurovsky, V. P., Mishin, D. A., Kadirova, L. M. (2025). Features of digitalization in the field of fitness services. *Management Accounting*, no. 4, pp. 165–173. EDN: PDUZRC (in Russ.).

6. Черкасова, Е. В., Слепушенко, М. Д. Влияние цифровизации бизнеса на финансовые показатели российских компаний // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25. № 2. С. 128–142. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-2-128-142 EDN: DFHRIY

Cherkasova, E. V., Slepushenko, M. D. (2021). The impact of business digitalization on the financial performance of Russian companies. *Finance: Theory and Practice*, no. 25 (2), pp. 128–142. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-2-128-142 EDN: DFHRIY (in Russ.).

7. Солнцев, И. В., Мещерякова, Т. С., Цыпкин, Ю. А. Применение инновационных цифровых продуктов в индустрии спорта // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2021. Т. 12. № 2. С. 184–189. DOI: 10.17747/2618-947X-2021-2-184-189 EDN: GFNYUI

Solntsev, I. V., Meshcheryakova, T. S., Tsyppkin, Yu. A. (2021). Application of innovative digital products in the sports industry. *Strategic Decisions and Risk Management*, no. 12 (2), pp. 184–189. DOI: 10.17747/2618-947X-2021-2-184-189 EDN: GFNYUI (in Russ.).

8. Kraus, S., Schiavone, F., Pluzhnikova, A., & Invernizzi, A. (2021). Digital transformation in service industries: A systematic review. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 123, pp. 557–567. DOI: 10.1016/j.jbusres.2020.10.030 EDN: BMKPKP

9. Ratten, V. (2020). Digital innovation in sport management. *International Journal of Sports Marketing and Sponsorship*.

10. Papadimitriou, D., Alexandris, K., et al. (2022). User expectations of digital services in fitness clubs. *Sport Management Review*.

Статья поступила в редакцию 30.10.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 03.12.2025.

The article was submitted 30.10.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 03.12.2025.

Информация об авторах

Т. Н. Блинова – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

Т. С. Хакимов – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

T. N. Blinova – Candidate of Economics, associate professor, the chair of Management and Public Administration, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern Institute of Management – branch of RANEPA;

T. S. Khakimov – Postgraduate student, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern Institute of Management – branch of RANEPA.

Научная статья
УДК 342.25
<https://elibrary.ru/MRNRPR>

Сравнительный анализ федеральных законов о местном самоуправлении на современном этапе развития России

Алефтина Владиславовна Шуляева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

Shulyaeva-av@ranepa.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу двух ключевых федеральных законов, регулирующих вопросы организации и функционирования местного самоуправления в современной России – Федерального закона от 06.10.2023 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (131-ФЗ) и Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (33-ФЗ). Оба документа играют центральную роль в обеспечении демократических основ управления на муниципальном уровне власти и защиты интересов населения. На основании краткого исторического экскурса показана эволюция институтов местного самоуправления в России и определено значение 131-ФЗ и 33-ФЗ в развитии местного самоуправления на современном этапе. Проведен сравнительный анализ 131-ФЗ и 33-ФЗ в части принципов организации местного самоуправления; видов муниципальных образований; полномочий органов местного самоуправления; основных положений законов. Сделан вывод о том, что 131-ФЗ и 33-ФЗ демонстрируют поступательное развитие российской правовой системы, ориентированной на удовлетворение потребностей населения и построение справедливых и надежных социальных отношений. Нововведения 33-ФЗ направлены на укрепление государственной целостности, обеспечение справедливого распределения ресурсов и создание благоприятных условий для устойчивого социально-экономического роста каждой территории России.

Ключевые слова: местное самоуправление, принципы организации местного самоуправления, виды муниципальных образований, полномочия органов местного самоуправления

Для цитирования: Шуляева, А. В. Сравнительный анализ федеральных законов о местном самоуправлении на современном этапе развития России // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 4 (113). С. 100–109. EDN: MRNRPR

Original article

Comparative Analysis of Federal Laws on Local Self-Government at the Current Stage of the Development of Russia

Aleftina V. Shulyaeva

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia
Shulyaeva-av@ranepa.ru

Abstract. *The article is devoted to the analysis of two key federal laws regulating the organization and functioning of local self-government in modern Russia: Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2023, “On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation” (131-FZ) and Federal Law No. 33-FZ of March 20, 2025, “On the General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority” (33-FZ). Both documents play a central role in ensuring democratic foundations for governance at the municipal level and protecting the interests of the population. A brief historical overview illustrates the evolution of local government institutions in Russia and identifies the significance of Federal Laws 131-FZ and 33-FZ in the development of local government today. A comparative analysis of Federal Laws 131-FZ and 33-FZ is provided in terms of the principles of local government organization, types of municipal entities, the powers of local government bodies, and the main provisions of the laws. It is concluded that Federal Laws 131-FZ and 33-FZ demonstrate the progressive development of the Russian legal system, focused on meeting the needs of the population and building fair and reliable social relations. The innovations of 33-FZ are aimed at strengthening state integrity, ensuring the equitable distribution of resources, and creating favorable conditions for sustainable socioeconomic growth in every territory of Russia.*

Keywords: *local self-government, principles of local self-government organization, types of municipalities, powers of local self-government bodies*

For citation: Shulyaeva A. V. (2025) Comparative Analysis of Federal Laws on Local Self-Government at the Current Stage of the Development of Russia. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 4 (113), pp. 100–109. EDN: MRNRPR

Введение

Местное самоуправление представляет собой важную форму реализации гражданских прав в России, имеющую глубокие исторические корни. Его развитие охватывает значительный временной промежуток, начиная с древнерусского периода и до современности.

Ранний этап развития: Новгородская республика и Московское царство

Одной из первых исторических форм общественного самоуправления была система веча в Новгородской республике XII–XV вв. Согласно историку С. М. Соловьёву [Соловьёв, 1874–1889], жители Новгорода имели возможность самостоя-

тельно выбирать своих представителей, тем самым реализуя элементы демократии задолго до появления аналогичных институтов в Западной Европе.

Следующий важный шаг произошёл во времена Московского царства XVI–XVII вв., когда появились земские соборы – органы, включавшие представителей разных сословий общества. Однако, несмотря на присутствие элементов выборности, реальное влияние таких органов было ограничено централизованной властью царя.

Реформы XIX века: земства и городская дума

Кардинальные изменения произошли

благодаря реформам императора Александра II в середине XIX века. Одной из ключевых мер стало учреждение земств – органов местного управления, наделенных полномочиями в сфере здравоохранения, образования, агрономии и экономики. Как подчеркивал В. О. Ключевский [Ключевский, 1908], эта реформа существенно расширила возможности гражданского участия в решении местных вопросов.

Однако существенным недостатком реформы являлось ограничение избирательного права имущественными цензами, что снижало доступность системы для широких масс населения.

XX век: советская модель и её последствия

Октябрьская революция 1917 г. привела к резкому изменению политической структуры России. Центральная роль в местном управлении перешла к Советам рабочих депутатов, однако они оказались жестко зависимыми от партийного руководства и утратили значительную долю самостоятельности. Этот процесс сопровождался усилением централизации власти, что привело к значительному снижению роли общественных инициатив на местах [Чихладзе, 2012]. Последствия этой модели проявились в 1990-х гг., когда, несмотря на намерения правительства России провести радикальные реформы в местном самоуправлении, муниципалитеты по-прежнему были лишены серьезной автономии. Это связано со следующими факторами – политическими возможностями унаследованных от позднесоветского периода и стратегических решений политических деятелей в постсоветский период [Гельман, 2002].

Современная ситуация: Конституция РФ и законодательные инициативы XXI века

Принятие Конституции Российской Федерации в декабре 1993 г. ознаменовало новый этап в развитии местного самоуправления. Конституция закрепила основополагающие принципы федерализма и разделения властных полномочий между

различными уровнями управления.

Рассматривая поэтапное становление российского института власти на местном уровне как одного из важнейших институтов общественных отношений, его фактическое развитие через анализ правовых документов, можно сделать вывод, что оно не совершенно и требует значительной корректировки [Кушнерова, 2021].

Важным этапом в развитии местного самоуправления в России в XXI в. стал федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» от 6 октября 2003 г. (далее – 131-ФЗ)¹, детально регламентировавший деятельность муниципальных образований и четко определивший их полномочия относительно региональных и федеральных структур.

Развитие территориальной организации местного самоуправления показало проблемы трансформации муниципальных образований при его реформировании в 2017–2019 гг. В этот промежуток времени вводятся новые виды муниципальных образований: городской округ с внутригородским делением, внутригородской район городского округа и муниципальный округ. Первые два вида муниципальных образований привели к увеличению расходов местного бюджета на содержание органов местного самоуправления [Чихладзе, Ганина, 2022].

В ходе конституционной реформы в 2020 г. выявились проблемы и перспективы развития территориальной организации местного самоуправления. Главная проблема заключалась в том, что преобразование муниципальных районов в муниципальные округа могло вызвать недовольство среди жителей поселений, особенно в субъектах РФ с низкой плотностью населения и неразвитой транспортной инфраструктурой, так как это может привести к удаленности органов местного самоуправления и дополнительным финансовым расходам. В результате жители таких территорий могут оказаться в неравных условиях по сравнению с жителями муниципальных образований

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/f0cefce0e845309261e82ed31a42579f64eebbfc/

с высокой плотностью населения. В то же время, вводя органы местного самоуправления в единую систему публичной власти, открываются перспективы развития механизмов управления территориями муниципальных образований [Винник, 2022].

Следует отметить, что развитие института местного самоуправления в России представляет собой проблему, которая на протяжении десятилетий привлекает внимание исследователей в области муниципальной науки, начиная с момента его возникновения. Это подчеркивает актуальность и значимость совершенствования законодательной базы для обеспечения эффективного функционирования и дальнейшего развития института местного самоуправления в России [Грэм Гилл, 2008].

В 2023 г. исполнилось два десятилетия со дня принятия закона 131-ФЗ, который лег в основу современной реформы местного самоуправления в России. В контексте конституционной реформы 2020 г. был разработан новый законопроект «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Однако этот законопроект требовал значительной доработки, на что и было указано депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Выдрин, 2023]. К обсуждению доработанного проекта Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», взамен действующего Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», вернулись в 2025 г., что по сути ознаменовало новый этап муниципальной реформы в современной России. При этом экспертным сообществом данная инициатива была воспринята весьма неоднозначно. Больше всего разногласий вызвал переход на одноуровневую систему местного самоуправления, в частности ввиду недостаточного пони-

мания организационных механизмов его реализации [Павлюченко, 2025].

За время действия закона 131-ФЗ от 2003 г. современное общество и экономика претерпели значительные изменения, вызвавшие потребность в обновлении законодательного регулирования. С целью дальнейшего улучшения функционирования муниципальных структур посредством инновационного подхода к территориальному управлению и повышению качества жизни населения был разработан и введен в действие Федеральный закон № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – 33-ФЗ)². Этот закон позволил расширить сферу ответственности местных органов власти, способствуя укреплению связей между государством и гражданами на уровне территориальных сообществ, значительно увеличил уровень финансовой независимости муниципалитетов и предоставил им новые инструменты для решения задач в области культуры, социального обслуживания.

Результаты исследования

В рамках настоящей статьи анализ федеральных законов о местном самоуправлении на современном этапе развития России проведен путем сравнения принципов организации местного самоуправления; видов муниципальных образований; полномочий органов местного самоуправления; основных положений указанных выше законов.

Федеральный закон № 131-ФЗ установил общие принципы организации местного самоуправления в Российской Федерации, определив структуру и полномочия муниципальных образований. Этот закон стал основой для реализации конституционного права граждан на местное самоуправление и закрепил следующие важные положения:

установлена двухуровневая система местного самоуправления: поселения (городские и сельские) и муниципальные районы;

² Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» / URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/fb3f68c9a2715b2af7ce79fdf818e74a95a2c182/

определены вопросы местного значения, включая благоустройство территории, организацию водоснабжения, содержание дорог и обеспечение социальной защиты населения и др.;

закреплены формы прямого участия граждан в местном самоуправлении, такие как местные референдумы, муниципальные выборы, сходы граждан, собрания граждан, правотворческая инициатива граждан, инициативные проекты, территориальное общественное самоуправление, публичные слушания, общественные обсуждения и т. д.

Новый закон 2025 г. 33-ФЗ направлен на устранение финансового неравенства между муниципальными образованиями, предоставление равных возможностей всем гражданам и повышение прозрачности взаимодействий между органами власти и обществом. Эти меры способствуют формированию эффективного механизма реализации прав и свобод граждан, укреплению социальной справедливости и устойчивого социально-экономического развития территории.

Благодаря принятым изменениям, органы местного самоуправления смогут эффективнее выполнять возложенные на них задачи, улучшая качество предоставляемых услуг и повышая уровень доверия населения власти.

По мнению автора, принципы организации местного самоуправления играют одну из ключевых ролей в обеспечении эффективного функционирования органов власти на местах. Они определяют полномочия, структуру и порядок взаимодействия муниципальных образований с другими уровнями государственной власти (табл. 1).

Сравнение принципиальных подходов к организации местного самоуправления в России на современном этапе по материалам двух исследуемых в настоящей статье федеральных законов свидетельствует о том, что 33-ФЗ ориентирован на совершенствование механизмов взаимодействия различных уровней государственной власти, увеличение степени открытости управленческих процессов, обеспечение эффективного использова-

Таблица 1

**Принципы организации местного самоуправления:
сравнение Федерального закона № 131-ФЗ от 06 октября 2003 г.
и Федерального закона № 33-ФЗ от 20 марта 2025 г.**

Принципы	Федеральный закон № 131-ФЗ (2003 г.)	Федеральный закон № 33-ФЗ (2025 г.)
Самостоятельность	Автономные решения органов местного самоуправления	Интеграция в единую систему публичной власти
Гарантии самостоятельности	Государственная защита права участия граждан	Усиленный контроль со стороны федеральных органов власти
Ответственность перед населением	Передача ответственности непосредственно жителям	Установление механизма оценки результативности
Полномочия органов власти	Широкий спектр полномочий, включая социальные услуги	Четкое распределение функций и полномочий
Финансовое обеспечение	Собственные бюджетные средства + дотации и субвенции	Целевые субсидии и гранты
Открытая отчетность	Обязательная публичная отчетность	Обеспечение открытости и доступности всей необходимой информации
Координация управления	Отсутствует единый координационный центр	Создание единой структуры координации всех уровней власти
Оценка результатов	Отсутствие четкого механизма оценки	Введение обязательных процедур оценки результата работы

Источник: составлено автором.

ния имеющихся ресурсов и достижение большей справедливости в распределении благ среди граждан. Основная цель нововведений заключается в укреплении основ демократии на уровне местного самоуправления, повышении уровня общественного доверия к государственным институтам и формировании благоприятных условий для улучшения повседневного благополучия каждого жителя страны. Благодаря внедрению обновленных норм, станет возможным достичь значительного прогресса в создании надежной и прозрачной модели функционирования органов местной власти, направленной на укрепление взаимного доверия между обществом и государством.

Федеральный закон № 131-ФЗ от 06 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» заложил основы современного муниципального устройства страны. Он определил виды муниципальных образований как самостоятельные территориальные единицы, обладающие собственными полномочиями и ответственностью перед гражданами.

Основные виды муниципальных образований, установленные 131-ФЗ: городские округа; муниципальные районы; поселения (городские и сельские); городские округа с внутригородским делением; внутригородские районы городского округа; муниципальные округа; внутригородские территории городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя. Закон предусматривал четкое разграничение полномочий между различными уровнями власти и органами местного самоуправления, обеспечивая баланс интересов различных территорий.

Основные виды муниципальных образований, установленные законом 2025 г.: городские округа; муниципальные округа; внутригородское муниципальное образование города федерального значения.

Ключевые изменения, предусмотренные в рамках реформирования видов муниципальных образований в России в соответствии с 33-ФЗ, заключаются в

следующем:

1) повышение роли городских округов. Реформой предусматривается расширение полномочий городских округов, они получают возможность инициировать крупные инфраструктурные проекты и привлекать инвестиции;

2) важнейшим аспектом реформы является реорганизация административно-территориального деления сельских территорий. Согласно нововведениям, небольшие населенные пункты объединяются в единые территориальные комплексы, что позволяет существенно снизить административные расходы и повысить эффективность ведения муниципального хозяйства;

3) формирование новой модели городского администрирования. Внутригородские территории городов федерального значения реализуют комплекс мер по реформированию административного аппарата, направленных на эффективное использование финансовых средств и обеспечение прозрачности управленческих процедур. Новая структура организации власти способствует совершенствованию финансовой дисциплины и внедрению передовых методов стратегического планирования.

Таким образом, 33-ФЗ стал важным шагом на пути модернизации муниципального устройства и создания условий для устойчивого социально-экономического роста муниципальных образований.

Принятый новый закон о местном самоуправлении 33-ФЗ направлен на формирование современной, динамичной и прозрачной модели муниципального управления, способствующей устойчивому социально-экономическому росту территории муниципального образования и повышению уровня благосостояния граждан. Этот подход нашел отражение не только в полномочиях органов местного самоуправления (табл. 2) но и в самой формулировке полномочий: если в 131-ФЗ они обозначены как «вопросы местного значения», то в 33-ФЗ – «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения».

Основные направления деятельно-

Таблица 2

**Полномочия органов местного самоуправления:
сравнение Федерального закона № 131-ФЗ от 06 октября 2003 г.
и Федерального закона № 33-ФЗ от 20 марта 2025 г.**

Категория полномочий	Федеральный закон № 131-ФЗ (2003 г.)	Федеральный закон № 33-ФЗ (2025 г.)
Формирование бюджета	Определение доходов и расходов, утверждение бюджета, контроль исполнения	Без изменений
Управление муниципальным имуществом	Распоряжение имуществом муниципального образования (приватизация, аренда и др.)	Без изменений
Организация жилищно-коммунального хозяйства	Обеспечение населения коммунальными услугами (водоснабжение, отопление, газификация, освещение и проч.)	Данные полномочия законом субъекта РФ могут быть переданы на уровень субъекта РФ
Образование и культура	Управление школами, библиотеками, музеями и другими учреждениями культуры	Поддержка социальных инициатив, включая проекты в сфере культуры и туризма. Добавлены мероприятия по развитию малого и среднего предпринимательства, поддержке социального бизнеса и улучшению туристической инфраструктуры
Охрана здоровья граждан	Создание условий для оказания медицинской помощи населению на территории муниципального образования	Участие в осуществлении охраны здоровья граждан на территории муниципального образования, включая обеспечение доступности медицинской помощи, в том числе в создании условий для оказания медицинской помощи населению

Источник: составлено автором.

сти органов местного самоуправления остаются прежними, однако некоторые аспекты были скорректированы федеральным законодательством. Изменения коснулись вопросов регулирования тарифов, контроля качества коммунальных услуг, поддержки социальной сферы и развития экономики муниципальных образований. Эти и многие другие направления деятельности, по решению органов государственной власти субъекта РФ, могут быть переданы законом субъекта РФ исполнительным органам субъекта РФ.

Информация, представленная в таблице 3, наглядно свидетельствует о том, что принятый в 2025 г. 33-ФЗ существенно изменяет подход к организации местного самоуправления, интегрируя его в

единую систему публичной власти.

Заключение

Местное самоуправление в России, продолжая свой эволюционный путь, приобретает стратегически важное значение, поскольку именно на уровне муниципалитетов решаются наиболее актуальные проблемы граждан. Эффективные институты местной власти способствуют созданию стабильного правового поля, которое обеспечивает права и свободы каждой отдельной личности.

Принятые законы 131-ФЗ (2003 г.) и 33-ФЗ (2025 г.) являются важным этапом развития институтов местного самоуправления в России, открывая перспективы для дальнейшего укрепления гражданского общества и эффективного

Таблица 3

Сравнение основных положений Федерального закона № 131-ФЗ от 06 октября 2003 г. и Федерального закона № 33-ФЗ от 20 марта 2025 г.

Параметр сравнения	Федеральный закон № 131-ФЗ (2003 г.)	Федеральный закон № 33-ФЗ (2025 г.)
Основная цель	Установление общих принципов организации местного самоуправления в Российской Федерации	Создание единой системы публичной власти, включающей местное самоуправление, и определение его места в этой системе
Структура	Включает общие положения, вопросы организации местного самоуправления, полномочия органов местного самоуправления и контроль за их деятельностью	Включает положения о единой системе публичной власти, месте местного самоуправления в этой системе, его полномочиях и взаимодействии с другими уровнями власти
Полномочия	Полномочия органов местного самоуправления определены в рамках их компетенции и не зависят от полномочий других уровней власти	Полномочия органов местного самоуправления определены в рамках единой системы публичной власти и могут быть изменены в зависимости от решений федеральных и региональных органов власти
Финансовое обеспечение	Финансовое обеспечение местного самоуправления осуществляется за счет собственных доходов и субвенций из федерального и региональных бюджетов	Финансовое обеспечение местного самоуправления осуществляется в рамках единой системы публичной власти, с возможностью перераспределения средств между уровнями власти
Участие в федеральных программах	Органы местного самоуправления могут участвовать в федеральных программах на добровольной основе	Обязательное участие органов местного самоуправления в федеральных программах, направленных на развитие территорий
Контроль и надзор	Контроль за деятельностью органов местного самоуправления осуществляется органами государственной власти субъектов Российской Федерации	Контроль за деятельностью органов местного самоуправления осуществляется в рамках единой системы публичной власти с участием федеральных и региональных органов власти
Формирование органов местного самоуправления	Формирование органов местного самоуправления осуществляется на основе выборов	Введение механизма формирования органов местного самоуправления с участием представителей единой системы публичной власти
Ответственность	Ответственность органов местного самоуправления установлена за нарушение законодательства Российской Федерации и субъектов Российской Федерации	Ответственность органов местного самоуправления установлена за нарушение законодательства Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и единой системы публичной власти

Источник: составлено автором.

управления территорией. 131-ФЗ и 33-ФЗ демонстрируют поступательное развитие российской правовой системы, ориентированной на удовлетворение потребностей населения и построение справедливых и надежных социальных отношений.

Нововведения 2025 г. направлены на укрепление государственной целостности, обеспечение справедливого распределения ресурсов и создание бла-

гоприятных условий для устойчивого социально-экономического роста каждой территории России. Для реализации этих нововведений важно продолжить последовательное обновление нормативной правовой базы на всех уровнях управления, обеспечить внедрение современных технологий управления, механизмов эффективного мониторинга исполнения полномочий органов местного самоуправления.

Список источников:

1. Ключевский, В. О. Курс русской истории / сочинение проф. Ключевского. – издание 3-е. – Москва : типография Г. Лиснера и Д. Совко, 1908 г.
2. Чихладзе, Л. Т. «Советская» модель организации местного самоуправления // Вестник московского университета МВД России, 10/2012. С. 54–59. EDN: PХKORP
3. Чихладзе, Л. Т., Ганина, О. Ю. Актуальные вопросы преобразования муниципальных образований в Российской Федерации // Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в Российской Федерации и зарубежных странах : сборник материалов Всероссийской конференции с международным участием. Москва, РУДН, 25–29 апреля 2022 г. С. 11–17. EDN: FPKAGO
4. Винник, Н. В. Перспективы развития территориальной организации местного самоуправления // Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в Российской Федерации и зарубежных странах : сборник материалов Всероссийской конференции с международным участием. Москва, РУДН, 25–29 апреля 2022 г. С. 110–116. EDN: RCAJIN
5. Гаджиев, А. Ш., Гаджидадаева М. С. Перспективы развития местного самоуправления в Российской Федерации // Закон и право. 2024. № 8. С. 52–56. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-8-52-56 EDN: MMOQQK
6. Выдрин, О. В. Законотворческие аспекты российской реформы местного самоуправления (2003–2022) // Политическая наука. № 1 (2023). С. 246–269. DOI: 10.31249/poln/2023.01.11 EDN: AYHPLB
7. Кушнерова, О. Н. Институт местного самоуправления: возникновение и развитие в современных условиях // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 3 (96). С. 134–145. DOI 10.22394/1818-4049-2021-96-3-134-145. DOI: 10.22394/1818-4049-2021-96-3-134-145 EDN: MOTXXN
8. Павлюченко, В. К. Реформа местного самоуправления: некоторые возможности и ограничения // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 1. С. 46–51. DOI: 10.24158/per.2025.1.5 EDN: XFLXMY
9. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен / соч. Сергея Соловьева. – Изд. 5-е. – Москва : В Унив. Тип (Катков и К), 1874–1889. URL: <https://www.spsl.nsc.ru/history/solov/main/solv01p1.htm>
10. Graeme Gill *Bourgeoisie, State and Democracy: Russia, Britain, France, Germany, and the USA*, 2008. URL <https://books.google.ru/books?id=THhY4P5v9d0C&hl=ru>
11. Vladimir Gel'man *The Politics of Local Government in Russia: The Neglected Side Of The Story*. – Routledge, 2002.

References:

1. Klyuchevsky, V. O. (1908) *Course in Russian History* / work of prof. Klyuchevsky. 3rd ed. Moscow: printing house of G. Lissner and D. URL: <https://www.prlib.ru/item/342002> (in Russ.).
2. Chikhladze, L. T. (2012) «Soviet» Model of Local Self-Government Organization.

Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, no. 10, pp. 54–59 EDN: P XKORP (in Russ.).

3. Chikhladze, L. T., Ganina O. Yu. (2022) Current issues of transformation of municipalities in the Russian Federation in Problems and prospects for the development of local self-government in the Russian Federation and foreign countries: collection of materials from the All-Russian conference with international participation. Moscow, RUDN University, April 25–29, pp. 11–17 EDN: FPKAGO (in Russ.).

4. Vinnik, N. V. (2022) Prospects for the Development of the Territorial Organization of Local Self-Government in Problems and Prospects for the Development of Local Self-Government in the Russian Federation and Foreign Countries: Collection of Materials from the All-Russian Conference with International Participation. Moscow, RUDN, April 25–29, pp. 110–116 EDN: RCAJIH (in Russ.).

5. Gadzhiev, A. Sh., Gadzhidadaeva M. S. (2024) Prospects for the development of local self-government in the Russian Federation. *Law and Right*, no. 8, pp. 52–56 DOI: 10.24412/2073-3313-2024-8-52-56 EDN: MMOQQK (in Russ.).

6. Vydrin, O. V. (2023) Legislative aspects of the Russian reform of local self-government (2003–2022). *Political Science*, no. 1, pp. 246–269 DOI: 10.31249/poln/2023.01.11 EDN: AYHPLB (in Russ.).

7. Kushnerova O. N. (2021) Institute of the local self-government: emergence and development in the modern conditions. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (96), pp. 134–145. DOI 10.22394/1818-4049-2021-96-3-134-145 EDN: MOTXXN (in Russ.).

8. Pavlyuchenko, V. K. (2025) Local government reform: some opportunities and limitations. *Society: politics, economics, law*, no. 1, pp. 46–51. DOI: 10.24158/pep.2025.1.5 EDN: XFLXMY (in Russ.).

9. Solovyov, S. M. (1874–1889) The history of Russia since ancient times / op. Sergei Solovyov. 5th ed. – Moscow : In Univ. Type (Skating Rinks and K).. URL: <https://www.spsl.nsc.ru/history/solov/main/solv01p1.htm> (in Russ.).

10. Graeme Gill (2008) *Bourgeoisie, State and Democracy: Russia, Britain, France, Germany, and the USA*. URL <https://books.google.ru/books?id=THhY4P5v9d0C&hl=ru>

11. Vladimir Gel'man (2002) *The Politics of Local Government in Russia: The Neglected Side Of The Story*. – Routledge. URL https://eusp.org/sites/default/files/archive/pss_dep/gelman_The_Politics_of_Local_Government_in_Russia.pdf

Статья поступила в редакцию 01.10.2025; одобрена после рецензирования 10.11.2025; принята к публикации 12.11.2025.

The article was submitted 01.10.2025; approved after reviewing 10.11.2025; accepted for publication 12.11.2025.

Информация об авторе

А. В. Шуляева – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

A. V. Shulyaeva – Candidate of Sociology sciences, Associate Professor, Associate Professor in the Department of Management and Public Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Far-Eastern Institute of Management – branch of RANEPА.

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 330.322:303.1(571.6)

<https://elibrary.ru/RASMFY>

Влияние контрольной нагрузки на инвестиционную активность предпринимателей Дальневосточного федерального округа: результаты опроса бизнес-сообщества

Денис Викторович Андреев¹, Михаил Михайлович Потанин²,
Андрей Анатольевич Хоменко³

¹ Инвестиционный уполномоченный в Дальневосточном федеральном округе, Владивосток, Россия

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

³ НО «Фонд развития социальных инициатив», Владивосток, Россия

¹ invest@dfo.gov.ru

² potanin-mm@ranepa.ru.

³ ronin_040@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты проведенного в четвертом квартале 2025 г. опроса более 1,5 тыс. предпринимателей из 11 субъектов Российской Федерации Дальневосточного федерального округа. Респондентами в основном выступали индивидуальные предприниматели (58,4%), относящиеся к микробизнесу (56,8%), 80% участников опроса – собственники бизнеса, при этом большая их часть осуществляют предпринимательскую деятельность более 10 лет (39,7%). Проведенный опрос позволил сделать вывод, что несмотря на то, что контрольная деятельность не является основным фактором сокращения инвестиций, тем не менее фиксируется значимость контрольных мероприятий для инвестиционного поведения бизнеса. Так, более 44% опрошенных выступали в рассматриваемый период объектом проверок со стороны органов контроля, в основном налоговых органов. Более трети предпринимателей заявили о наличии финансовых последствий в виде штрафов и косвенных затрат, обусловленных проведением проверок. Опрос показал также, что треть предпринимателей Дальнего Востока могут являться источником дополнительного инвестиционного роста при условии реализации мер дерегулирования в части сокращения количества проверок. Полученные результаты обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования механизмов дерегулирования, в том числе ограничение продолжительности и количества контрольных мероприятий в отношении предпринимателя в течение года, расширение практики замены штрафов предупреждениями, недопущение приостановки хозяйственной деятельности при проведении проверок, определения точек административного напряжения и управленческого воздействия на них.

Ключевые слова: инвестиционное развитие, управление инвестиционным поведением, административное давление, контрольно-надзорная деятельность, Дальний Восток

Для цитирования: Андреев, Д. В., Потанин, М. М., Хоменко, А. А. Влияние контрольной нагрузки на инвестиционную активность предпринимателей Дальневосточного федерального округа: результаты опроса бизнес-сообщества // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 4 (113). С. 110–121. EDN: RASMFY

Original article

The Impact of the Control Workload on the Investment Activity of Entrepreneurs in the Far Eastern Federal District: the Business Survey Results

Denis V. Andreev¹, Mikhail M. Potanin², Andrey A. Khomenko

¹ Investment Commissioner in the Far-Eastern Federal District, Vladivostok, Russia

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА, Khabarovsk, Russia

³ The NGO «Fund for the Development of Social Initiatives», Vladivostok, Russia

¹ invest@dfo.gov.ru

² potanin-mm@ranepa.ru.

³ ronin_040@mail.ru

Abstract. *The article presents the results of a survey of more than 1.5 thousand entrepreneurs from 11 subjects of the Russian Federation in the Far Eastern Federal District conducted in the fourth quarter of 2025. The respondents were mainly individual entrepreneurs (58,4%) those related to microbusiness (56,8%), 80% of the survey participants are business owners and most of them have been engaged in entrepreneurial activity for more than 10 years (39,7%). The survey allowed us to conclude that despite the fact that control activities are not the main factor in reducing investment, we can still state the importance of control measures for business investment behavior. Thus, during the considered period, more than 44% of the respondents were subject to inspections by regulatory authorities, mainly tax authorities. More than a third of entrepreneurs stated that there were financial consequences in the form of fines and indirect costs due to inspections. The survey also showed that a third of entrepreneurs in the Far East can be a source of additional investment growth if deregulation measures are implemented to reduce the number of inspections. The obtained results necessitate further improvement of deregulation mechanisms, including limiting the duration and number of control measures towards an entrepreneur during the year, expanding the practice of replacing fines with warnings, preventing the suspension of business activities during inspections, identifying points of administrative tensions and management impact on dealing with them.*

Keywords: *investment development, investment behavior management, administrative pressure, control and supervisory activity, the Far East*

For citation: Andreev, D. V., Potanin, M. M., Khomenko, A. A. (2025) The Impact of the Control Workload on the Investment Activity of Entrepreneurs in the Far Eastern Federal District: the Business Survey Results. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 4 (113), pp. 110–121. EDN: RASMFY

Введение

Авторы продолжительное время, в том числе на площадке инвестиционно-уполномоченного в Дальневосточном федеральном округе (далее – ДФО), занимаются исследованием вопросов управления инвестиционным развитием региона, административного давления на бизнес, его инвестиционного поведения.

В фокусе внимания у исследователей, как правило, находятся прикладные вопросы, в том числе динамика контрольных мероприятий [Андреев, 2025а; Маликов, Гришин, 2013; Южаков, Добролюбова, Покида, Зыбуновская, 2020], их структура и ведомственная принадлежность проверок [Андреев, Потанин, 2024; Плаксин, Семенов, 2015], локализация административного давления [Алехнович, Анучин, 2021; Андреев, 2025а], гармонизация взаимоотношений бизнеса и органов контроля [Аузан, Крючкова, 2001], проблема дерегулирования [Андреев, 2025б; Андреев, Потанин, 2024] и др.

В то же время для многих экспертов в данной сфере очевиден круг существующих нерешенных теоретических задач, препятствующих повышению эффективности прикладных исследований. К настоящему времени можно с уверенностью констатировать, что несмотря на большое внимание к данному направлению сферы государственного управления, единых теоретических подходов к пониманию влияния административного давления на инвестиционное развитие в научной литературе не выработано, что отчасти объясняется ведомственной закрытостью и статистическими ограничениями.

В научном плане существует ряд нерешенных вопросов, обуславливающих невозможность в отдельных случаях постановки управленческой задачи. К их числу можно отнести определение понятия «административное давление», его составных частей; определение связи количества контрольных мероприятий и уровня административного давления; допустимые значения уровня административной нагрузки, методы оценки локализации административного давления в территориальном и ведомственном разрезе; формализованные методы оценки

влияния административного давления, контрольных мероприятий на инвестиционную привлекательность регионов, деловой климат, инвестиционные намерения предпринимателей.

В данной работе авторы акцентировали внимание на вопросах установления связи контрольных мероприятий и инвестиционных намерений бизнеса с учетом возникающих затрат и управленческих рисков на примере Дальневосточного федерального округа.

В чем состоит важность вопроса? Согласно данным Единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий, в период 2021–2023 гг. в субъектах Российской Федерации Дальневосточного федерального округа отмечалось устойчивое снижение количества проверочных мероприятий на фоне роста количества профилактических действий. Однако с 2024 г. ситуация в контрольно-надзорной сфере резко изменилась: количество проверок в округе показало рост (+13% к 2023 г.). В 2025 г. тенденция закрепилась: по итогам первого полугодия к аналогичному периоду прошлого года отмечен еще более значимый прирост проверок (+53%). Наряду с этим, с 2024 г. отмечается снижение темпов прироста инвестиций в основной капитал, которые с 2024 г. имеют значения ниже среднероссийских (2024 г.: ДФО – 105,9%, РФ – 107,4%; 6 месяцев 2025 г.: ДФО – 104,0%, РФ – 104,3%). В этой связи важно понимать степень взаимозависимости указанных показателей.

В рамках новой модели управления инвестиционным развитием Дальневосточного федерального округа с 2015 г. реализуется ряд инициатив по ограничению административного давления в части проведения проверочных мероприятий в отношении субъектов предпринимательства в рамках политики так называемого «дерегулирования». Наиболее значимой мерой в рамках данных мероприятий выступает мораторий на проведение плановых контрольных (надзорных) мероприятий и проверок в отношении резидентов территорий опережающего развития и свободного порта Владивосток на весь срок их создания, что закреплено в поста-

новлении Правительства Российской Федерации от 29.05.2024 № 698 «Об особенностях осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля на территориях опережающего развития и на территории свободного порта Владивосток».¹

Установленные ограничения, конечно, имеют высокую оценку со стороны предпринимателей, что подтверждается проведенным ранее исследованием [Андреев, 2025б]. Приток инвестиций в преференциальные режимы в указанный период не ослаб. При этом указанная дерегулирующая мера касается только примерно 1% предпринимателей (около 3,5 тыс. резидентов), имеющих соответствующий статус, остальные более 330 тыс. субъектов предпринимательства, действующие в стандартном правовом поле, лишены позитивного воздействия со стороны указанного механизма дерегулирования и, по мнению авторов, нуждаются в мерах дополнительного административного содействия.

В соответствии с многочисленными исследованиями можно отметить, что проверки со стороны органов контроля влияют на деловой климат, инвестиционную активность, возникновение дополнительных затрат, однако для определения степени такого влияния требуется соответствующая доказательная база. На это и ориентирована данная статья.

Конечно, при взаимодействии с предпринимательским сообществом, включая представителей общественных объединений бизнеса в субъектах Российской Федерации Дальневосточного федерального округа, авторы неоднократно сталкивались с мнением о высокой нагрузке на бизнес со стороны органов контроля при проведении проверок, влиянии проверок как на инвестиционное поведение, так и уровень прямых и косвенных затрат при проведении контрольных мероприятий. В этой связи в данном исследовании авторами предпринята попытка проверить гипотезу о том, что проверочные меро-

приятия со стороны органов контроля обуславливают дополнительные значимые издержки для бизнеса и создают определенные ограничения для инвестиционного развития Дальнего Востока.

В рамках данной гипотезы предполагается проанализировать связь проверочных мероприятий со стороны органов контроля, с одной стороны, и инвестиционных намерений бизнеса, его издержек, обусловленных необходимостью взаимодействия с органами контроля, с другой.

Материалы и методы

Для проведения исследования авторами применены такие методы анализа, как анкетирование, структурный и факторный анализ, нормативный и сравнительный анализ, обобщение, изучение взаимосвязей и ряд других.

В качестве методики сбора данных было осуществлено анкетирование предпринимателей через онлайн-форму опроса. В качестве дополнительного инструментария произведен анализ данных Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства Федеральной налоговой службы (далее – ФНС) России, ФГИС «Единый реестр проверок» и ФГИС «Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий», научных публикаций ученых и экспертов.

В условиях недостаточного развития формализованных подходов к оценке взаимосвязи количества контрольных мероприятий и инвестиционного поведения предпринимателей [Маликов, Гришин, 2013; Мухаметова, 2014] в исследованиях преобладает социологический инструментарий. Социологические опросы являются устоявшимся инструментом анализа влияния контрольной и иной административной нагрузки на бизнес, в том числе его инвестиционную активность.

Данный подход (как основной или дополнительный) используется в научных публикациях многих авторов [Добролюбова, Зыбуновская, Покида, Южачков, 2017; Плаксин, Семенов, 2015; Со-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 29.05.2024 № 698 «Об особенностях осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля на территориях опережающего развития и на территории свободного порта Владивосток». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405290059>.

лодилова, Гибадуллин, Маликов, Гришин, 2016; Солодилова, Маликов, Гришин, 2016; Южаков, Добролюбова, Покида, Зыбуновская, 2020], а также в федеральных рейтингах, опросах и оценках института уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей² и т. д.

Результаты и обсуждение

Для решения поставленной задачи авторами в четвертом квартале 2025 г. проведено анкетирование представителей бизнеса Дальневосточного федерального округа. В качестве методики сбора данных было осуществлено анкетирование предпринимателей через онлайн-форму опроса с использованием сервисов Yandex.³

Для проведения опроса были сформулированы плановые показатели (табл. 1).

Целевой группой респондентов были определены: предприниматели в субъектах Российской Федерации Дальневосточного федерального округа, за исключением резидентов преференциальных режимов.

Респондентам предлагалось ответить на 18 вопросов (включая 7 идентификационных и 11 содержательных) по теме влияния контрольных проверок на инвестиционную и предпринимательскую деятельность:

1) Были ли в 2024 г. и 2025 г. намерения у Вашей организации относительно инвестиционных вложений (в целях модернизации или расширения бизнеса, реализации нового проекта и т. д.)?

2) Если у Вашей организации были инвестиционные намерения, то каков был планируемый объем инвестиций?

3) Проводились ли в отношении Вашей организации в 2024 г. и 2025 г. проверки или иные контрольно-надзорные мероприятия?

4) Укажите, пожалуйста, какие контрольно-надзорные органы проводили в отношении Вашей организации проверки или иные контрольно-надзорные мероприятия в 2024 г. и 2025 г.?

5) Укажите, пожалуйста, длительность проведения проверок или иных контрольно-надзорных мероприятий, которые проводились в отношении Вашей организации?

6) Применялись ли к Вашей организации санкции по итогам проведения проверок или иных контрольно-надзорных мероприятий?

7) В случае проведения в отношении Вашей организации проверок или иных контрольно-надзорных мероприятий, укажите общую сумму взысканных с Вашей организации штрафов?

8) В случае проведения в отношении Вашей организации проверок или иных контрольно-надзорных мероприятий, укажите общую сумму понесенных издержек (затрат, включая расходы на оплату юридических услуг, приобретение необходимого оборудования и материалов для устранения претензий со стороны контрольно-надзорных органов, потеря выручки от вынужденного простоя)?

9) Что оказало наибольшее влияние на изменение инвестиционных намерений Вашей организации (отказ от инвестиций, приостановка реализации инвестиционного проекта, изменений масштаба инвестиций)?

10) Если на реализацию инвестиционных намерений оказало наибольшее влияние проведение в отношении Вашей организации проверок или иных контрольно-надзорных мероприятий, укажите каким образом отразилось это влияние?

11) В случае, если бы Вы знали, что в ближайшие 3 года в отношении Вашей организации не будут проводиться проверки или иные контрольно-надзорные мероприятия, как это повлияло бы на инвестиционное намерение Вашей организации?

Ответы на вопросы были сведены в общую таблицу для последующего анализа и доступны по ссылке: https://disk.yandex.ru/d/mWu_7qNpTUH1XQ.

В опросе приняли участие 1 538 субъектов предпринимательства из 11 субъ-

² Доклад Президенту Российской Федерации уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей за 2023 год. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2023.html (дата обращения: 01.07.2025)

³ Подробнее доступно по ссылке: https://disk.yandex.ru/d/mWu_7qNpTUH1XQ

Таблица 1

Плановые показатели опроса предпринимателей о влиянии контрольно-надзорной деятельности на реализацию инвестиционных намерений в регионах Дальневосточного федерального округа

№ п/п	Наименование субъекта	Количество МСП, зарегистрированных на территории субъекта (по состоянию на ноябрь 2025 г.)			Доля МСП по отношению к субъектам округа (%)	Доля предприятий из общего числа субъектов предпринимательства в регионе (%)			Установленный плановый показатель качества участия МСП для опроса	Установленный плановый показатель доли предпринимателей МСП, участвующих в опросе (количество)		
		Всего	Микро	Малые		Средние	Микро	Малые		Средние	Микро	Малые
1	Республика Бурятия	33 578	32 689	847	10%	97%	3%	0,1%	100	90	5	5
2	Республика Саха (Якутия)	44 934	43 826	1 055	13%	98%	2%	0,1%	140	120	10	10
3	Забайкальский край	30 904	29 987	860	9%	97%	3%	0,2%	90	80	5	5
4	Камчатский край	15 498	14 936	509	5%	96%	3%	0,3%	50	40	5	5
5	Приморский край	91 373	87 674	3 374	27%	96%	4%	0,4%	270	240	15	15
6	Хабаровский край	53 359	51 311	1 916	16%	96%	4%	0,2%	145	125	10	10
7	Амурская область	29 376	28 248	1 044	9%	96%	4%	0,3%	95	75	10	10
8	Магаданская область	6 823	6 501	293	2%	95%	4%	0,4%	20	10	5	5
9	Сахалинская область	23 462	22 496	889	7%	96%	4%	0,3%	60	50	5	5
10	Еврейская авт. область	3 859	3 748	105	1%	97%	3%	0,2%	20	10	5	5
11	Чукотский авт. округ	1 727	1 655	70	1%	96%	4%	0,1%	15	5	5	5
	Итого	334 893	271 760	10 962	100%	96%	3%	0,2%	1005	845	80	80

ектов Российской Федерации Дальневосточного федерального округа. Рассмотрим портрет респондента.

Из общего количества опрошенных 898 (58,4%) – индивидуальные предприниматели, 444 (28,9%) – представители обществ с ограниченной ответственностью, 71 (4,6%) – представители акционерных обществ, 125 (8,1%) – представители организаций иных организационно-правовых форм.

По масштабу предприятия 874 участника опроса (56,8% от общего числа) относятся к микропредприятиям, 565 (36,7%) – к малому бизнесу, 80 (5,2%) – к среднему бизнесу, 19 (1,2%) – к крупному бизнесу.

Важным является то, что 80% участников опроса – собственники бизнеса, 12,8% – руководители высшего звена (генеральный директор или заместитель генерального директора), 3,8% – руководители среднего звена и 3,4% – менеджеры без руководящих функций. Таким образом, большая часть участников опроса (93%) – это руководители, принимающие ключевые решения по развитию бизнеса и реализации инвестиционных намерений. Данный результат обеспечен в том числе благодаря участию в организации опроса института уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации Дальневосточного федерального округа (ДФО).

Большая часть опрошенных предпринимателей (39,7%) осуществляют предпринимательскую деятельность более 10 лет, 16,4% – от 6 до 9 лет, 16,1% – 4–5 лет, остальные – менее 3 лет. Таким образом, преобладающая часть участников опроса – это опытные предприниматели, оценивающие максимально прагматично последствия своих инвестиционных решений и действий в сфере бизнеса.

Сформированная выборка репрезентативна. Распределение респондентов соответствуют общим пропорциям количества предпринимателей по регионам и видам экономической деятельности. Структура опрошенных предпринимателей представлена в таблицах 2 и 3.

Кроме этого, результаты опроса верифицируются официальными данными по ряду ключевых показателей.

По итогам обработки ответов получены следующие 5 основных результатов.

1. В 2024–2025 гг. треть, или 37,8% респондентов (582 ед.) имели намерения относительно инвестиционных вложений, 62,2% (956 ед.) таких намерений не имели. При этом 85,6% опрошенных предпринимателей с инвестиционными планами заявили об имевшихся намерениях инвестировать до 50 млн руб.; 8% – от 50 до 100 млн руб.; 4,9% – от 100 до 500 млн руб., 0,6% – от 500 млн до 1 млрд руб.; 0,9% – свыше 1 млрд руб.

Таблица 2

Распределение опрошенных предпринимателей по регионам

Субъект РФ ДФО	Количество (ед.)	Доля (%)
Приморский край	540	35,1%
Республика Саха (Якутия)	302	19,6%
Хабаровский край	207	13,5%
Республика Бурятия	110	7,2%
Забайкальский край	107	7,0%
Амурская область	105	6,8%
Сахалинская область	60	3,9%
Камчатский край	47	3,0%
Еврейская автономная область	25	1,6%
Магаданская область	20	1,3%
Чукотский автономный округ	15	1,0%

Источник: составлено авторами.

Таблица 3

Распределение опрошенных предпринимателей по видам деятельности

Отрасль	Количество (ед.)	Доля (%)
Торговля	508	33%
Услуги	299	19,4%
Прочее	161	10,5%
Обрабатывающая промышленность	131	8,5%
Сельское хозяйство	98	6,4%
Строительство	94	6,1%
Транспорт	80	5,2%
Туризм	66	4,3%
Лесохозяйственный комплекс	31	2%
Добыча полезных ископаемых	28	1,8%
Информационные технологии	22	1,4%
Рыбохозяйственный комплекс	21	1,4%

Источник: составлено авторами.

2. Из общего количества опрошенных 44,1% (почти половина от общего количества) в период 2024–2025 гг. подвергались контрольно-надзорным мероприятиям. Преобладали в числе проверок плановые контрольные мероприятия (17,8%), внеплановые составляли 10,2%, профилактические визиты – 9%. Среди основных органов контроля (надзора), осуществлявших проверки в указанный период, лидерами являются ФНС России (20,7%), Роспотребнадзор (15,7%).

Указанные данные подтверждаются официальной статистикой. Так, в первом полугодии 2025 года на долю налоговой службы приходится 31% всех проверочных мероприятий, на долю потребительского надзора – 17,2%.

3. Важным фактором с точки зрения оценки возможного негативного воздействия на хозяйственную деятельность и в целом на деловой климат является продолжительность проверки. По мнению большинства респондентов (62,2%), проверка укладывается в 10 дней, по 10% ответов свидетельствует о продолжительности проверок в пределах от 20 дней и до 1 месяца, еще 20% респондентов считают, что фактические сроки проверок уходят за указанные границы.

4. Почти каждый третий предприниматель (30,3%) указывает на штрафные

санкции по итогам проверочных мероприятий. Сумма взысканных штрафов в 66,3% ответов не превышает 50 тыс. руб., в 11,1% – 100 тыс. руб., в 6,9% – 250 тыс. руб., в 4,6% – 1 млн руб., в 11,1% – свыше 1 млн руб.

Наряду с прямыми штрафами предприниматели фиксируют иные косвенные затраты в результате проверок, в том числе в связи с простоем, необходимостью привлечения юридического сопровождения и т. д. Так, в 66,7% ответов указанные затраты зафиксированы и в основном не превышают 50 тыс. руб., однако в 8,3% ответов сумма косвенных затрат определена в пределах 100 тыс. руб., в 6,2% – до 250 тыс. руб., в 5% – до 500 тыс. руб., в 9,5% – от 1 млн руб. и выше.

5. Результаты опроса подтверждают, что контрольная деятельность не является основной доминантой сокращения инвестиционных планов, что соответствует общему представлению. Так, предпринимателями отмечена наибольшая значимость фактора «общее ухудшение экономической ситуации в стране» (35,1%), фактора «высокая ставка банковского кредитования» (21,3%), «резкое сокращение доходов от экономической деятельности предприятия» (18,2%), «иные факторы» (21%). Проведение в отношении орга-

низации проверок или иных контрольных мероприятий наибольшее влияние имело на изменение инвестиционных намерений только 4,3%. При этом в случае такого воздействия практически каждый третий предприниматель склоняется к полному отказу от инвестиций (29,7%), 37,6% – к временному отказу, остальные респонденты выразили мнение только о сокращении объемов вложений.

Однако в случае, если бы в ближайшие 3 года предприятию было бы гарантировано отсутствие проверок, для каждого пятого бизнесмена (19,7%) это бы стало стимулом для реализации инвестиционного проекта.

Выводы и предложения

Почти каждый второй предприниматель является объектом проверок в Дальневосточном федеральном округе. Инвестиционные намерения предпринимателей в субъектах Российской Федерации Дальневосточного федерального округа испытывают определенное влияние со стороны контрольных органов. На данном этапе оно не выступает доминантой, что, предположительно, может быть обусловлено наличием естественного лага во времени воздействия со стороны органов контроля, однако с учетом ускоряющегося темпа прироста количества проверок нельзя исключать эскалацию воздействия данного фактора на инвестиционное поведение бизнеса в округе.

Проверочные мероприятия со стороны органов контроля обуславливают дополнительные значимые издержки для бизнеса, вызванные штрафными санкциями, а также косвенными издержками, связанными, в том числе с необходимостью отвлечения ресурсов от хозяйственной деятельности на время проведения проверок, что, естественно, влияет на результативность хозяйственной деятельности и создает определенные ограничения для инвестиционного развития Дальнего Востока.

Треть предпринимателей Дальнего Востока могут являться источником дополнительного инвестиционного роста, что соответствует задаче опережающего развития округа, однако его реализа-

ция требует мер содействия, в том числе дерегулирования. Отсутствие жесткого контроля в обозримой перспективе создает стимулы для притока инвестиций в округ.

В целом можно отметить, что по результатам обработки полученных данных сформулированная гипотеза подтверждена.

В заключение отметим, что, по мнению авторов, природой негативного влияния контрольной деятельности на инвестиционные намерения предпринимателей выступает фактор неопределенности/неожиданности. Даже самые строгие правила и санкции, когда они прогнозируемы по масштабу и конечны по времени, не так страшны для инвестиционного интереса бизнеса, как внезапный приход проверяющих, парализующих производственный процесс или иную хозяйственную деятельность, с неопределенными перспективами.

В целях снижения негативного влияния контрольно-надзорной деятельности на предпринимателей и их инвестиционное поведение считаем целесообразным в соответствии с результатами проведенного опроса:

- ограничение продолжительности и количества контрольных мероприятий в отношении предпринимателя в течение года;

- расширение практики замены штрафов предупреждениями;

- недопущение приостановки хозяйственной деятельности при проведении проверок за счет внедрения «зеленых» (нетоксичных) технологий проведения проверок;

- повышение ответственности проверяющих в случае возникновения негативных последствий для бизнеса, в том числе в части сокращения инвестиционных планов;

- гармонизация работы ФНС России и Роспотребнадзора в части проведения проверочных мероприятий с учетом задачи инвестиционного развития округа;

- регулярный контроль ведомственно-территориальной локализации административного давления в форме контрольных проверок.

Список источников:

1. Алехнович, А. О., Анучин, Л. Л. Оценка и корректировка правоприменительной практики контрольных и надзорных органов: индекс административного давления // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 1. С. 7–29. DOI: 10.17323/1999-5431-2021-0-1-7-29 EDN: ONNIEХ
2. Андреев, Д. В., Потанин, М. М. Влияние административной нагрузки системы государственного управления на инвестиционный климат Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 39–50. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-109-4-39-50 EDN: AQUGLE
3. Андреев, Д. В. Оценка уровня административного давления в регионах Дальнего Востока России: итоги 2024 года // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 2 (111). С. 41–50. EDN: CUNASI
4. Андреев, Д. В. Опыт дерегулирования в сфере контрольно-надзорной деятельности в отношении резидентов преференциальных режимов Дальнего Востока // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2025. № 2. С. 3–17. DOI: 10.18101/2304-4446-2025-2-3-17 EDN: WVVSEI
5. Андреев, Д. В., Потанин, М. М. Институциональная среда и преференции как основа государственного управления инвестиционным развитием Дальнего Востока за 2013–2024 годы // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2024 № 4 (112). С. 5–30. DOI: 10.24866/2311-2271/2024-4/1611 EDN: SFGJWO
6. Андреев, Д. В. Влияние контрольной нагрузки на резидентов преференциальных режимов Дальневосточного федерального округа: опыт анкетирования // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2025. № 2 (114). С. 23–34. DOI: 10.24866/2311-2271/2025-2/1916 EDN: TFBAOQ
7. Аузан, А. А., Крючкова, П. В. Административные барьеры в экономике: задачи деблокирования // Вопросы экономики. 2001. № 5. С. 73–88.
8. Добролюбова, Е. И., Зыбуновская, Н. В., Покида, А. Н., Южаков, В. Н. Оценка влияния государственного контроля (надзора) на деятельность хозяйствующих субъектов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 2. С. 7–25. EDN: ZCFBXX
9. Маликов, Р. И., Гришин, К. Е. Уровень административных барьеров как индикатор качества взаимодействия властных и предпринимательских структур // Вестник УГУЭС. Наука. Образование. Экономика. Серия: Экономика. № 4 (6), 2013. С. 55–65. EDN: RRQRYD
10. Мухаметова, Д. Д. Инструментарий оценки потенциала повышения вклада малого предпринимательства в устойчивое развитие региона с учетом снижения административного давления на бизнес // УЭК. 2014. №9 (69). С. 17. EDN: SZTNQN
11. Плаксин, С. М., Семенов, С. В. Количественный анализ деятельности надзорных органов в Российской Федерации в 2011–2014 гг. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 3. С. 121–144. EDN: UKPHCP
12. Солодилова, Н. З., Гибадуллин, Р. В., Маликов, Р. И., Гришин, К. Е. Инструментарий оценки административного давления на субъекты предпринимательской деятельности // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2016. №2 (16). С.71–80. EDN: XRBYCH
13. Солодилова, Н. З., Маликов, Р. И., Гришин, К. Е. Влияние административного регулирования на эффективность предпринимательской деятельности в регионе // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 4. С. 1001–1013. DOI: 10.17059/2016-4-3 EDN: XBKHUO
14. Южаков, В. Н., Добролюбова, Е. И., Покида, А. Н., Зыбуновская, Н. В. Оценка результативности государственного контроля с позиции бизнеса: ключевые тенденции // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 2. С. 32–53. DOI: 10.17323/1999-5431-2020-0-2-32-53 EDN: FFOMTI

References:

1. Alekhnovich, A. O., Anuchin, L. L. (2021) Assessment and correction of law enforcement practice of control and supervisory authorities: index of administrative pressure. *Issues of state and municipal management*, no. 1, pp. 7–29. DOI: 10.17323/1999-5431-2021-0-1-7-29 EDN: ONNIEХ
2. Andreev, D. V., Potanin, M. M. The influence of the administrative burden of the public administration system on the investment climate of the Far East. *Power and Administration in the East of Russia*, 2024, no. 4 (109), pp. 39–50. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-109-4-39-50 EDN: AQUGLE
3. Andreev, D. V. (2025) Assessment of the level of administrative pressure in the regions of the Russian Far East: the results of 2024. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 2 (111), pp. 41–50. EDN: CUHASI
4. Andreev, D. V. (2025) The experience of deregulation in the field of control and supervisory activities in relation to residents of preferential regimes in the Far East. *Bulletin of the Buryat State University. Economics and Management*, no. 2, pp. 3–17. DOI: 10.18101/2304-4446-2025-2-3-17 EDN: WVSEI
5. Andreev, D. V., Potanin, M. M. (2024) Institutional environment and preferences as the basis of state management of investment development in the Far East for 2013–2024. *Proceedings of the Far Eastern Federal University. Economics and management*, no. 4 (112), pp. 5–30. DOI: 10.24866/2311-2271/2024-4/1611 EDN: SFGJWO
6. Andreev, D. V. (2025) The impact of the control burden on residents of preferential regimes in the Far Eastern Federal District: the experience of the survey. *Proceedings of the Far Eastern Federal University. Economics and management*, no. 2 (114), pp. 23–34. DOI: 10.24866/2311-2271/2025-2/1916 EDN: TFBAOQ
7. Auzan A. A., Kryuchkova P. V. (2001) Administrative barriers in the economy: unblocking tasks. *Economic issues*, no. 5, pp. 73–88.
8. Dobrolyubova, E. I., Zybunovskaya, N. V., Pokida, A. N., Yuzhakov, V. N. (2017) Assessment of the impact of state control (supervision) on the activities of economic entities. *Issues of state and municipal management*, no. 2, pp. 7–25. EDN: ZCFBXX
9. Malikov, R. I., Grishin, K. E. (2013) The level of administrative barriers as an indicator of the quality of interaction between government and business structures. *Bulletin of the UGUES. Science. Education. Economy. Series: Economics*, no. 4 (6), pp. 55–65. EDN: RRQRYD
10. Mukhametova, D. D. (2014) Tools for assessing the potential of increasing the contribution of small business to the sustainable development of the region, taking into account the reduction of administrative pressure on business, no. 9 (69), p. 17. EDN: SZTNQN
11. Plaksin, S. M., Semenov, S. V. (2015) Quantitative analysis of the activities of supervisory authorities in the Russian Federation in 2011–2014. *Issues of state and municipal management*, no. 3, pp. 121–144. EDN: UKPHCP
12. Solodilova, N. Z., Gibadullin, R. V., Malikov, R. I., Grishin, K. E. (2016) Tools for assessing administrative pressure on business entities. *USNTU Bulletin. Science, education, economics. Series: Economics*, no. 2 (16), pp. 71–80. EDN: XRBVCH
13. Solodilova, N. Z., Malikov, R. I., Grishin, K. E. (2016) The influence of administrative regulation on the effectiveness of entrepreneurial activity in the region. *Economics of the region*, vol. 12, is. 4, pp. 1001–1013. DOI: 10.17059/2016-4-3 EDN: XBKHUД
14. Yuzhakov, V. N., Dobrolyubova, E. I., Pokida, A. N., Zybunovskaya, N. V. (2020) Assessment of the effectiveness of state control from a business perspective: key trends. *Issues of state and municipal management*, no. 2, pp. 32–53. DOI: 10.17323/1999-5431-2020-0-2-32-53 EDN: FFOMTI

Статья поступила в редакцию 10.12.2025; одобрена после рецензирования 22.12.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was submitted 10.12.2025; approved after reviewing 22.12.2025; accepted for publication 23.12.2025.

Информация об авторах

Д. В. Андреев – инвестиционный уполномоченный в Дальневосточном федеральном округе;

М. М. Потанин – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и цифровых технологий, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

А. А. Хоменко – заместитель директора департамента экономических и социальных исследований на Дальнем Востоке, НО «Фонд развития социальных инициатив».

Information about the authors

D. V. Andreev – Investment Commissioner in the Far-Eastern Federal District;

M. M. Potanin – PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Economics and Digital Technologies at the Far Eastern Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Far-Eastern Institute of Management – branch of RANEPA;

A. A. Khomenko – Deputy Director of the Department of Economic and Social Research in the Far East of the NGO “Fund for the Development of Social Initiatives”.

Научная статья
УДК 314.728: 303.1 (571.6)
<https://elibrary.ru/RKFGNP>

Уровень удовлетворенности реализацией национальных проектов: социологический анализ

Владимир Владимирович Зубков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
zubkovvv89@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного в апреле 2025 г. в Хабаровском крае по теме «Оценка населением эффективности деятельности исполнительных органов Хабаровского края» с целью изучения и анализа жизненных установок и настроений населения края, а также оценки деятельности органов власти различных уровней. Задачей исследования выступало изучение отношения жителей региона к национальным проектам через определение уровня известности национальных проектов и степени удовлетворенности их реализацией в Хабаровском крае. Проведен сравнительный анализ оценок в зависимости от места проживания респондентов. Представлен краткий описательный анализ уровня информированности о национальных проектах, реализуемых в регионе, а также оценка их результативности, по мнению респондентов. Проведенный анализ результатов эмпирических исследований позволил выявить ключевые проблемные точки, свидетельствующие о недостаточности системной информационной работе в отношении оценки эффективности реализации национальных проектов на территории региона. По результатам исследования определено, что жители региона мало интересуются и недостаточно информированы об инструментах, ходе и результатах реализации проектов, что может выступать фактором миграционных настроений жителей края, ориентированных на самореализацию в других регионах страны. Выявлены основные каналы получения информации о реализации проектов, что позволяет более точно настроить информационное сопровождение проектов в регионе.

Ключевые слова: дальневосточный регион, Хабаровский край, мониторинг национальных проектов, оценка национальных проектов, бенефициары национальных проектов, уровень информированности, уровень удовлетворенности

Для цитирования: Зубков В. В. Уровень удовлетворенности реализацией национальных проектов: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 4 (113). С. 122–131. EDN: RKFGNP

Original article

The Level of Satisfaction with the Implementation of National Projects: Sociological Analysis

Vladimir V. Zubkov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia
zubkovvv89@mail.ru

Abstract. *The article presents the results of a sociological study conducted in April 2025 in the Khabarovsk Territory on the topic «Public assessment of the effectiveness of the executive bodies of the Khabarovsk Territory» aimed to study and analyze the attitudes and sentiment of the region's residents as well as evaluating the activities of government bodies at various levels. The research focused on examining residents' attitudes toward national projects by determining the level of awareness of these projects and the degree of satisfaction with their implementation in the Khabarovsk Territory. A comparative analysis of evaluations was conducted based on the respondents' place of residence. The article presents a brief descriptive analysis of the level of awareness about national projects being implemented in the region, along with the assessment of their effectiveness according to the respondents. The analysis of the empirical research results identified key problem areas, indicating a lack of systematic informational work regarding the effectiveness of national project implementation in the region. The study results indicate that residents of the region have little interest in and are insufficiently informed about the tools, progress, and outcomes of the projects, which may contribute to the migration sentiments of residents seeking self-realization in other regions of the country. The study identified the main channels for obtaining information about projects implementation, allowing for more precise adjustments to the informational support of projects in the region.*

Keywords: *Far East region, Khabarovsk Territory, monitoring of national projects, evaluation of national projects, beneficiaries of national projects, level of awareness, level of satisfaction*

For citation: Zubkov, V. V. (2025) The Level of Satisfaction with the Implementation of National Projects: Sociological Analysis. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 4 (113), pp. 122–131. EDN: RKFGNP

Введение

Национальные проекты являются ключевым механизмом трансформации национальной экономики, включают приоритетные направления развития экономики страны на современном этапе [Волоцков, 2023]. Это государственные программы долгосрочного характера, направленные на достижение целей развития страны через системное изменение ключевых сфер жизни общества. В современной российской практике государственного управления национальные проекты выступают ключевым механизмом преобразования стратегических приоритетов в конкретные измеримые результаты.

В Российской Федерации реализация первых национальных проектов была закреплена Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹. Первоначально было разработано 12 национальных проектов по трём ключевым направлениям: «Человеческий капитал», «Комфортная среда для жизни» и «Экономический рост», которые в совокупности охватывали 72 федеральных проекта. Среди приоритетных направлений выделялись демография, здравоохранение, образование, жильё и городская среда, экология, безопасные качественные автомобильные дороги, производительность труда и поддержка занятости, наука, цифровая экономика, культура, малое и среднее предпринимательство, а также международная кооперация и экспорт².

На протяжении шести лет реализации (2018–2024 гг.) система национальных проектов продемонстрировала значительные результаты и претерпела несколько

содержательных изменений, обусловленных внешними условиями и корректировкой стратегических приоритетов государства. Согласно исследованию Национального исследовательского института Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), Россия достигла 95,3% ключевых показателей национальных проектов, причём по 78% из них плановые значения были перевыполнены. Как отмечают эксперты НИУ ВШЭ, «национальные проекты зарекомендовали себя как эффективный инструмент приоритизации финансовых и управленческих ресурсов для достижения национальных целей развития»³. Экспертное сообщество также положительно оценило итоги реализации отдельных направлений: например, успешность национального проекта «Экология» составила 7,24 из 10 баллов по оценке Общественного совета при Минприроды России⁴.

Вместе с тем, по мнению Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Т. А. Голиковой, курирующей реализацию национальных проектов социальной сферы, опыт первого этапа реализации выявил необходимость углубления структурных преобразований и усиления связи с национальными целями развития до 2036 года. В своих публичных выступлениях Т. А. Голикова подчёркивает важность адаптации механизмов реализации национальных проектов к новым вызовам: «Все национальные проекты, которые сейчас реализуются, будут подстраиваться под те новые приоритеты, которые объявлены Президентом с 2025 года»⁵.

В 2025 г. система национальных проектов была существенно преобразована. Так, Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О на-

¹ Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/71937200/>

² Национальные проекты в рамках майского указа 2018 года. Главное // ТАСС. 2019. 11 февраля. URL: <https://tass.ru/info/6101470>

³ Показатели нацпроектов в 78% случаев превысили план за шесть лет // Ведомости. 2025. 21 июля. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/07/21/1125624-pokazateli-natsproektov-previsili-plan-za-shest-let?ysclid=micvbw1tt178733274>

⁴ Успешность нацпроекта «Экология» оценили на 7 из 10 баллов // ТАСС. 2024. 18 декабря. URL: <https://tass.ru/ekonomika/22702007?ysclid=micvg2p8vf827353650>

⁵ Голикова указала на старт в 2025 году четырёх из пяти новых нацпроектов // Известия. 2024. 4 марта. URL: <https://iz.ru/1659763/2024-03-04/golikova-ukazala-na-start-v-2025-godu-chetyrekh-iz-piati-novykh-natcproektov>

циональных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» были определены новые стратегические цели, что способствовало запуску 19 обновленных национальных проектов⁶. В числе новых инициатив – национальные проекты «Семья», «Продолжительная и активная жизнь», «Кадры», «Молодёжь и дети», «Экономика данных и цифровая трансформация государства», «Эффективная и конкурентная экономика», «Средства производства и автоматизации», а также специализированные технологические проекты⁷.

В Хабаровском крае, как и в других регионах страны, реализация национальных проектов осуществляется через региональные проекты. В период 2019–2024 гг. край участвовал в реализации 43 региональных проектов по 14 направлениям⁸. С 2025 г. регион будет получать финансирование в объёме более 15 миллиардов рублей на новые национальные проекты, в том числе «Инфраструктура для жизни», «Молодёжь и дети», «Семья», «Продолжительная и активная жизнь»⁹.

Принципиально важным аспектом обновленной системы национальных проектов является интеграция в механизм мониторинга не только традиционных статистических показателей, закреплённых в государственных программах, но и широкого спектра социологических индикаторов, отражающих субъективную оценку населением качества жизни и удовлетворённость мерами государственной поддержки. Данный подход нашёл пра-

вовое закрепление в Указе Президента Российской Федерации от 28 ноября 2024 года № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»¹⁰.

Указ № 1014 существенно усовершенствовал систему оценки эффективности деятельности глав субъектов Российской Федерации, заменив предшествующий Указ Президента РФ от 4 февраля 2021 года № 68¹¹. Если предыдущая редакция включала 20 показателей оценки, то обновленная редакция документа расширила и актуализировала перечень индикаторов, предусмотрев новые индикаторы, такие как суммарный коэффициент рождаемости, удовлетворённость участников СВО социальной поддержкой, доля парка общественного транспорта с нормативным сроком эксплуатации, а также усилив акцент на субъективных показателях, таких как удовлетворённость граждан условиями для занятий физической культурой и спортом¹⁰.

Концептуальные основы современной системы оценки эффективности деятельности региональных властей базируются на принципах результативного управления, предполагающих четкую фиксацию целевых показателей, регулярный мониторинг их достижения, персонализацию ответственности руководителей регионов и создание системы стимулов, поощряющих эффективных управленцев

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/>

⁷ Национальные проекты // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2641/>

⁸ Нацпроекты (2019-2024 гг.) // Официальный портал национальных проектов Хабаровского края. URL: <https://np.khabkrai.ru/Proekty>

⁹ Какое финансирование получит Хабаровский край в 2025 году // Дальневосточное обозрение. 2025. 1 февраля. URL: <https://duma.khv.ru/site.aspx?doc=270148451&ysclid=midtbrnbju393942532>

¹⁰ Указ Президента РФ от 28 ноября 2024 г. № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительных власти субъектов Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411280003?ysclid=midtga9fre428741646>

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 04.02.2021 г. № 68 Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46402>

и дисциплинируя неэффективных. Важным элементом данного подхода стало внедрение рейтинговых систем оценки глав регионов, основанных на комплексном анализе социально-экономических показателей¹³.

Таким образом, эволюция системы национальных проектов в Российской Федерации демонстрирует поступательное совершенствование механизмов стратегического планирования, усиление взаимосвязи между государственными программами и национальными целями развития, а также расширение инструментария оценки эффективности за счёт включения социологических показателей, отражающих реальное качество жизни населения (в том числе как фактора миграционных настроений жителей региона).

Эмпирическая база исследования

В апреле 2025 г. в Хабаровском крае проведено социологическое исследование «Оценка населением эффективности деятельности исполнительных органов Хабаровского края» с целью изучения и анализа жизненных установок населения городских округов и муниципальных районов Хабаровского края и оценки деятельности органов власти различных уровней. Задачей исследования являлось изучение отношения жителей региона к национальным проектам через определение уровня известности национальных проектов и степени удовлетворенности их реализацией в Хабаровском крае. В рамках исследования проведен анкетный опрос 1002 респондентов. В исследовании была использована маршрутная многоступенчатая случайная выборка. Выборочная совокупность была структурирована для достижения репрезентативности по отношению к генеральной совокупности (население Хабаровского края) по полу, возрасту и типу населенного пункта (для каждого района и городского округа). Статистическая погрешность не превышает 3,4%. География исследования – 9 муниципальных районов и 2 городских округа (использована случайная квотная выборка, выборочная сово-

купность репрезентативна по полу, возрасту и типу населенного пункта, опрос проведен в городских округах Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре, в муниципальных районах Хабаровского края).

Оценка удовлетворенности населения выполнением национальных проектов

В настоящее время национальные проекты выступают ключевыми инструментами в реализации задач стратегического развития государства и любого региона, поскольку вся совокупность национальных проектов как механизма реализации национальных целей и задач развития Российской Федерации является элементом стратегического управления развитием страны. Направления этого развития в конечном счете задаются социально ориентированным в соответствии с Конституцией РФ характером деятельности государства [Новоженина, 2021].

При этом, с точки зрения социального значения национальных проектов, крайне важна оценка их эффективности и результативности в общественном мнении. Если основная целевая аудитория благополучателей от реализации проектов (граждан) не видит результатов и позитивных изменений, то возникает вопрос об их эффективности или правильности.

В целом методологической основой разрабатываемой проблемы формирования и принципов реализации национальных проектов и государственных программ явились научные доклады, представленные публикациями Л. И. Абалкина, В. С. Автономова, Р. С. Гринберга, С. Ю. Глазьева, А. Е. Городецкого, В. М. Полтеровича, А. Я. Рубинштейна, Я. М. Миркина, П. А. Минакира и др. ученых [Рубинштейн, Городецкий, Гринберг, 2020].

Сегодня многие ученые при исследовании указанной проблемы рассматривают отдельные ее аспекты в рамках пространственной экономики, в связи с чем механизмы управления национальными проектами и государственными программами следует рассматривать как уров-

¹³ *Оценки для Кремля: зачем управления Кириенко вводят KPI // Объединенная редакция РБК. 2018. 27 ноября. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/11/2018/5bfbfdb89a79470daf684fc0>*

невые, включающие возможность делегирования определенных процессов и инструментов управления на региональный и муниципальный уровни. Многообразие теоретических концепций, посвященных стратегическим направлениям и национальным программам развития, с позиции государственной региональной политики позволяют видеть, что теоретические обобщения национальных задач могут отступать перед политической целесообразностью их реализации в том или ином конкретном регионе. Поэтому реализация большинства национальных проектов на региональном уровне осуществляется в рамках государственных программ и конкретных задач, предусмотренных программами для развития региональной экономики [Стрельникова, 2024].

В рамках изучения восприятия эффективности реализации национальных проектов в общественном мнении была использована методология, основанная на теории социальных представлений С. Московичи, а именно мысль о том, что представления – специфический способ понимания и коммуникации, «который создает реальность и здравый смысл» [Moscovici, 2000]. Кроме этого, в методологическую основу исследования были заложены современные теории эффективности государственного управления [Сморгунов, 2000; Курочкин, 1999], которые включают идею о том, что при определении эффективности государственного управления в современных реалиях на первое место выходит социальный компонент. Показателем социальной эффективности, в отличие от экономической, является не соотношение затраченных ресурсов и полученных результатов, а уровень удовлетворения общественных потребностей [Пашковский, 2013].

Именно социальная эффективность национальных проектов, на наш взгляд, должна выступать основным индикатором настройки данного инструмента, поскольку сегодня значительная часть властных инициатив, принятых к исполнению в рамках действующих на-

циональных проектов, имеет цели, соответствующие основным составляющим социального государства: формирование комфортной социальной среды, создание равных условий для развития и самореализации индивидов, забота о нетрудоспособных по разным причинам гражданах, развитие некоммерческих организаций, ориентированных на социальную политику [Пашковский, 2024].

По результатам общероссийских исследований, в целом подавляющее большинство россиян знают о реализации национальных проектов: «Сегодня о национальных проектах России хорошо известно абсолютному большинству жителей страны. Что дают эти нацпроекты людям, знают девять из 10 россиян. По сообщению ВЦИОМ, узнаваемость бренда «Национальные проекты России» составила 91% – это наивысший результат за все годы исследования»¹⁴.

Кроме этого, важно отметить, что сегодня большинство жителей России не только знают о национальных проектах, но и активно пользуются мерами поддержки, которые они могут получить благодаря их реализации. «Особенно важно, что люди не просто знают о нацпроектах, но и понимают, какие возможности они предоставляют, и пользуются конкретными мерами поддержки», – отметил Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации Д. Н. Чернышенко¹⁵.

Макроэкономические результаты оценки важно дополнить территориальными характеристиками, оценить социальные представления жителей каждого конкретного региона о национальных проектах.

В рамках проведенного нами исследования жителей Хабаровского края попросили оценить выполнение нацпроектов в регионе. Одним из блоков выступали вопросы, касающиеся общего уровня информированности жителей региона о национальных проектах. Так, инициатором национальных проектов 41,5% респондентов считают Президента Российской Федерации, 17,8% – Государственную Думу Федерального Собрания Российской

¹⁴ Россияне оценили важность национальных проектов // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2024/12/30/rossiiane-ocenili-vazhnost-nacionalnyh-proektov.html>

¹⁵ Россияне пользуются мерами поддержки нацпроектов, заявил Чернышенко // РИА Новости, 25.12.2024. URL: <https://ria.ru/20241225/chernyshenko-1991200005.html>

Федерации, 15,5% – Правительство Российской Федерации, около трети опрошенных затруднились с ответом.

Уровень информированности о реализации проектов можно оценить, как «средний», поскольку только чуть более половины опрошенных смогли назвать национальные проекты, о которых они слышали. Чаще всего жители называли нацпроекты «Семья» – 33,9%, «Молодежь и дети» – 25,2%, «Туризм и гостеприимство» – 18,3%. Остальные проекты называли реже; 46,6% в процессе опроса не смогли вспомнить или не слышали о таких проектах.

Важно отметить, что более широкое применение показателей, характеризующих удовлетворенность благополучателей/бенефициаров (жителей территории) результатами проектов могло бы способствовать повышению качества применяемых систем оценочных показателей национальных и региональных проектов и в конечном счете более эффективному решению стоящих перед каждым проектом задач.

В то же время отслеживание изменения уровня удовлетворенности бенефициаров позволяет понимать, как результаты проектов воспринимают конечные благополучатели (жители территории), выявлять узкие места и проблемы и своевременно осуществлять меры управляющего воздействия. Фактически, чем выше уровень осведомленности, информированности

граждан о ходе реализации национальных проектов, тем в большей степени люди осознают будущий образ страны, видят тенденции развития, соотнося их со своим видением проблем и перспектив развития территории. Более широкое использование результатов опросов позволит совместить представление о будущем облике страны, фиксируемое в документах стратегического планирования, с ожиданиями, запросами, представлениями и потребностями людей [Маршова, 2022].

По результатам проведенного исследования, более половины жителей сказали, что удовлетворены реализацией нацпроектов в Хабаровском крае – 52,5%, каждый пятый ответил, что не удовлетворен, а 27,3% затруднился с ответом. Как показало исследование, жители г. Комсомольска-на-Амуре и муниципальных районов края больше осведомлены о результатах национальных проектов и большинство из них дают положительную оценку; 38,4% из числа опрошенных жителей г. Хабаровска затруднились с оценкой (рис. 1).

В ходе исследования жителей Хабаровского края просили назвать, какие улучшения произошли за последний год благодаря нацпроектам. Более половины жителей сказали, что не заметили улучшений – 58,6%. Остальные чаще называли благоустройство общественных территорий (парки, набережная, детские площадки), строительство дорог, строительство жилья и социальных объектов,

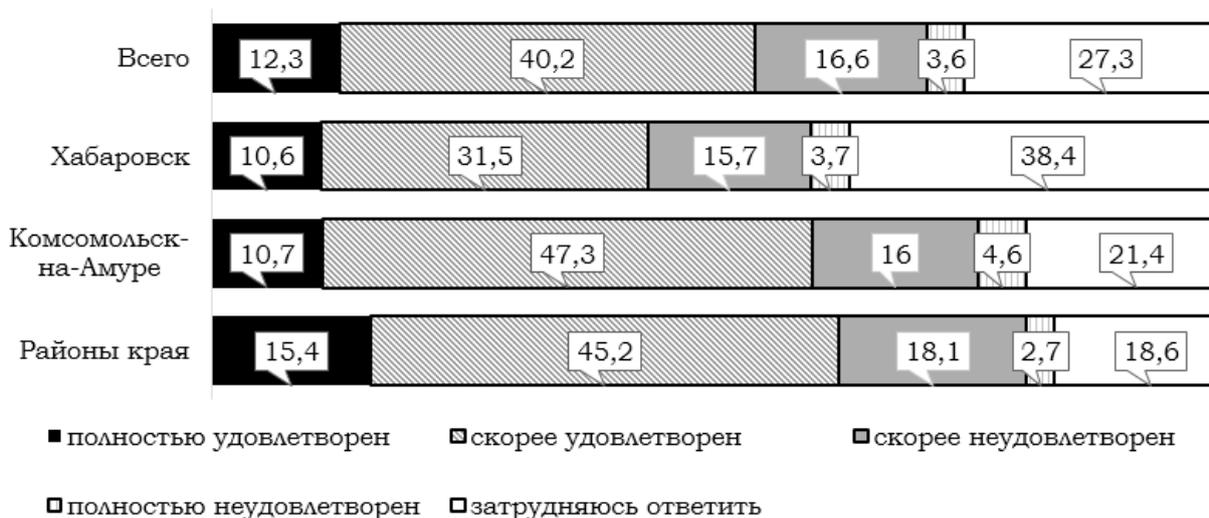

Рис. 1. Результаты ответов на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены реализацией национальных проектов в Хабаровском крае в целом?», % от числа опрошенных

строительство спортивных объектов. Жители г. Хабаровска чаще говорили о том, что не заметили улучшений – 70%.

Показатели оценки национальных проектов жителями Хабаровского края несколько ниже, чем общероссийские результаты. Так, по данным ВЦИОМ за 2024 г., уровень информированности жителей РФ о национальных проектах следующий: в среднем о них знают 73% граждан, не знают – 26%. Респонденты отмечали позитивные перемены, происходящие в ходе реализации национальных проектов. Наиболее заметными за 2024 г., по оценкам населения страны, стали следующие тенденции: благоустраивается городская среда — появляются новые детские и спортивные площадки, парки, скверы, набережные (89%); выросло количество онлайн-сервисов в сфере госуслуг (88%); стало больше производиться российской продукции (79%); стало больше понятной информации о местах, которые можно посетить, и туристических услугах (79%); стало больше туристических предложений (78%)¹⁶.

По мнению автора, одной из возмож-

ных причин ответов жителей Хабаровского края, может быть недостаточный уровень информационной работы по сопровождению реализации национальных проектов в регионе. Лак показали результаты исследования, основным источником информации о национальных проектах жители края назвали: телевидение (44,9%), интернет-сайты (33,6%), социальные сети (26,2%); другие источники используются в меньшей степени, а каждый пятый ответил, что не интересуется такой информацией (табл. 1). При этом, следует отметить, что получаемая из Интернета и социальных сетей информация не всегда отличается достоверностью и надежностью.

Заключение

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют, что несмотря на то, что в целом национальные проекты как инструмент стратегического государственного управления успешно реализуются, главные благополучатели/бенефициары – жители края – очень часто не связывают проводимые в регионе мероприятия с реализацией националь-

Таблица 1

Результаты ответа на вопрос: «Из каких источников информации Вы узнаете о национальных проектах России?», % от числа опрошенных

Источник информации	Всего по краю	г. Хабаровск	г. Комсомольск-на-Амуре	другие муниципальные образования
Телевидение	44,9	40,5	45,6	49,4
Сайты в сети «Интернет»	33,6	25,0	46,0	34,7
Социальные сети	26,2	24,8	31,6	24,1
Мессенджеры для общения	9,2	11,5	8,0	7,4
Социальное окружение (друзья, родственники, знакомые)	6,9	6,3	5,6	8,5
Печатные СМИ	4,1	3,3	2,8	6,0
Наружная реклама	1,2	1,5	1,6	0,6
Другое	2,2	3,5	2,4	0,6
Затрудняюсь ответить	2,0	1,8	1,6	2,6
Ничего не знаю о них	21,0	29,3	21,2	11,4

¹⁶ Национальные проекты – 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnye-proekty-2024?ysclid=mik81e386z3974357>

ных проектов.

Полученные результаты могут свидетельствовать о разрыве между государственными усилиями по реализации национальных проектов в регионе и оценочными социальными представлениями у жителей края об их эффективности, т. е. целевые благополучатели проектов (жители края) в большинстве своем не соотносят положительные изменения и реализацию национальных проектов. При этом социальная эффективность и в целом эффективность проектов в оценках населения проявляется в высокой потребительской

ценности проекта для людей, которая повышает уровень жизни и может выступать детерминантой миграционных настроений жителей региона. Недостаточная информированность о результативности и эффективности национальных проектов может оказывать влияние на формирование социального фона, способствующего сохранению высокого уровня миграционных настроений населения. Вышеизложенное может стать основанием для совершенствования информационного сопровождения реализации национальных проектов, реализуемых в крае.

Список источников:

1. Волоцков, А. А. Национальные проекты как реализация целевых ориентиров стратегического развития регионов России // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. ISSN 1999-2645. 2023. № 4 (76). Номер статьи: 7624. URL: <https://eee-region.ru/article/7624/>
2. Гринберг, Р. С., Рубинштейн, А. Я., Абалкин, Л. И. и др. Стратегические ориентиры экономического развития России. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2010. — 663 с. ISBN: 978-5-91419-297-3 EDN: SUGGPT
3. Курочкин, А. В. Социальная эффективность государственного управления: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 1999. EDN: QDCHWJ
4. Маршова, Т. Н. Уровень удовлетворенности бенефициаров как инструмент оценки национальных проектов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. 2022. №4 (34).
5. Новоженина, О. П. Национальные проекты развития страны в оценках гражданского общества // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27. № 4. С. 92–106. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.8 EDN: JMTEUC
6. Пашковский, Е. А. Административная реформа как фактор повышения эффективности государственного управления в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб., 2013. EDN: ZPCQTH
7. Пашковский, Е. А. Национальные проекты как инструмент реализации социального государства в современной России // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 1. С. 86–99. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-86-99 EDN: FYYDAB
8. Стрельникова, Н. М. Управление национальными проектами и государственными программами в Российской Федерации: методологические аспекты // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 1. С. 77–83. EDN: YLHDYC
9. Сморгунов, Л. В. Управление в условиях неопределенности: в поисках моделей устойчивого развития // Сравнительное государственное управление: теория, реформы, эффективность. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. С. 5–18.
10. Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма / Под ред. А. Я. Рубинштейна, А. Е. Городецкого, Р. С. Гринберга. — СПб.: Алетейя, 2020. — 424 с.
11. Экономические теории в пространстве и времени / Под ред. В. С. Автономова и А. Я. Рубинштейна. — СПб.: Алетейя, 2020 — 360 с.
12. Moscovici S. The phenomenon of social representations // Social representations: Explorations in social psychology / ed. by G. Duveen. NY: Polity Press, 2000, p. 3

References:

1. Volotskov, A. A. (2023) National projects as the implementation of targets for the strategic development of Russian regions. *Regional Economics and Management: an elec-*

tronic scientific journal. ISSN (source) 1999-2645, no. 4 (76). Article number: 7624. URL: <https://eee-region.ru/article/7624/> (in Russ.).

2. Grinberg, R. S., Rubinstein, A. Ya., Abalkin, L. I. et al. (2010) Strategic guidelines for Russia's economic development. – Saint Petersburg : Aleteya. – 663 p. ISBN: 978-5-91419-297-3 EDN: SUGGPT (in Russ.).

3. Kurochkin, A. V. (1999) Social efficiency of public administration: abstract of the dissertation. ... kand. Social Sciences / Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen University, St. Petersburg. EDN: QDCHWJ (in Russ.).

4. Marshova, T. N. (2022) The level of satisfaction of beneficiaries as a tool for evaluating national projects. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Economics*, no. 4 (34). (in Russ.).

5. Novozhenina, O. P. (2021) National development projects of the country in the assessments of civil society. *Science. Culture. Society*, vol. 27, no. 4, pp. 92–106. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.8 EDN: JMTEUC (in Russ.).

6. Pashkovsky, E. A. (2013) Administrative reform as a factor of increasing the effectiveness of public administration in modern Russia: abstract of the dissertation ... Candidate of Political Sciences. Sciences / Russian State Pedagogical University A.I. Herzen University, St. Petersburg. EDN: ZPCQTH (in Russ.).

7. Pashkovsky, E. A. (2024) National projects as a tool for implementing the welfare state in modern Russia. *DISCOURSE*, vol. 10, no. 1, pp. 86–99. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-86-99 EDN: FYYDAB (in Russ.).

8. Strelnikova, N. M. (2024) Management of national projects and state programs in the Russian Federation: methodological aspects. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, no. 1, pp. 77–83. EDN: YLHDYC (in Russ.).

9. Smorgunov, L. V. (2000) Management in conditions of uncertainty: in search of models of sustainable development. *Comparative public administration: theory, reforms, efficiency*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, pp. 5–18. (in Russ.).

10. Economic theory of the state: a new paradigm of paternalism / Edited by A. J. Rubinstein, A. E. Gorodetsky, R. S. Grinberg. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2020, 424 p.

11. Economic theories in space and time / Edited by V. S. Avtonomov and A. Ya. Rubinstein. – St. Petersburg: Aleteya, 2020 – 360 p. (in Russ.).

12. Moscovici S. (2000) The phenomenon of social representations. *Social representations: research in social psychology* / edited by J. Duvin. New York: Polity Press, p. 33 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.10.2025; одобрена после рецензирования 13.11.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 03.10.2025; approved after reviewing 13.11.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Информация об авторе

В. В. Зубков – кандидат социологических наук, доцент кафедры публичного и частного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

V. V. Zubkov – Candidate of Social Sciences, Associate Professor of the Department of public and private law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Far-Eastern Institute of Management – branch of RANEPА.

Научная статья
УДК 338.48:303.1(571.6)
<https://elibrary.ru/UWEJES>

Проблемы и перспективы развития этнотуризма в Хабаровском крае: социологические аспекты

Михаил Вячеславович Ивашкин¹, Василий Алексеевич Синюков²,
Владислав Васильевич Кузнецов³, Жан Жанович Чимитдоржиев⁴

^{1, 2, 3} Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

⁴ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия,

¹ Ivashkin62@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5558-4619>

² v.sinukov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6266-0088>

³ 012754@togudv.ru

⁴ chimitdorzhiev-zz@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1179-9148>

Аннотация. В статье представлена характеристика проблем развития этнотуризма на примере Хабаровского края, занимающего одно из лидирующих мест в России по численности коренных малочисленных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока. На основании проведенного социологического исследования в форме глубоких интервью с представителями коренных малочисленных народов Приамурья, бизнес-сообщества и краевых органов государственного управления представлена характеристика проблем и перспектив устойчивого развития этнотуризма в крае. Показана роль гастрономического туризма как элемента этнотуризма. Отмечено, что этнокультурный ресурс является значимым полюсом регионального развития. По мнению респондентов, требуются меры по опережающему инфраструктурному насыщению ключевых логистических участков и точек размещения, проведение мер институционального характера, поддерживающих и защищающих добросовестных участников рынка этнотуризма, единая стратегия цифрового продвижения. Респонденты полагают, что лишь при одновременном решении этих задач, этнотуризм трансформируется в саморазвивающуюся экосистему, способную увеличить вклад туризма в региональную экономику и закрепить этнокультурный продукт как конкурентное преимущество Хабаровского края.

Ключевые слова: Хабаровский край, этнотуризм, коренные малочисленные народы, устойчивое развитие

Для цитирования: Ивашкин, М. В., Синюков, В. А., Кузнецов, В. В., Чимитдоржиев, Ж. Ж. Проблемы и перспективы развития этнотуризма в Хабаровском крае: социологические аспекты // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 4 (113). С. 132–145. EDN: UWEJES

Original article

Problems and Prospects for the Development of Ethnotourism in the Khabarovsk Territory: Sociological Aspects

Mikhail V. Ivashkin¹, Vasily A. Sinyukov², Vladislav V. Kuznetsov³,
Zhan Zh. Chimitdorzhiev^{4*}

^{1, 2, 3} The Pacific State University, Khabarovsk, Russia

⁴ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa, Khabarovsk, Russia

¹ Ivashkin62@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5558-4619>

² v.sinukov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6266-0088>

⁴ chimitdorzhiev-zz@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1179-9148>

Abstract. *The article presents the description of the problems of the development of ethnotourism on the example of the Khabarovsk Territory, which occupies one of the leading places in Russia in terms of the number of indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East. Based on the conducted sociological research in the form of in-depth interviews with representatives of the indigenous peoples of the Amur Region, the business community and regional government bodies, the description of the problems and prospects for the sustainable development of ethnotourism in the region is presented. The role of gastronomic tourism as an element of ethnotourism is shown. It is noted that the ethnocultural resource is a significant pole of regional development. According to the respondents, measures are required for advanced infrastructure saturation of key logistics sites and placement points, institutional measures that support and protect bona fide participants in the ethnotourism market, and a single digital promotion strategy. Respondents believe that only with the simultaneous solution of these problems, ethnotourism is transformed into a self-developing ecosystem that can increase the contribution of tourism to the regional economy and consolidate the ethnocultural product as a competitive advantage of the Khabarovsk Territory.*

Keywords: *Khabarovsk Territory, ethnotourism, indigenous peoples, sustainable development*

For citation: Ivashkin, M. V., Sinyukov, V. A., Kuznetsov, V. V., Chimitdorzhiev, Zh. Zh. (2025) Problems and Prospects for the Development of Ethnotourism in the Khabarovsk Territory: Sociological Aspects. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 4 (113), pp. 132–145. EDN: UWEJES

Введение

Этнографический туризм как форма культурно-познавательного путешествия, приобретает всё большую актуальность в условиях глобализации и растущего интереса к сохранению и популяризации культурного наследия стран и народов. В России, обладающей богатым этнокультурным разнообразием, этнотуризм становится важным инструментом не только для развития туризма, но и для поддержки коренных народов и сохранения их традиций, ведь их утрата будет

невосполнима [Казначеев, 1999].

Хабаровский край занимает третье место в Российской Федерации по численности проживающих на его территории представителей коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС). Это порядка 30 национальностей, общей численностью около 23 тыс. человек, что составляет 1,5% от всех жителей края. Все они так или иначе относят себя к коренным малочисленным народам Севера. Из них восемь этносов считаются коренными; условно Хабаровский край

является их исторической родиной, поскольку крайне сложно чётко обозначить географические границы ареала их обитания (поэтому в основу определения ареала обитания КМНС положено административно-территориальное деление). На территории края проживают: нанайцы, ульчи, нивхи, удэгейцы, орочи, негидальцы, эвены, эвенки. Они обладают специфическим культурным наследием, в котором промыслы, питание, языки, обряды, песни и ремёсла веками формировались в тесном взаимодействии с окружающей их природой¹. По мнению В. П. Казначеева [Казначеев, 1999], КМНС являются уникальным адаптационным феноменом космопланетарного масштаба и составляют важную часть современной цивилизации. Этническое богатство и разнообразие формирует региональную идентичность Хабаровского края, и это становится одним из главных аттракторов туристических потоков и создаёт благоприятные условия для развития этнотуризма [Тураев, 2015; Леонов, Шеварёва, 2017; Шевченко, Ден, 2022].

Методология исследования

В основу проведенного социологического исследования положен качественный подход, ориентированный на детальное изучение субъективных представлений и практик участников этнотуризма. Для этого был выбран метод глубинного интервью, позволяющий фиксировать особенности социально-культурного характера и получать доступ к сложным для наблюдения явлениям, которые трудно измерить количественными методами.

В исследовании приняли участие представители трёх ключевых секторов, вовлечённых в процессы этнотуризма: носители традиционной культуры, предприниматели туристической сферы и специалисты органов власти, что позволяет не ограничиваться взглядом только одной стороны, а рассмотреть обозначенную проблематику в пересечении интересов и стратегий разных акторов. Подобная

комбинация респондентов позволила собрать многоаспектное представление о процессах, происходящих в сфере этнотуризма, и учесть позиции как носителей культурного наследия, так и тех, кто формирует и регулирует туристическую политику. Предполагается, что именно эти группы являются основными драйверами развития этнотуристического пространства, поэтому учёт их мнений обеспечивает комплексное представление о механизмах взаимодействия государственных, коммерческих и культурных институтов.

Целью проведенных в рамках исследования интервью являлось выявление существующих тенденций развития отрасли, проблем и возможных путей их преодоления, а также мнения представителей коренных малочисленных народностей относительно туристической отрасли, процессов интеграции и возможной ассимиляции.

Метод глубинного интервью относится к числу универсальных качественных методов, активно используемых в эмпирических социологических исследованиях, что позволяет «уйти в глубь» изучаемых процессов, фиксируя не только поверхностные мнения, но и фундаментальные мотивы респондентов. Интервью проводились лично в полуструктурированной форме, что давало респондентам больше свободы в ответах при сохранении направленности беседы по заранее разработанному плану. Все полученные качественные данные были систематизированы и проанализированы посредством тематического анализа. Тексты интервью переводились в машинописный вид и затем структурировались по смысловым категориям. Заключительный этап анализа включал качественную интерпретацию категорий и их сопоставление для выявления основных закономерностей и тенденций.

Для более полного охвата и формирования холистического представления изучаемой проблемы в дополнение к интервью применялся метод наблюдения.

¹ Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края. АКМНС Хабаровского края. URL: <https://akmns-khab.ru/> (дата обращения: 02.06.2025); Этнографические туры. URL: <http://new-millennium.ru/etnograficheskie-tury> (дата обращения: 02.06.2025).

Обсуждение темы

Анализ серий глубинных интервью с представителями коренных малочисленных народов Хабаровского края (было проведено четыре глубинных интервью) позволяет оценить текущее состояние этнотуризма в регионе. Респонденты сходятся во мнении, что на последние годы пришёлся заметный рост интереса как со стороны российских, так и зарубежных гостей. Экскурсии по местным дестинациям (национальным сёлам) проводятся круглый год; зимний сезон больше не воспринимается как «мёртвый». Этот подъём, по их мнению, стимулирует «переоткрытие» нативной культуры КМНС горожанами, что выражается в увеличении спроса у жителей городов Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре, которые начинают воспринимать традиционные праздники и ремёсла не как экзотику, а как часть собственной региональной идентичности, в которую они помещены и также могут воспроизводить эту идентичность. Позитивная динамика, опирающаяся на природное и этнокультурное разнообразие региона, подтверждает высокий рыночный потенциал дальневосточного турпродукта. В качестве примера можно привести ряд этнографических дестинаций края и его этнокультурный потенциал: Национально-культурный центр, с. Нижние Халбы, центр нанайской этнографии, выставка декоративно-прикладного искусства, обрядовые показы (нанайская свадьба, посвящения в охотники и др.), спортивные национальные игры; выступление национальных коллективов «Хакуа» (Кукла), «Мангбо» (Амур); Центр культуры народов Севера и Нижнего Амура, г. Николаевск-на-Амуре, обрядовый театр, выступление национального ансамбля «Эри» (Ручеек), коллекция декоративно-прикладного искусства, дегустация национальных блюд; Национально-культурный центр с. Булава, этнографический комплекс, музей под открытым небом «Ульчская деревня», музей народного творчества, выступление национального ансамбля «Гива»

(Рассвет), знакомство с традициями и обрядами ульчского народа; Национально-культурный центр, с. Джари Нанайского района, музей декоративно-прикладного искусства, выступление национального коллектива «Илгадерени» (Поющие узоры), «Амтака» (Ягодка), дегустация блюд национальной кухни, спортивные состязания, рыбалка; Национально-культурный центр, с. Ачан Амурского района, выступление национальных коллективов «Сиун» (Солнце), «Тасима» (Лепешечка), выставка декоративно-прикладного искусства, знакомство с традициями народов нижнего Амура; Национально-культурный центр, с. Троицкое Нанайского района, краеведческий музей, выступление творческих коллективов, знакомство с традициями нанайского народа; Этно-культурный центр, «Солнце» с. Гвасюги; Национальное село Верхняя Эконь, историко-этнографический парк, школьный этнографический музей, который включён в международный каталог туристических маршрутов. Губернатор Хабаровского края Д. В. Демешин в ходе своей рабочей поездки в национальное село Верхняя Эконь отметил: «Это не просто национальное село – это место, наполненное духом истории, традиций тех людей, которые здесь живут, творят. Судьба каждого человека здесь вплетена в историю, культуру, религиозные традиции. С глубоким уважением отношусь к тем людям, которые не просто сохраняют, а проецируют это на всех нас»². В Хабаровском крае традиционно проводятся различные мероприятия туристической направленности. Так, например, в 2021 г. проведено 17 крупных событийных мероприятий, в том числе, событийные мероприятия, отражающие самобытную культуру и традиции коренных народов Дальнего Востока: Эвенкийский праздник «Дюгани»; краевой фестиваль музыки и песни народов, проживающих в Хабаровском крае, посвящённый Дню России «КАРАГОД»; фольклорно-обрядовое мероприятие, краевой фестиваль-ярмарка «АмурФест

² Сфера туризма последовательно развивается в Хабаровском крае // <https://prokhab.ru/sfera-turizma-posledovatelno-razvivaetsya-v-habarovskom-krae/> (дата обращения: 02.06.2025).

Весна»; «Праздник Первой горбуши»; VIII Дальневосточный фестиваль народной музыки «На Амурских просторах»; межрайонный фестиваль-конкурс «Серебряная корюшка»; гастрономический фестиваль «Кухня без границ. Вкусный Хабаровск»³.

Одновременно респонденты подчёркивают, что возрастающий туристический поток содержит в себе и системные изъяны. Слабым звеном по-прежнему остаётся инфраструктура – отсутствие цивилизованных санитарных точек и нерегулярное сообщение с отдалёнными сёлами делает даже самые перспективные дестинации доступными лишь для энтузиастов или для туристов с высоким доходом.

Другая болевая точка – институциональная: действующие грантовые программы содержат формальные критерии, из-за которых многие семейные этнопредприятия не проходят отбор, а охрана исторических объектов, таких как петроглифические комплексы, практически отсутствует. В итоге значительная часть финансовой и организационной нагрузки ложится на плечи самих предпринимателей, которые вынуждены одновременно принимать гостей, ремонтировать дороги и убирать мусор после паводков. Как ни странно, на этом фоне локальные этнопроекты демонстрируют парадоксальную устойчивость. Семейные музеи-усадеб, где старшее поколение передаёт язык, гастрономические рецепты и танцевальные практики младшим, способны предложить гостям «живой» опыт, лишённый театральной буффонии. Доходы от приёма туристов идут не только на бытовые нужды семьи, но и на покупку материалов для мастериц, реставрацию экспозиций, организацию детских занятий. Такой подход формирует горизонтальные социальные связи – жители сёл охотнее включаются в совместные кооперации, чувствуя прямую отдачу от своего участия. Тем не менее потенциал этих инициатив ограничен.

Отсутствие стабильного механизма субсидирования ремесленного производства ведёт к сокращению ассортимента сувениров, квоты на вылов рыбы могут распределяться в пользу «лжеобщин», что подрывает гастрономическую составляющую турпродукта, а юридически неурегулированный статус территорий традиционного природопользования ставит под угрозу доступ к ключевым природным ресурсам.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что этнотуризм уже доказал свою востребованность и вполне способен стать одним из полюсов регионального развития [Перру, 2007]. Однако его дальнейшее расширение невозможно без комплексной поддержки со стороны властей. В качестве таких приоритетных мер поддержки называются – нормативное закрепление земельных прав коренных общин, адресные инфраструктурные субсидии, в том числе позволяющие обеспечить подъездные дороги, упрощённые грантовые линии для малых этнопредприятий, а также создание сети этноцентров, сочетающих музейные, образовательные, информационные и коммерческие функции.

Три интервью с представителями туристического бизнеса, действующего на территории региона, демонстрируют похожую на предыдущие результаты картину, а именно – спрос на региональные поездки вышел на траекторию устойчивого роста, однако материально-технологическая база, кадровый ресурс и нормативная база не успевают за динамикой рынка. Все респонденты фиксируют, во-первых, расширение продуктовой линейки (от этнографических экскурсионных пакетов до разовых событийных гастропадов и краткосрочных программ выходного дня) и, во-вторых – неразвитость инфраструктуры как общей, так и туристической. Внешне это проявляется в остром дефиците номерного фонда за пределами Хабаровска, слабой транспортной связанности с отдалёнными эт-

³ Пояснительная записка о ходе реализации государственной программы Хабаровского края «Развитие внутреннего и въездного туризма в Хабаровском крае», утверждённой постановлением Правительства Хабаровского края от 26 июня 2012 г. № 211-пз за 2021 год. URL: <https://mintour.khabkrai.ru/?menu=getfile&id=206>

нолокациями, отсутствии базовых городских сервисов (общественных туалетов, регулярного экскурсионного автобуса) и низкой пропускной способности аэропортовых мощностей [Пугачев, 2024]. Интервьюируемые эксперты сходятся во мнении, что одной из главных «точек притяжения» региона может и должен выступать этнокультурный ресурс. Вот несколько этнотуров:

«Нанайское ожерелье»: двухдневный тур, во время которого туристы посещают межпоселенческий центр нанайской культуры в селе Джари, участвуют в мастер-классах по национальной вышивке, работе с берестой и рыбьей кожей;

«Тропой Дерсу Узала»: маршрут включает рыбалку и сплав по реке Манома, изучение звериных следов под руководством лесных проводников-нанайцев, обряд кормления духов для удачного путешествия и ритуал камлания;

яхтенный тур по реке Амур и озеру Болонь: четырёхдневный маршрут на быстходных судах, в ходе которого туристы посещают остров Ядасен, знакомятся с петроглифами в селе Сикачи-Алян и посещают национальное село Ачан в Амурском районе⁴.

Этническая аутентичность коренных народов Дальнего Востока потенциально может формировать «якорь» федерального масштаба, если будет подтверждена системой сертификации (аналогичной Китайской системе 5A⁵) и сопровождаться управляемым вовлечением самих общин. Необходимо отметить, что неразвитость механизмов верификации порождает высокий риск псевдоэтноки и «серой» конкуренции, способной обесценить ценность турпродукта в глазах туриста.

Институциональные ограничения проявляются также и в правовом поле – локальные операторы несут непропорциональные риски за использование визуального контента и лишены целевых субсидий, которые ориентированы прежде всего на гостиничный сектор. Ин-

вестиционные инициативы государства, такие как субсидированные авиабилеты, точечное развитие глэмпингов, проект трансграничного моста на Большой Усурийский остров положительно оцениваются респондентами, но считают их недостаточными без синхронизации с маркетинговой аналитикой и системой подготовки высококвалифицированных кадров (в том числе подготовленных к работе с иностранными туристами, в частности из Китая).

Все опрошенные подчёркивают, что узким звеном остаётся потенциальная ёмкость приёма. При росте внутреннего и внешнего (прежде всего китайского) потока финансовый и организационный «вес» местных площадок остаётся низким, преимущества перераспределяются во внешние цепочки, а мультипликативный эффект в регионе сокращается. Единодушное предложение по развитию рынка можно свести к трёхкомпонентной модели: жёсткий институциональный контроль, защищающий добросовестных игроков; опережающее инфраструктурное насыщение ключевых логистических участков и точек размещения; единая стратегия цифрового продвижения, основанная на сегментированной аналитике аудитории. Респонденты полагают, что лишь при одновременном решении этих задач, «интерес к дальневосточной экзотике» трансформируется в саморазвивающуюся экосистему, способную удвоить вклад туризма в региональную экономику и закрепить этнокультурный продукт как конкурентное преимущество Хабаровского края.

В качестве следующей группы в количестве двух респондентов выступили представители региональной власти, в частности Министерства туризма Хабаровского края. Туристская отрасль Хабаровского края, как следует из интервью с представителями краевого министерства туризма, переходит от стадии распознавания потенциала к фазе сознательного,

⁴ *Этнографический туризм Хабаровского края продвигают бизнесмены* — *Новости Дальнего Востока и Приморья – Восток-Медиа* // <https://vostokmedia.com/news/2016-10-27/etnograficheskiy-turizm-habarovskogo-kraya-prodvigayut-biznesmeny-633031>. Дата обращения: 02.06.2025г.

⁵ *The 17 Most Scenic AAAAA Tourist Attractions in China*. URL: <https://www.queenbtravels.com/post/the-most-scenic-aaaaa-tourist-attractions-china>. Дата обращения 08.06.2025 г.

пусть ещё неравномерного структурирования. Респонденты подчёркивают, что туризм больше не рассматривается в качестве «вспомогательной» сферы – его начинают позиционировать как самостоятельный драйвер региональной экономики. Пока фактический вклад туристической отрасли в валовой региональный продукт невелик (около 2,7 %), но сама логика стратегии развития региона и понимание роли отрасли меняется. Поддержка концентрируется на выявлении новых точек притяжения, развитии глэмпинговых площадок, событийных форматов и коротких городских маршрутов, ориентированных как на внутреннего, так и на приграничного (прежде всего туристов из Китая) туриста. Таким образом, формируется своеобразная «матрица» базовых продуктов, которая призвана нивелировать традиционную разобщённость огромной территории и предложить рынку короткие, удобно комбинируемые поездки.

Однако стратегический замысел сталкивается с жёсткими инфраструктурными ограничениями (что коррелируется с результатами представленного выше анализа интервью). Транспортная изолированность Дальнего Востока, высокая стоимость воздушной и наземной логистики, а также ярко выраженная сезонность при резко континентальном климате формируют повышенные издержки как для туристов, так и для самих предпринимателей. Дорога, проживание, питание – каждая из этих статей затрат в регионе объективно дороже, чем в западных регионах страны, и потому инвестиционный интерес остаётся точечным. Проекты запускаются преимущественно там, где уже есть подъездная дорога, газ и стабильная связь. Регион пытается встраиваться в федеральную и международную повестку, регулярно презентует свои продукты на профильных выставках и форумах. Например, в Хабаровске проводится ежегодный Всероссийский туристический форум «Открой Дальний Восток»; край участвует во Всероссийском акселераторе по промышленному туризму «Открытая промышленность» (данный сегмент набирает популярность

среди туристов, Комсомольский туристический кластер обладает всем необходимым потенциалом для развития промышленного туризма); в выставках «ИНТУРМАРКЕТ» и «МИТТ 2024», форумах «Путешествуй» и «ОТДЫХ Leisure 2024». Край активно участвует в сопряжённых проектах, например, в формирующемся туристическом кластере вдоль Байкало-Амурской магистрали. Тем не менее эксперты справедливо замечают, что применение только выставочной активности создаёт эффект «отложенного спроса».

Реальные турпотоки начнут расти только тогда, когда интерес туристов будет подкреплён гарантированным комфортом перемещения и проживания. Отдельного внимания, по словам экспертов, требует этнокультурный туризм. Это не просто дополнение к общему предложению, а потенциально уникальное ядро бренда для Хабаровского края с богатым разнообразием этносов. Этнотуризм, будучи ресурсно-зависимым и социально чувствительным, накладывает более жёсткие требования – аутентичность практик, уважительное взаимодействие и строгое соблюдение принципа невмешательства во внутренние обряды и ритуалы. Однако на практике отсутствует достаточная инфраструктура, которая бы сделала подобное погружение доступным массовому рынку, редкие этнолокации функционируют «на энтузиазме» самих общин и, как правило, лишены устойчивого финансирования даже на элементарные нужды.

В плане повышения узнаваемости региона ставка делается на цифровые площадки и фокус-маркетинг. Китайская аудитория получает адаптированный контент на «WeChat», а внутрироссийский рынок – серию промо-роликов о северной гастрономии и фестивалях (например, «Амурская осень»). Первичные сигналы позитивные: растёт число онлайн-запросов, отмечается приток молодых предпринимателей, готовых экспериментировать с гастрономическими турами и глэмпингами. Тем не менее без быстрых улучшений сервисной инфраструктуры эффект останется «паровозным гудком, который слышно далеко, но

ехать пока некуда».

Регион вовлечён в федеральные программы Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики и получает субсидии на модульные гостиницы и горнолыжные комплексы (например, «Хехцир»), продвигает проекты «Легенды Сэвэнов», весьма перспективной точкой роста становится остров Большой Уссурийский как своеобразный туристический хаб (на него имеются обширные планы как точки сопряжения двух стран в создании совместных турпродуктов). И здесь вновь всплывает инфраструктурный разрыв. Проекты часто планируются быстрее, чем появляется дорога к ним. Особенно остро этот разрыв чувствуется в таких удалённых муниципальных районах края, как, например, Ульчский и Тутуро-Чумиканский, где нехватка автозаправок и объектов социальной инфраструктуры делает этнографический или экологический турпродукт трудно реализуемым. Несмотря на перечисленные проблемы, вектор развития очевиден. Политика краевого правительства постепенно смещается от «эксплуатационной» логики «показать редкую культуру раз в год» к модели устойчивого партнёрства между бизнесом, государством и местными сообществами. Это проявляется в желании создать несезонные форматы (например, зимние этно-фестивали, ледовые переходы на собачьих упряжках), в планах интегрировать местные ремесленные кластеры в федеральную систему маркировки «Сделано на Дальнем Востоке». Рост проектов, заявляемых молодыми предпринимателями, подтверждает наличие «предпринимательского импульса», но пока потенциал упирается в банальный дефицит оборотных средств и сложную систему грантовых конкурсов. Позиция главы региона Д. В. Демешина однозначна: «Наша задача – привести сюда массовый туризм, чтобы население зарабатывало, чтобы улучшалась инфраструктура, в том числе туристическая»⁶.

Рассматривая отрасль в целом, следу-

ет отметить, что туризм края уже вышел из фазы разрозненных инициатив. Сектор демонстрирует поступательный рост, но для перехода к следующему этапу критически важны четыре элемента: модернизация транспортной схемы, институционализация этнотуризма (включая юридические гарантии и финансовую поддержку общин), снятие барьеров для малого бизнеса и развитие несезонных концепций. При сохранении нынешнего темпа государственной и частной активности туризм способен занять существенную долю в валовом региональном продукте, а главное – стать связующим «технологическим поясом», который одновременно стимулирует локальную мобильность, конвертирует культурный капитал в доходы и закрепляет население в труднодоступных территориях.

Статистика фиксирует ежегодное увеличение числа гостей, а краевые КРП-показатели (число туристов, число занятых и объём доходов отрасли) дают стабильную восходящую кривую. Рост подкрепляется субсидированными авиарейсами, грантовыми программами на строительство глэмпингов и визит-центров, а также медиаприсутствием края на национальных форумах и международных выставках, где он демонстрирует «достойный туристический потенциал». Однако позитивная динамика столкнулась с рядом взаимосвязанных ограничений.

Во-первых, инфраструктурная разорванность. Даже в базовых направлениях не хватает качественных дорог, придорожного сервиса. Отсутствие элементарных «точек комфорта» превращает путь к любому природному объекту в испытание как для туристов, так и для операторов, вынужденных строить сервис буквально «на пустом месте».

Во-вторых, географическая удалённость территории и соответствующие логистические сложности. Перелёт до Хабаровска по-прежнему сопоставим по цене с путешествием за границу, а ограниченная авиационная инфраструктура не позволяет расширять географию рейсов.

⁶ Иванова, М. И пусть в Верхнюю Эконь приезжают туристы со всего мира. 06.06.2025г. URL: https://toz.su/newspaper/vsekh_kasaetsya_/i_pust_v_verkhnyuyu_ekon_priezzhayut_turisty_so_vsego_mira/?ysclid=mb1t2lq05j750906974. Дата обращения: 02.06.2025

В-третьих, кадровый вакуум: профессия менеджера по туристическим продуктам утратила притягательность, и найти менеджера, который в состоянии сформировать сложный турпродукт, крайне тяжело.

В-четвертых, асимметричная конкуренция между региональными туроператорами и туроператорами из других регионов страны формирует ситуацию, в которой растущий спрос наталкивается на низкую ёмкость приёма и перераспределяет выгоды к внешним игрокам.

Отдельно следует сказать о гастрономическом туризме как неотъемлемой составляющей этнотуризма. Гастрономическая культура [Капкан, 2008] выступает одним из ведущих атрибутов этнической идентичности [Похлебкин, 2004; Павловская, 2016]. В ней сосредоточена вековая мудрость народов Севера, его бесценный опыт адаптационного процесса к суровым условиям обитания. Туристы всегда с большим интересом относятся к этническим кухням, через местную пищу проникаются магией места, ведь «вмещающий ландшафт» показывает весь уникальный вкус «кормящего ландшафта», локальные продукты полученные из природных недр впитали всю биохимическую энергию [Гумилев, 1993]. Местные аборигены в ходе адаптации изучили свой «кормящий ландшафт», разработали свои кулинарные технологии в соответствии природным условиям, выработали хозяйственно-культурный тип своего жития, под гастрономическую культуру создали сложный комплекс обрядовых ритуалов согласно своим анимистическим взглядам, рефлексировали свою гастрономическую культуру в своём фольклоре и национальной культуре. Несомненно, все это вызывает интерес со стороны туриста, знакомство с пищевыми ритуалами, обрядами, кухонной утварью, кулинарными технологиями, возможность погрузиться в местную кухню – именно это привлекает современ-

ного туриста. Гастрономический туризм сейчас находится в стадии активного роста: «По данным компании Research and Markets, объем этого рынка в 2023 г. составил 946,4 млрд долл. и, согласно прогнозам, к 2032 г. достигнет 3515,1 млрд долл. при среднем темпе роста 15,7 процентов в год»⁷.

На территории Хабаровского края преобладают этносы, относящиеся к так называемым итиофагам, т. е. те, у кого в рационе преобладает рыба. Только северные народы – эвены и эвенки имеют оленеводческий и таёжный культурно-хозяйственный тип⁸. Южные районы края богаты рыбой как пресноводной, так и морской [Никольский, 1963], это мощный «кормящий ландшафт», позволяющий местным этносам в достаточном количестве заготавливать рыбу, и пищевой репертуар представлен рыбой и дикоросами. Мы выделяем две группы иктиофагов, одних мы отнесли к континентальной группе (это народы, которые селились по берегам Амура) [Иващенко, 2010], другая группа нами определена как прибрежная (это народы, которые имели выход к охотморскому побережью, эти народы кроме рыбы ещё добывали морского зверя и различные морепродукты). Северные народы ушли в специализацию по разведению оленей, поскольку «вмещающий ландшафт» имел тундровую зону, также они активно охотились и добывали пищу в тайге. В ходе своей эволюции коренные малочисленные народы Севера создали уникальную гастрономическую культуру, очень самобытную и гармоничную, ничем не уступающую таким гастрономическим культурам, как европейская и азиатская. Все дальневосточные этносы имели сложные по своему составу блюда, состоящие из двух и трёх компонентов. Кулинарная культура КМНС имела представление о совместимости продуктов, нет смешения рыбы и мяса в одном блюде, комбинаторика прослеживается в диаде «мясо-растение», «рыба-растение». Модель пи-

⁷ Для развития гастротуризма в РФ нужно законодательно закрепить это понятие и выработать стандарты. URL: // <https://rst.ru/novosti/novosti-turizma/dlya-razvitiya-gastroturizma-v-rf-nuzhno-zakonodatelno-zakrepit-eto-ponyatie-i-vyrabotatstandarty> (дата обращения: 08.06.2025).

⁸ Книга рецептов. Национальной эвенкийской кухни из села Тугур Хабаровского края. Хабаровск : МТС, «Культурный код», 2019. – 18 с.

тания имела выраженный сезонный характер, и рацион аборигенов разделялся на летний и зимний период. Опять же это подтверждает тезис об эволюционном характере всех знаний в системе питания местных этносов; народы Дальнего Востока веками формировали свою трофическую цепочку и алиментарные модели поведения [Подмаскин, 2003].

В то же время необходимо отметить, что современная гастрономическая культура КМНС находится под серьёзной угрозой. Ассимиляционные процессы привели к деградации этнических кухонь, происходили межпоколенческие разрывы, в результате утрачивались кулинарные технологии. Такой институт как семья резко сдал свои позиции в передаче знаний предков своим потомкам, атеистическое воспитание привело к утрате ритуалов и обрядов, сопровождавших трапезу, привнесённый прогресс привёл к утрате кухонной утвари, привычных практик употребления пищи в традиционных жилищах и т. д. Эти процессы ещё есть возможность остановить, возродить гастрономическую культуру КМНС, вновь обучить молодое поколение аутентичной гастрономической культуре предков.

Этнокультурный ресурс края выступает мощнейшим, но пока слабо капитализированным аспектом. Турист жаждет «прикоснуться к новой, древней истории», участвовать в настоящем нанайском обряде, изготовить сувенир своими руками. Там, где коренные жители сами ведут экскурсии и контролируют показ (например, как в Сикачи-Аляне), продукт обретает подлинность, а у общин появляется источник дохода. Но без дорог, связи и визит-центров даже лучшие инициативы остаются «карманными», более того, отсутствие целевых программ поддержки для этнопроектов делает их зависимыми от энтузиастов и разовых субсидий. При этом респонденты подчёркивают, что агрессивная коммерциализация и фольклорные «подмены» мгновенно разрушают доверие исконного путешественника, который сегодня ценит подлинную аутентичность выше любой стилизации.

Проведённые интервью отмечают и системные решения. На острове Большой Уссурийский разворачивается масштабная инвестиционная программа. Проекты «Легенды Хехцира» и «Легенды Сэвэнов» интегрируют историю, экотропы и этнографический сюжет. В городе Хабаровске тестируют «красную линию» для китайских туристов, дублируют на китайском языке указатели, обучают гидов языку партнёра. Вдоль Байкало-Амурской магистрали формируется сетевой маршрут, который связывает достопримечательности нескольких субъектов. Растёт число стартапов: молодые предприниматели берут «дальневосточные гектары», строят гостевые дома, глэмпинги, базы рыбалки, а региональные органы государственного управления организуют для них грантовые конкурсы и помогают найти производителей оборудования.

В условиях, когда климатическая сезонность жёстко ограничивает благоприятный тёплый период, предприятия учатся перераспределять нагрузку. Физически же решить проблему может только сценарий «четырёх сезонов»: круглогодичные экомаршруты на Хехцире, зимние этнопарки, зимняя гастрономическая витрина лососёвых и морепродуктов. Пока это лишь пилотные идеи, но практический спрос подтверждается уже существующими фестивалями региональной кухни, где дальневосточные папоротник, крабы и кета становятся частью гастрономического бренда территории.

«Следующие 20–30 лет для большинства аборигенных народов, проживающих в Арктическом, Сибирском и Дальневосточном регионах, станут серьёзнейшим испытанием на этническую выживаемость. Это связано с расширяющимся доступом к углеводородам и другим полезным ископаемым, новым экономическим бумом на Севере и давлением на природу, с одной стороны, и изменением климата, его влиянием на традиционное природопользование, с другой стороны. Эти годы станут испытанием и для государства, и бизнеса, где аборигенные народы станут индикаторами «нового» развития Севера, Сибири

и Дальнего Востока, нового экологического мировоззрения и новых стандартов социальной ответственности. Эти годы станут и временем надежды для коренных народов Севера с точки зрения их будущего и устойчивого развития, их вклада в многообразие единства России. И эта надежда будет зависеть от многих факторов: от государства, бизнеса, общества в целом и от них самих и их лидеров. Потому что главное богатство Севера, Сибири и Дальнего Востока – это не нефть и газ, а люди и их природное и культурное наследие, сохранение которого свидетельствует о грамотном государственном, правовом и социальном подходе.

Таким образом, применение традиционного питания способствует адаптации человека к природно-экологическим условиям Дальнего Востока благодаря набору питательных веществ, обладающих биологической активностью, с учётом особенностей ферментации в системе жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Севера. Традиционная культура коренных малочисленных народов Севера является ценным вкладом в развитие цивилизации» [Бельды, 2020].

Если краю удастся одновременно улучшить дорожную и коммунальную инфраструктуру к ключевым «этно-магнитам», закрепить юридические гарантии для коренных общин на традиционные земли и сформировать единое цифровое «окно» продажи дальневосточного турпродукта, то доля отрасли в валовом региональном продукте может дорасти до 5% к концу десятилетия. При этом принципиально важно, чтобы выгоды распределялись в пользу местных сообществ и бизнеса.

Заключение

Таким образом, вектор развития Хабаровского края заметно изменился – туризм перестаёт быть периферийной отраслью и получает шанс стать системным элементом – полюсом роста, соединяющим государственные планы, предпринимательскую энергию и культурное многообразие Дальнего Востока. Выполнение этого сценария зависит уже не от наличия природных красот или богатого наследия (их у региона достаточно), а от способности превратить разрозненные инициативы в связанную экосистему, где дорога, сервис, маркетинг и культурная аутентичность работают синхронно и формируют синергетический эффект и выводят отрасль на траекторию устойчивого развития [Сеселкин, 2014; Теличева, 2016; Рассохина, Лебедев, 2016].

Дальневосточное направление вызывает неподдельный интерес у широкого круга молодых путешественников, которые, хотя и не всегда глубоко знакомы с культурой коренных малочисленных народов, охотно готовы осваивать новые маршруты, пробовать аутентичную кухню и погружаться в этнографические традиции региона. Готовность путешественников осваивать Дальний Восток, в том числе с целью знакомства с культурой коренных народов, отражает имеющийся у региона потенциал. Однако реализовать его в полной мере получится лишь при условии расширения и улучшения инфраструктуры, грамотного продвижения и активного просвещения аудитории о тех уникальных возможностях, которые сейчас остаются в тени из-за недостатка сведений или организационных сложностей.

Список источников:

1. Бельды, О. А. Традиционная кухня нанайцев // Журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Т. XVII. Вып. 2, 2020. – С. 18–23. DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-2-18-23 EDN: APQION
2. Боринская, С. А., Козлов, А. И., Янковский, Н. К. Гены и традиции питания // Этнографическое обозрение. 2009. №3. С. 117–137. EDN: KNOXEL
3. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: ТОО «Мишель и К°», 1993. – 503 с.
4. Иващенко, Я. С. Модель традиционного питания нанайцев в контексте пищевого поведения народов Северо-Востока и Юго-Востока Азии // Вестник ТОГУ. 2010. № 4. С. 187–194. EDN: LUMWQF

5. Казначеев, В. П. Этническое разнообразно-вариантная ценность человечества и фактор его выживания // Красная книга народов. (Материалы проекта «Красная книга народов»), под ред. И.В. Ширай и др. – М.: Федерация Мира и Согласия, 1999. – Ч. 2. – С. 11–13.
6. Капкан, М. В., Лихачева, Л. С. Гастрономическая культура: понятие, функции, факторы формирования // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2008. № 55. С. 34–42. EDN: KHQNET
7. Козлов, А. И. Пища людей – Фрязино, «Век 2». 2005. – 272 с.
8. Константинов, А. А. Дальневосточная кухня. Питание и здоровье. – Хабаровск: Изд-во Хворова А.Ю., 2013. – 272 с.
9. Леонов, С. Н., Шеварёва, Я. С. Проблемы и перспективы развития традиционных видов хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Дальнего Востока // Регионалистика. 2017. №2. С 26–45. EDN: YLOVWH
10. Никольский, Г. В. Река Амур и её рыбы. – Хабаровск: Кн. Изд., 1963. – 99 с.
11. Павловская, А. В. Понятие национальной кухни: к теории вопроса // Материалы II Международного симпозиума. История еды и традиции питания народов мира. Выпуск II. – М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2016. – С. 64–75. EDN: WDXHXV
12. Перру, Ф. Экономическое пространство: теория и приложения // науч. журнал «Пространственная экономика». 2007. № 2. С. 77–93.
13. Поветкина, А. А. Этнический туризм: ценности и смыслы организации в российских регионах и за рубежом // Культурный код. 2024. №1. С. 93 – 108. DOI: 10.36945/2658-3852-2024-1-93-108 EDN: ATGCXO
14. Подмаскин, В. В. Этнические особенности здоровья народов юга Дальнего Востока: проблемы типологии врачевания и питания: сер. XIX–XX в. Владивосток : Дальнаука, 2003. 224 с.
15. Похлебкин, В. В. Национальные кухни наших народов. М.: Центрполиграф, 2004. – 330 с. ISBN: 5-9524-0718-8 EDN: QNFYGG
16. Пугачев, И. Н., Клиценко, М. В., Шадрин, Н. В. Вопросы транспортного обслуживания в сфере туризма на Дальнем Востоке России. Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. 2024. № 5. С. 56–59. EDN: AG-PHZW
17. Рассохина, Д. В., Лебедев, К. А. Реализация принципов устойчивого развития в целях оптимизации системы конкурентоспособности туристской дестинации. // Сервис в России и за рубежом № 2. 2016. С. 87–100. DOI: 10.12737/19724 EDN: VZ-KIDN
18. Сеселкин, А. И. Устойчивое развитие туризма как приоритетное направление деятельности туристской организации: постановка проблемы исследования // Вестник РМАТ. № 1. 2014. С. 9–14. EDN: TDVBYB
19. Теличева, Е. Г. Критерии устойчивого развития туристической дестинации Хабаровского края // Учёные заметки ТОГУ 2016, Том 7. № 4. С. 761–766. EDN: XS-DEER
20. Тураев, В. А. Особенности идентификации малочисленных народов Дальнего Востока в условиях трансформации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. №1 (32). С. 23–33. EDN: TWEQJJ
21. Шевченко, В. К., Ден, В. Г. Коренные малочисленные народы в национальных парках: проблемы и перспективы соуправления (на примере Приморского края) // Известия БГУ. 2022. №4. С. 751–760. DOI: 10.17150/2500-2759.2022.32(4).751-760 EDN: DYUAXT

References:

1. Beldy, O. A. (2020) Traditional Nanaian Cuisine. *Social and Humanitarian Sciences in the Far East*, vol. XVII, is. 2, pp. 18–23. DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-2-18-23 EDN: APQIOH (in Russ.).

2. Borinskaya, S. A., Kozlov, A. I., Yankovsky, N. K. (2009) Genes and Dietary Traditions. *Ethnographic Review*, no. 3, pp. 117–137. EDN: KHOXEL (in Russ.).
3. Gumiley, L. N. (1993) *Ethnogenesis and the Earth's Biosphere*. – Moscow: TOV “Michel and Co.”, 503 p. (in Russ.).
4. Ivashchenko, Ya. S. (2010) The model of traditional nutrition of the Nanai in the context of food behavior of the peoples of the North-East and Southeast Asia. *Bulletin of TogU*, no. 4, pp. 187–194. EDN: LUMWQF (in Russ.).
5. Kaznacheev, V. P. (1999) Ethnic diversity-variant value of humanity and factor of its survival. *Red Book of the Peoples. (Materials of the project “Red Book of Peoples”)*, edited by I.V. Shirai et al. – M.: Federation of Peace and Accord, part 2, pp. 11–13. (in Russ.).
6. Kapkhan, M. V., Likhacheva, L. S. (2008) Gastronomic Culture: Concept, Functions, and Formation Factors. *Izvestiya of the Ural State University. Series 2. Humanities*, no. 55, pp. 34–42. EDN: KHQNET
7. Kozlov, A. I. (2005) People's Food – Fryazino, “Vek 2”, 272 p. (in Russ.).
8. Konstantinov, A. A. (2013) *Far Eastern Cuisine. Nutrition and Health*. – Khabarovsk: Khvorov A.Yu. Publishing House, 272 p. (in Russ.).
9. Leonov, S. N., Shevareva, Ya. S. (2017) Problems and Prospects of Development of Traditional Economic Activities of Indigenous Peoples of the North of the Far East. *Regionalistics*, no. 2, pp. 26–45. EDN: YLOVWH (in Russ.).
10. Nikolsky, G. V. (1963) *The Amur River and Its Fishes*. – Khabarovsk: Kn. Izd., 99 p. (in Russ.).
11. Pavlovskaya, A. V. (2016) The Concept of National Cuisine: Towards a Theory of the Issue in Materials of the II International Symposium. *History of Food and Dietary Traditions of the Peoples of the World. Issue II*. – Moscow: Center for the Study of Cultural Interaction, pp. 64–75. EDN: WDXHXB (in Russ.).
12. Perroux, F. (2007) Economic Space: Theory and Applications. *Spatial Economics*, no. 2, pp. 77–93. (in Russ.).
13. Povetkina, A. A. (2024) Ethnic Tourism: Values and Meanings of the Organization in Russian Regions and Abroad. *Cultural Code*, no. 1, pp. 93 – 108. DOI: 10.36945/2658-3852-2024-1-93-108 EDN: ATGCXO (in Russ.).
14. Podmaskin, V. V. (2003) Ethnic Features of the Health of the Peoples of the South of the Far East: Problems of the Typology of Medicine and Nutrition: Ser. 19th–20th Centuries. Vladivostok: Dalnauka, 224 p. (in Russ.).
15. Pokhlebin, V. V. (2004) *National Cuisines of Our Peoples*. Moscow: Tsentrpoligraf, 330 p. ISBN: 5-9524-0718-8 EDN: QNFYGG (in Russ.).
16. Pugachev, I. N., Klicenko, M. V., Shadrin, N. B. (2024) Issues of transport service in the field of tourism in the Russian Far East. *Transport of the Russian Federation. Journal on science, practice, and economics*, no. 5, pp. 56–59. EDN: AGPHZW (in Russ.).
17. Rassokhina, D. V., Lebedev, K. A. (2016) Implementation of the principles of sustainable development in order to optimize the system of competitiveness of a tourist destination. *Service in Russia and Abroad*, no. 2, pp. 87–100. DOI: 10.12737/19724 EDN: VZKIDH (in Russ.).
18. Seselkin, A. I. (2014) Sustainable development of tourism as a priority area of activity of a tourist organization: statement of the problem of research. *Vestnik RMAT*, no. 1, pp. 9–14. EDN: TDVBYB (in Russ.).
19. Telicheva, E. G. (2016) Criteria for Sustainable Development of the Khabarovsk Territory Tourist Destination. *Scientific Notes of TSU*, vol. 7, no. 4, pp. 761–766. EDN: XSDEER (in Russ.).
20. Turaev, V. A. (2015) Features of the Identification of the Indigenous Peoples of the Far East in the Context of Transformation. *Oikumena. Regional studies*, no. 1 (32), pp. 23–33. EDN: TWEQJJ (in Russ.).
21. Shevchenko, V. K., Den, V. G. (2022) Indigenous Peoples in National Parks: Problems and Prospects of Co-Management (Based on the Primorsky Krai). *Izvestiya of the Be-*

larusian State University, no. 4, pp. 751–760. DOI: 10.17150/2500-2759.2022.32(4).751-760 EDN: DYUAXT (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.08.2025; одобрена после рецензирования 21.11.2025; принята к публикации 23.11.2025.

The article was submitted 26.08.2025; approved after reviewing 21.11.2025; accepted for publication 23.11.2025.

Информация об авторах

М. В. Ивашкин – доктор экономических наук, профессор, профессор Высшей школы медиа, коммуникаций и сервиса, Тихоокеанский государственный университет;

В. А. Синюков – кандидат экономических наук, доцент, руководитель Высшей школы менеджмента, Тихоокеанский государственный университет;

В. В. Кузнецов – аспирант, Тихоокеанский государственный университет;

Ж. Ж. Чимитдоржиев – кандидат медицинских наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

M. V. Ivashkin – Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the of Media, Communications and Service, the Pacific State University;

V. A. Sinyukov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Higher School of Management, the Pacific State University;

V. V. Kuznetsov – graduate student, the Pacific State University;

Zh.Zh. Chimitdorzhiev – Candidate of Medicine, Associate Professor, the Chair of Management and Public Administration, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern Institute of Management – branch of RANEPА.

ПРЕДСТАВЛЯЮ К ЗАЩИТЕ

Научная статья
УДК 314.748 (571.6)
<https://elibrary.ru/UYLADW>

Между аккультурацией и сохранением идентичности: стратегии этнических мигрантов в Хабаровском крае

Ирина Фёдоровна Касич

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
kacich-if@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0379-7872>

Аннотация. Статья посвящена анализу динамики аккультурационных стратегий этнических мигрантов в Хабаровском крае в среднесрочной перспективе. Актуальность исследования обусловлена ключевой ролью миграционного потенциала для демографического и экономического развития Дальневосточного региона России, эффективность реализации которого напрямую зависит от успешности интеграции новых жителей. Теоретической основой исследования выступает модель аккультурации Дж. Берри, которая для контекста Дальнего Востока России дополнена параметрами инструментальной рациональности и транзитности миграционных потоков. Эмпирическую базу составили результаты двух социологических исследований, проведенных в 2019 г. и 2025 г. среди членов этнических общин, входящих в Ассамблею народов Хабаровского края, с использованием вероятностной пропорциональной выборки. Сравнительный анализ данных выявил позитивную, но структурно неоднородную динамику. Показано укрепление установок на долговременное пребывание в регионе, значительный рост языковой компетенции (свободное владение русским языком увеличилось) и повышение готовности к социальному взаимодействию с принимающим сообществом. В то же время зафиксирована устойчивость ядра идентичности, проявляющаяся в неприятии глубоких личностных изменений (межэтнические браки, смена религии). На основе балльной оценки показано, что при сохранении общего интегрального показателя адаптивности его структура изменилась в сторону большей открытости при сохранении базовых культурных ценностей. Делается вывод о формировании в регионе модели селективной аккультурации, носящей инструментально-прагматический характер. Результаты важны для корректировки региональной миграционной и интеграционной политики.

Ключевые слова: аккультурация, этнические мигранты, интеграция, идентичность, Хабаровский край, селективная аккультурация, миграционная политика, Дальний Восток России

Для цитирования: Касич, И. Ф. Между аккультурацией и сохранением идентичности: стратегии этнических мигрантов в Хабаровском крае // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 4 (113). С. 146–155. EDN: UYLADW

Between Acculturation and Identity Preservation: Strategies of Ethnic Migrants in the Khabarovsk Krai

Irina F. Kacich

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia
kacich-if@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0379-7872>

Abstract. *The article analyzes the dynamics of acculturation strategies of ethnic migrants in the Khabarovsk Krai within the medium term. The study is relevant due to the key role of migration potential for the demographic and economic development of the Russian Far Eastern region, the effective realization of which directly depends on the successful integration of new residents. The theoretical basis of the research is John W. Berry's model of acculturation supplemented by instrumental rationality and transit nature of migration flows within the Russian Far East context. Two sociological studies made by in 2019 and 2025 among members of ethnic communities belonging to the Assembly of Peoples of the Khabarovsk Krai provided empirical material for the research. A comparative analysis of the data revealed positive, but structurally heterogeneous dynamics. The research shows that attitudes towards long-term residence in the region have strengthened, language competence has significantly increased (proficiency in the Russian language increased), and readiness for social interaction with the host community has improved. At the same time, there has appeared the stability of the core identity manifested in the rejection of profound personal changes (interethnic marriages, change of religion). Basing on a scoring assessment the research shows that while the overall integral indicator of adaptability remains unchanged, its structure has changed towards greater openness while preserving basic cultural values. The paper concludes about the formation of a selective acculturation model in the region, which is of instrumental and pragmatic nature. The results are important for adjusting regional migration and integration policies.*

Keywords: *acculturation, ethnic migrants, integration, identity, Khabarovsk Krai, Jhon Berry, selective acculturation, migration policy, Russian Far East*

For citation: Kacich, I. F. (2025) Between Acculturation and Identity Preservation: Strategies of Ethnic Migrants in the Khabarovsk Krai. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 4 (113), pp. 146–155. EDN: UYLADW

Введение

Социокультурная адаптация этнических мигрантов представляет собой одну из наиболее значимых проблем для современных полиэтнических обществ, особенно в стратегически важных приграничных регионах, каким является Дальний Восток России. В условиях демографических вызовов миграционный потенциал становится ключевым ресурсом развития территории, однако его эффективная реализация напрямую зависит от успешности интеграции новых жителей в принимающее сообщество. Этот процесс носит двусторонний характер, порождая комплекс социальных взаимодействий, центральным противоречием которых является поиск мигрантами баланса между принятием новых культурных норм и сохранением собственной этнической идентичности. Изучение стратегий, избираемых мигрантами в данном контексте, позволяет не только диагностировать текущее состояние межэтнических отношений, но и прогнозировать социальную стабильность региона в долгосрочной перспективе.

Методология исследования

Теоретико-методологические основы социологического анализа исследуемой проблемы были сформированы через изучение трудов российских и зарубежных ученых. В современной социологической науке проблема интеграции мигрантов осмысливается преимущественно через призму теорий аккультурации. Классическая модель Дж. Берри [Berry, 1997], ставшая методологическим фундаментом для множества эмпирических исследований и занявшая центральное место при анализе адаптационных стратегий этнических мигрантов, предлагает двухфакторную систему координат, в рамках которой процесс социокультурной адаптации рассматривается через призму взаимоотношений мигранта с принимающим обществом и собственной этнокультурной группой.

Методологическая стройность модели Дж. Берри заключается в ее дихотомической структуре, основанной на двух фундаментальных вопросах, с которыми сталкивается каждый мигрант. Первый вопрос касается степени важности сохранения своей культурной идентичности – языка, традиций, норм поведе-

ния и системы ценностей. Вторым вопросом связан со стремлением к установлению и поддержанию отношений с другими группами, прежде всего с доминирующим принимающим обществом. Комбинация ответов на эти вопросы формирует четыре базовые аккультурационные стратегии. Интеграция как стратегия характеризуется высоким уровнем сохранения культурной идентичности при одновременном активном участии в жизни принимающего общества. Ассимиляция представляет собой процесс аккультурации, в ходе которого индивид или группа добровольно или вынужденно утрачивают первоначальные культурные черты. Сепарация или сегрегация – модель сосуществования, основанная на принципе изоляции и автономного развития культурных общностей. Маргинализация возникает, когда мигранты утрачивают связь с культурой происхождения, но при этом не интегрируются в новое общество, оказываясь в своего рода идентичностном вакууме.

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что процесс аккультурации не является монолитным. Индивид может избирательно применять различные стратегии адаптации в зависимости от конкретной сферы жизни. Например, в брачных практиках может доминировать сепаратизм, в выборе стиля одежды – ассимиляция, тогда как в гастрономических пристрастиях или праздновании значимых дат – интеграционный подход.

В дополнение к классическим моделям аккультурации существует крайняя форма воздействия со стороны доминирующей группы – геноцид. Данная стратегия предполагает целенаправленное физическое уничтожение отдельной этнической общности.

Ключевой проблемой рассмотренных стратегий преодоления межкультурных противоречий (за исключением интеграции) является их деструктивный характер. Все они, по сути, предлагают не разрешить конфликт, а ликвидировать сам его источник. Это достигается либо через физическое уничтожение носителей иной культуры (геноцид), либо через принудительное стирание их идентичности (ассимиляция), либо через изоляцию (сегрегация), либо через игнорирование, ведущее к маргинализации. Подобные подходы иг-

норируют единственно конструктивный путь – построение диалога и улучшение взаимопонимания. Фундаментом для такого диалога должно стать осознание простой, но фундаментальной истины: культурное разнообразие – это объективная реальность любого общества. Принятие этого факта автоматически делает стратегии геноцида и ассимиляции морально и социально неприемлемыми.

Согласно преобладающим научным подходам, интеграция рассматривается как оптимальная модель аккультурации, эффективная как для отдельного человека, так и для групп и общества в целом. Данная стратегия закладывает основу для формирования поликультурного социума, где сохраняется многообразие этнических и культурных традиций. Таким образом, интеграция представляет собой альтернативу модели «плавильного котла», в рамках которой уникальные характеристики меньшинств нивелируются под давлением доминирующей культуры.

Жизнь на чужбине рано или поздно заставляет мигрантов приспосабливаться к местным порядкам, даже самым чуждым. Однако реакция на это давление бывает разной: одни пытаются оградиться от нового влияния, другие проявляют большую гибкость. При этом многие беженцы с трудом переносят столкновение с иными ценностями – религиозными, социальными или моральными. Столкновение с чужой культурой часто вызывает тяжелое психологическое состояние, которое Дж. Берри назвал «стрессом аккультурации». Он похож на смесь депрессии, тревоги и недоверия к окружающим. Психологи видят его причину в том, что рушатся все привычные жизненные устои, и человек чувствует себя потерянным. Целые сообщества мигрантов переживают из-за того, что их старые правила жизни и экономические модели больше не работают. А отдельный человек в такой ситуации может столкнуться с депрессией, злостью, неуверенностью в себе и потерей ощущения «кто я есть».

Насколько сложно придется мигранту в новой стране, напрямую зависит от различий между культурами. Исследования показывают, что главные трудности возникают из-за смены образа жизни, потери статуса, перестройки мышления и эмоций, изменения поведения и семей-

ных ролей. Скорость привыкания зависит от того, насколько культуры похожи, от открытости местных жителей и от того, насколько точной информацией о новой стране обладает мигрант. Все эти аспекты должны быть в фокусе внимания психологов, медицинских работников, педагогов, работающих с переселенцами.

Сроки адаптации у всех разные и зависят от двух вещей: личных качеств (возраст, пол, образование, гибкость мышления, умение общаться) и жизненных обстоятельств (причина переезда, предыдущий опыт, подготовленность и взаимоотношения с местным населением).

Характер межкультурного взаимодействия формируется под влиянием целого комплекса взаимосвязанных условий. Прежде всего, ключевую роль играет территориальный контекст: является ли пространство общим нейтральным полем, или же оно воспринимается как «своя» территория одной из групп. Не менее важны временные параметры: продолжительность контактов и их целевая направленность, будь то краткосрочное сотрудничество или долгосрочное сосуществование. Глубина и качество взаимодействия определяются типом вовлеченности в социальную жизнь, частотой межличностных контактов и степенью их личностной значимости. Фундаментальное влияние оказывает баланс сил и статусов: относительное равенство в правах и возможностях, а также численное соотношение между группами создают базовую структуру для диалога. Наконец, явные внешние маркеры различий – язык, религиозная принадлежность или физические особенности – выступают постоянным видимым фоном, который может как усложнять, так и обогащать коммуникацию. Все эти факторы в совокупности создают уникальный ландшафт, в котором разворачивается межкультурный диалог.

Особую ценность модели Берри придает ее динамический характер – аккультурационные стратегии не являются раз и навсегда заданными, а могут трансформироваться под влиянием как индивидуальных факторов (длительность пребывания, возраст, образование), так и характеристик принимающего общества (уровень толерантности, миграционная политика). Именно этот аспект делает

модель особенно релевантной для проведения сравнительного анализа данных за различные временные периоды, как в случае нашего исследования, охватывающего 2019 г. и 2025 г.

Применение классической модели аккультурации Дж. Берри к анализу интеграционных процессов мигрантов на Дальнем Востоке России требует существенной корректировки с учетом уникального сочетания региональных характеристик. Специфика региона формирует особый контекст, в котором традиционные аккультурационные стратегии приобретают выраженную инструментальную окраску и селективный характер.

Ключевым модифицирующим фактором выступает транзитный характер миграционных потоков. Географическая близость к странам АТР, сезонность занятости и слабая развитость социальной инфраструктуры обуславливают преобладание временных и циркулярных миграционных моделей. В этой связи выбор стратегии сепарации или ограниченной интеграции часто отражает не культурную дистанцию, а рациональное адаптивное поведение, ориентированное на временный характер пребывания.

Существенную роль играет приграничный статус региона, формирующий эффект «буферной зоны». Мигранты часто рассматривают пребывание на Дальнем Востоке как промежуточный этап перед репатриацией или дальнейшей миграцией, что снижает мотивацию к глубокой социокультурной интеграции. Это приводит к формированию гибридных идентичностей, сочетающих инструментальное принятие отдельных элементов принимающей культуры с сохранением базовых культурных паттернов.

Демографический дисбаланс, выражающийся в преобладании мужской трудовой миграции и отсутствии семейных моделей адаптации, ограничивает сферу аккультурации преимущественно профессиональной доминантой. В сочетании с климатической и транспортной изолированностью это порождает особый тип «адаптации выживания», где культурные аспекты уступают прагматическим потребностям.

Важным модифицирующим фактором выступает институциональный

контекст. Слабая развитость институтов гражданского общества и программ социокультурной адаптации усиливает роль этнических сетей как основных каналов адаптации. Это способствует воспроизводству стратегий сепарации даже при наличии установок на интеграцию.

В результате классическая модель Берри требует дополнения параметром «инструментальной рациональности». Для дальневосточного контекста более релевантным представляется концепт «селективной аккультурации», когда мигранты избирательно заимствуют только те элементы принимающей культуры, которые необходимы для решения практических задач (языковая компетенция, профессиональные навыки), сохраняя при этом базовые культурные паттерны в приватной сфере.

Эмпирические данные нашего исследования, демонстрирующие сочетание высокой значимости сохранения этнической идентичности с ростом языковой компетенции и установок на закрепление в регионе, подтверждают гипотезу о формировании именно такой селективной модели аккультурации в дальневосточном регионе.

Таким образом, уточненная модель аккультурации для Дальнего Востока России должна учитывать не только классические дихотомии «сохранение идентичности – участие в жизни общества», но и параметры временной перспективы, инструментальной рациональности и институциональных условий, определяющих избирательный характер адаптационных стратегий мигрантов в специфических условиях региона.

Как справедливо отмечают отечественные исследователи Л. М. Дробижина, В. А. Тишков и др. [Дробижина, 2003; Тишков, 2003], процессы адаптации в России осложняются факторами постсоветского пространства, наличием «разделенных народов», а также характерной для дальневосточных территорий высокой мобильностью населения и транзитностью миграционных потоков. В этой связи стратегия интеграции, признаваемая большинством ученых в качестве наиболее успешной, на практике часто трансформируется в более сложные и противоречивые модели поведения.

В работах, посвященных миграцион-

ной ситуации на Дальнем Востоке (исследования А. А. Киреева, М. В. Ноженко, Е. В. Мотрич и др.) [Киреев, 2017; Ноженко, 2018; Мотрич, 2016. С. 29], неоднократно подчеркивалась тенденция к формированию этнических анклавов и высокая значимость этнических сетей как каналов миграции и адаптации. Это создает предпосылки для доминирования стратегий сепарации или «мягкой» сепарации, когда формальная лояльность к принимающему обществу сочетается с минимальными глубинными контактами за пределами экономической сферы. Вместе с тем отмечается, что длительность проживания и генерационный статус (переезд семьи, рождение детей) являются ключевыми факторами, смещающими предпочтения мигрантов в сторону большей открытости.

Однако существующие исследования часто носят точечный характер и фиксируют ситуацию на определенный момент времени. Недостаточно изученной остается динамика аккультурационных стратегий под влиянием изменяющихся социально-экономических условий, миграционной политики и трансформации общественного мнения. Мониторинговые исследования, позволяющие отследить сдвиги в ценностных ориентациях и интеграционных установках мигрантов в среднесрочной перспективе (5–7 лет), являются научной лакуной, которую призвана частично заполнить настоящая статья.

Обсуждаемая тема в современной социологии представлена большим количеством научных работ, что говорит о ее актуальности. К наиболее значимым для данной темы относятся работы И. В. Гришина, А. В. Дмитриева, В. С. Малахова, Н. С. Мاستиковой, В. И. Мукомель [Дмитриев, Слепцов, 2014; Малахов, 2015; Мукомель, 2011; Цапенко, Гришин, Преображенская, 2018].

Эмпирическая база исследования

Эмпирической основой исследования выступили данные социологического опроса «Выявление отношения самих мигрантов к принимающему сообществу», реализованного в 2025 г. на базе Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС. Инструментом сбора эмпирических данных послужила анкета, размещенная в веб-интерфейсе Яндекс Формы. Распространение на це-

левую аудиторию обеспечивалось за счет публикации ссылки на опросник в ряде открытых сообществ социальных сетей. Кроме того, применялся метод раздаточного анкетирования.

В исследовании приняли участие 328 мигрантов, проживающих на территории Хабаровского края. Целью исследования являлось выявление отношения самих мигрантов к принимающему сообществу, к условиям жизни на Дальнем Востоке России, к возможности остаться здесь на длительное время.

Для проведения сравнительного вторичного анализа были привлечены результаты одноименного опроса, проведенного в 2019 г. тем же образовательным учреждением. Совокупность составляли этнические мигранты в количестве 425 человек. Использовалась простая вероятностная выборка пропорционально численности этнических мигрантов внутри каждой общественной организации.

Результаты исследования

С целью выявления отношения самих мигрантов к принимающему сообществу, к условиям жизни на Дальнем Востоке России, к возможности остаться здесь на длительное время нами были проведены сравнительные исследования в 2019 г. и 2025 г. среди этнических мигрантов, находящихся на территории Хабаровского края. Генеральную совокупность в обоих случаях составляли этнические мигранты – члены общин и организаций, входящих в состав Ассамблеи народов Хабаровского края. В 2019 г. выборка составила 425 человек, в 2025 году – 328 человек. В обоих исследованиях использовалась простая вероятностная выборка, пропорциональная численности мигрантов внутри каждой организации, что обеспечивает репрезентативность и сопоставимость данных.

Сравнительный анализ данных выявил как устойчивые тренды, так и значимые изменения в адаптационно-ценностных установках мигрантов. Показатели, полученные в 2019 г., позволили зафиксировать исходную модель интеграционных предпочтений. Так, за сохранение традиций своей нации тогда высказались 49,6% респондентов, а за соединение людей всех национальностей вместе – лишь 16,7%. Повторный замер в 2025 г. показал заметный сдвиг в сторону большей

открытости: доля тех, кто выступает за объединение с принимающим сообществом, выросла до 24,1%, в то время как установка на строгое сохранение национальной идентичности снизилась до 41,5%. Доля респондентов, не видящих необходимости в адаптации, сократилась с 13,3% до 8,9%, что свидетельствует о росте интеграционных ожиданий.

В целом результаты 2025 г. подтверждают позитивный настрой большинства мигрантов, но с важными уточнениями. Как и шесть лет назад, опрашиваемые демонстрируют готовность к культурному обмену. Однако в сфере глубокой, личностной интеграции сохраняется выраженная осторожность. Если в 2019 г. против межэтнических браков высказывались 74,2%, то в 2025 г. этот показатель практически не изменился (73,8%). Аналогичная стабильность наблюдается в неприятии смены религии (89,7% в 2019 г. против 88,9% в 2025 г.) и имени/фамилии (64,4% против 63,1%) (табл. 1–3).

При этом значительно выросла языковая компетенция: доля свободно говорящих на русском языке увеличилась с 57,6% до 70,3%, а доля тех, кто в повседневной жизни использует оба языка, выросла с 29% до 36% (табл. 4 и 5).

Динамика в области этнической идентичности и планов на будущее указывает на сложные, разнонаправленные процессы. В 2019 г. 59,9% опрошенных очень высоко ценили превосходство своего этноса, что было охарактеризовано как высокий негативный показатель. К 2025

г. эта доля снизилась до 52,5%, однако все еще остается значительной. Соответственно, выросла с 40,1% до 47,5% доля тех, кто относится к другим этносам равноценно и готов к сотрудничеству. Наиболее обнадеживающий тренд – рост миграционных установок на закрепление в регионе: если в 2019 г. остаться в Хабаровском крае планировали 46,3% респондентов, то в 2025 г. – уже 54,7%. Доля планирующих вернуться на родину снизилась с 30,4% до 24,8%. Оценка комфортности условий жизни в крае также улучшилась с 48,4% до 55,6%.

Анализ показывает, что при сохранении общего среднего уровня адаптивности, ее структура претерпела важные изменения. Значимость национальных обычаев, оставаясь высокой, несколько снизилась, уступив место росту готовности к повседневным контактам и взаимодействию. Это указывает на переход от модели культурной замкнутости к более прагматичной и открытой стратегии интеграции, при которой базовые ценности сохраняются, но повышается важность практического взаимодействия с принимающим сообществом.

Сравнительный анализ данных за 2019 г. и 2025 г. свидетельствует о позитивной, хотя и неоднородной динамике интеграционных процессов. Наблюдается укрепление установок на долговременное пребывание в регионе, рост языковой адаптации и повышение готовности к социальному взаимодействию при сохранении идентичности. Полученные

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы в целом относитесь к идее вступления Ваших близких родственников в брак с человеком другой национальности?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	2019 г. (%)	2025 г. (%)
Полностью не приемлю	40,1	39,5
Скорее не приемлю	34,1	34,3
Затрудняюсь ответить	9,1	8,4
Скорее приемлю	11,6	10,6
Полностью приемлю	5,1	7,2

Источник: социологические исследования по теме: «Выявление отношения самих мигрантов к принимающему сообществу», 2019 г., 2025 г.¹

¹ Социологическое исследование по теме: «Выявление отношения мигрантов к принимающему сообществу», проведенное в 2019 году. Было опрошено 425 мигрантов, проживающих на территории Хабаровского края, и социологическое исследование по теме: «Выявление отношения самих мигрантов к принимающему сообществу», проведенное в 2025 году. Было опрошено 328 мигрантов, проживающих на территории Хабаровского края. Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС. Научный руководитель: Кривоносова Л. А., доктор социологических наук, профессор.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Представьте, что для успешной карьеры или полного принятия в новом обществе от Вас потребовали бы сменить вероисповедание. Как Вы отреагируете?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	2019 г. (%)	2025 г. (%)
Ни при каких условиях не соглашусь	53,6	54,2
Скорее не соглашусь	36,1	34,7
Затрудняюсь ответить	2,1%	1,9
Возможно, согласился(ась) бы при крайней необходимости	6,1	5,7
Согласился(ась) бы, если бы это решило многие проблемы	2,1	3,5

Источник: социологические исследования по теме: «Выявление отношения самих мигрантов к принимающему сообществу», 2019 г., 2025 г.¹

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к возможности сменить имя или фамилию на более привычные для коренного населения страны?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	2019 г. (%)	2025 г. (%)
Категорически против	42,2	43,4
Скорее против	22,2	19,7
Затрудняюсь ответить / Мне все равно	6,2	5,7
Скорее не против, если это будет полезно	17,6	21,5
Полностью согласен(на), это облегчит коммуникацию	11,8	9,7

Источник: социологические исследования по теме: «Выявление отношения самих мигрантов к принимающему сообществу», 2019 г., 2025 г.¹

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили в целом уровень Вашего владения русским языком?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	2019 г. (%)	2025 г. (%)
Свободно говорю, читаю и пишу	57,6	70,3
В основном понимаю и могу объяснить	21,3	22,5
Понимаю с трудом, говорю очень плохо	17,2	6,1
Практически не владею	3,9	1,1

Источник: социологические исследования по теме: «Выявление отношения самих мигрантов к принимающему сообществу», 2019 г., 2025 г.¹

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «На каком языке Вы чаще всего общаетесь в повседневной жизни (в семье, с друзьями, в магазине)?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	2019 г. (%)	2025 г. (%)
Только на русском	5,6	7,3
И на русском, и на родном языке в равной мере	29	36
В основном на родном, русский использую редко	53,1	46,5
Только на родном	12,3	10,2

Источник: социологические исследования по теме: «Выявление отношения самих мигрантов к принимающему сообществу», 2019 г., 2025 г.¹

результаты важны для корректировки региональной миграционной и интеграционной политики.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что процессы социокультурной адаптации этнических мигрантов в Хабаровском крае характеризуются сложной, разнонаправленной динамикой, анализ которой требует учета уникального

регионального контекста. Сравнительный анализ эмпирических данных за 2019 г. и 2025 г. выявил не линейное движение классической интеграции, а формирование специфической модели селективной аккультурации.

Ключевые научные результаты и выводы заключаются в следующем. Подтверждена гипотеза о трансформации аккультурационных стратегий. Эмпири-

ческие данные свидетельствуют о значимом позитивном сдвиге в установках мигрантов: снижение доли респондентов, ориентированных на строгое сохранение идентичности (с 49,6% до 41,5%), и рост готовности к объединению с принимающим сообществом (с 16,7% до 24,1%). При этом интегральный показатель адаптивности остался стабильным (3,4 балла), что указывает не на стагнацию, а на перераспределение значимости отдельных аспектов адаптации. Выявлена структурная трансформация адаптационного процесса. Наблюдается переход от модели культурной ригидности к прагматичной открытости. С одной стороны, сохраняется высокая значимость базовых этнокультурных маркеров (неприятие межэтнических браков, смены религии и имени). С другой – фиксируется существенный рост готовности к повседневному социальному взаимодействию (контакты с местными жителями, взаимодействие с другими этносами) и языковой компетенции (свободное владение русским языком выросло с 57,6% до 70,3%). Это подтверждает тезис об инструментальной рациональности в выборе адаптационных стратегий. Установлена связь между изменением временной перспективы и интеграционными установками. Наиболее обнадеживающим трендом является рост установок на долговременное закрепление в регионе (с 46,3% до 54,7%). Это свидетельствует о том, что транзитный характер миграции на Дальнем Востоке России постепенно уступает место более устойчивым моделям, что является ключевым фактором,

стимулирующим не инструментальную, а глубинную социокультурную интеграцию. Доказана необходимость адаптации классических теоретических моделей к региональной специфике. Применение модели Дж. Берри показало, что для дальневосточного контекста она требует дополнения параметрами «временной перспективы» и «инструментальной рациональности». Стратегии мигрантов зачастую определяются не столько культурной дистанцией, сколько прагматическим расчетом, связанным с сезонностью занятости, планами на репатриацию и слабым развитием инфраструктуры поддержки. Научная новизна исследования состоит в эмпирическом обосновании концепта «селективной аккультурации» как доминирующей модели для приграничных транзитных регионов, а также в реализации мониторингового подхода, позволившего зафиксировать динамику аккультурационных стратегий в среднесрочной перспективе. Практическая значимость результатов определяется их прикладным потенциалом для органов государственной и муниципальной власти.

Таким образом, интеграционный потенциал Хабаровского края, несмотря на сохраняющиеся вызовы, демонстрирует позитивную динамику. Дальнейшие исследования в данном направлении целесообразно сосредоточить на анализе роли институтов гражданского общества и местных сообществ в углублении интеграционных процессов, а также на изучении адаптационных траекторий мигрантов второго поколения.

Список источников:

1. Дмитриев, А. В., Слепцов, Н. С. Конфликты миграции. – М.: Альфа-М, 2004. – 224 с.
2. Дробужева, Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – 376 с.
3. Киреев, А. А. Пограничная политика России на Дальнем Востоке: динамика задач и результатов // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 3. С. 95–108. EDN: QOTVJZ
4. Малахов, В. С. Интеграции мигрантов. Концепции и практики: монография: Изд-во Фонд «Либеральная миссия», 2015. – 272 с. EDN: YRXTVZ
5. Мотрич, Е. А. Демографическая ситуация на дальнем востоке России: основные тренды и вызовы // Народонаселение. 2016. № 1-1. С. 25–33.
6. Мукомель, В. И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. № 1. С. 34–50. EDN: VWEUEN
7. Ноженко, М. В. Этнические мигранты в мегаполисе: проблемы интеграции

- // Общественные науки и современность. 2018. № 4. С. 115–128. EDN: NUEKPH
8. Тишков, В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с. DOI: 10.31857/S086904990000370-9 EDN: YAMMNV
9. Цапенко, И. П., Гришин, И. В., Преображенская, А. А. [и др.] Интеграция ино-культурных мигрантов: перспективы интеркультурализма. – Москва : Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук, 2018. – 233 с. – ISBN 978-5-9535-0538-3. – DOI 10.20542/978-5-9535-0538-3. – EDN HUBTMP.
10. Berry J. W. Immigration, Acculturation, and Adaptation // *Applied Psychology: An International Review*. 1997. Vol. 46 (1). P. 5–34.

References:

1. Berry, J. W. (1997). Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, no. 46 (1), pp. 5–34.
2. Dmitriev, A. V., Sleptsov, N. S. (2004) Migration Conflicts. – Moscow: Alfa-M, 224 p. (in Russ.).
3. Drobizheva L. M. (2003) Social Problems of Interethnic Relations in Post-Soviet Russia. – М.: Center for Universal Human Values, 376 p. EDN: QOTVJZ (in Russ.).
4. Kireev, A. A. Border Policy of Russia in the Far East: Dynamics of Tasks and Results. *Problems of the Far East*, 2017, no. 3, pp. 95–108. EDN: YRXTVZ (in Russ.).
5. Malakhov, V. S. (2015) Integration of Migrant Workers. Concepts and Practices: Monograph: Publishing House of the Liberal Mission Foundation, 272 p. (in Russ.).
6. Motrich, E. L. Demographic Situation in the Russian Far East: Main Trends and Challenges. *Narodonaselenie*, 2016, no. № 1-1, pp. 25–33. (29). EDN: VWEUEN (in Russ.).
7. Mukomel, V. I. Integration of Migrants: Challenges, Policies, Social Practices. *Universe of Russia*, 2011, no. 1, pp. 34–50. (40). EDN: NUEKPH (in Russ.).
8. Nozhenko, M. V. Ethnic Migrants in the Metropolis: Integration Challenges. *Social Sciences and Contemporary World*, 2018, no. 4, pp. 115–128. DOI: 10.31857/S086904990000370-9 EDN: YAMMNV (in Russ.).
9. Tishkov, V. A. Requiem for the Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology. – М.: Nauka, 2003. – 544 p. ISBN: 5-02-008820-X EDN: RAOEBN (in Russ.).
10. Tsapenko, I. P., Grishin, I. V., Preobrazhenskaya, A. A. [et al.] (2018) Integration of foreign-culture migrants: prospects for interculturalism. – Moscow: Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 233 p. ISBN 978-5-9535-0538-3. DOI 10.20542/978-5-9535-0538-3. EDN-HUBTMP (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 28.10.2025; принята к публикации 30.10.2025.

The article was submitted 22.09.2025; approved after reviewing 28.10.2025; accepted for publication 30.10.2025.

Информация об авторе

И. Ф. Касич – старший преподаватель кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

I. F. Kacich – Senior lecturer, Department of Management and Public Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Far-Eastern Institute of Management – branch of RANEPA.

Научная статья
УДК 303.09:374.32
<https://elibrary.ru/WGFSDW>

Когнитивная модель формирования исторической памяти молодежи: методические аспекты

Николай Сергеевич Мартышенко

Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия
martishenko.ns@gmail.com

Аннотация. В статье поднимается проблема повышения уровня исторической памяти молодежи, которая в современных условиях имеет высокую практическую значимость. Актуальность данного исследования вызвана необходимостью разработки методов формирования исторической памяти молодежи. Основным сдерживающим фактором развития таких методов является необходимость использования междисциплинарного подхода. В последние годы для анализа плохо структурированных систем, каковой является система формирования исторической памяти молодежи, получила распространение методология когнитивного моделирования. В работе предложена числовая когнитивная модель формирования исторической памяти молодежи. Определены два вида подпроцессов, влияющих на формирование исторической памяти молодежи: базовые подпроцессы и подпроцессы развития. Модель основана на количественных оценках уровня исторической памяти и каналов влияния базовых подпроцессов на подпроцессы развития исторической памяти молодежи. Количественные оценки параметров модели рассчитываются на основе данных опросов молодежной аудитории. Для более точного описания форм проявления исторической памяти в анкету были включены различные типы вопросов, около половины которых являются открытыми вопросами. Для согласования разнотипных данных потребовалась разработка специальных методов преобразования данных. На основе сопоставимых показателей исторической памяти молодежи определен интегральный критерий сформированности исторической памяти молодежи, который используется как для оценки текущего состояния исторической памяти, так и для прогнозирования изменения уровня исторической памяти в результате реализации инновационных проектов. Прогнозирование изменения уровня исторической памяти строится на основе экспертных оценок изменения структуры базовых подпроцессов. Когнитивная модель позволяет обосновать выбор инновационных проектов, обеспечивающих целенаправленное повышение уровня исторической памяти молодежи.

Ключевые слова: историческая память, молодежь, анкетный опрос, показатели исторической памяти, индикаторы исторической памяти, когнитивная модель, управление

Для цитирования: Мартышенко, Н. С. Когнитивная модель формирования исторической памяти молодежи: методические аспекты // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 4 (113). С. 156–169. EDN: WGFSDW

Original article

Cognitive Model for the Historical Memory of Youth Formation: Methodological Aspects

Nikolay S. Martysenko

The Vladivostok State University, Vladivostok, Russia.

martishenko.ns@gmail.com

Abstract. *The paper is devoted to the problem of increasing of the historical memory of youth level having practical significance. The relevance of the study is caused by the need to develop quantitative methods for the historical memory of youth formation. The main obstacle to the development of such methods is the need for an interdisciplinary approach. In recent years, the methodology of cognitive modeling has become widespread for the analysis of poorly structured systems, such as the system of the historical memory of youth formation. The author proposes a numerical cognitive model for the historical memory of youth formation. Two types of sub-processes have been identified that affect the formation of the historical memory of youth: basic sub-processes and sub-processes of development. The model is based on quantitative estimates of the level of historical memory and the channels of influence of basic sub-processes on sub-processes of development of the historical memory of youth. Quantitative estimates of the model parameters are calculated on the basis of surveys of the youth audience. To better describe the forms of historical memory, various types of questions are included in the survey, about half of such questions are open-ended. For matching different types of data, it is necessary to develop special methods of data transformation. Basing on comparable indicators of the historical memory of youth, an integral criterion of the historical memory of youth formation has been determined, which is used to assess the current state of historical memory and to predict changes in the level of historical memory as a result of the implementation of innovative projects. Forecasting changes in the level of historical memory is based on expert assessments of changes in the structure of basic sub-processes. The cognitive model allows to justify the choice of innovative projects that ensure a targeted increase in the level of historical memory of youth.*

Keywords: *historical memory, youth, survey, indicators of historical memory, cognitive model, management*

For citation: Martysenko, N. S. (2025) Cognitive Model for the Historical Memory of Youth Formation: Methodological Aspects. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 4 (113), pp. 156–169. EDN: WGFSDW

Введение

В последние годы наблюдается осознание политической и социальной роли исторической памяти и необходимости разработки национально-ориентированной стратегии повышения уровня исторической памяти молодежи. Практическая значимость исторической памяти проявляется в содействии консолидации российского общества, восстановлении межпоколенческого взаимодействия и в сохранении традиционных ценностей.

В условиях глобализации и цифровизации историческая память становится инструментом формирования национальной идентичности и мягкой силы. Государства, общественные организации и медиа активно конкурируют за контроль над нарративами прошлого.

На формирование мировоззрения современной молодежи России огромное влияние оказывают социальные сети. По данным Росстата, молодые люди в России в возрасте 18–24 года затрачивают на общение в соцсетях от 3 часов 45 минут до 5 часов 30 минут в день¹ [Беспалова 2024]. При этом глобальный средний показатель составляет 2 часа 24 минуты в день.

В современных условиях традиционные методы передачи исторического знания трансформируются, что требует разработки инновационных проектов, направленных на повышение уровня исторической памяти молодежи.

Цель исследования: разработка когнитивной модели формирования исторической памяти молодежи, позволяющей формировать, сохранять, наилучшим образом развивать историческую память молодежи и обосновывать выбор инновационных проектов, обеспечивающих максимальное повышение уровня исторической памяти молодежи.

Для достижения цели ставятся следующие задачи:

1. Разработать концептуальную мо-

дель, определяющую каналы влияния базовых подпроцессов на развитие исторической памяти молодежи;

2. На основе данных анкетных опросов произвести количественную оценку условных вероятностей переходов между состояниями базовых подпроцессов и подпроцессов развития;

3. Разработать методику построения когнитивной модели формирования исторической памяти молодежи, позволяющей осуществлять выбор инновационных проектов, обеспечивающих максимальное повышение уровня исторической памяти молодежи.

Объектом исследования является процесс формирования исторической памяти молодежи.

Предметом исследования является когнитивная модель формирования исторической памяти молодежи.

Обзор литературы

В ряде работ [Болтырова, 2022; Мерзлякова, 2024] рассматривается проблематика сохранения исторической памяти молодежи как одной из управленческих приоритетов государства. Цели, основные принципы и механизмы реализации государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения определены в Указе Президента РФ «Об утверждении государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»².

В статьях Г. В. Гореловой [Горелова, 2021] и В. В. Фещенко [Фещенко, 2018] когнитивный менеджмент рассматривается как одно из инновационных направлений менеджмента. В работе В. Г. Антонова и М. В. Самосудова [Антонов, Самосудов, 2018] доказывается возможность и целесообразность в современных условиях введения точных (расчетных) методов в управление социальными системами.

В статье О. И. Горбаневой, А. Д. Мурзина, Г. А. Угольницкого [Горбанева, Мурзин, Угольницкий, 2022] рассмотре-

¹ Росстат. Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija>, (дата обращения: 16.05.2025).

² Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» – Режим доступа: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001> (дата обращения: 16.05.2025).

на методология когнитивного моделирования при различных типах управления. Приведен краткий обзор работ в указанной области. В статье С. А. Туменовой [Туменова, 2022] приведены результаты критического анализа научно-методологических и инструментальных проблем применения технологий когнитивного управления.

В работе В. Е. Реутова [Реутов, 2018] выделены и описаны этапы разработки когнитивной модели выбора проектов при формировании федеральных целевых программ.

В работах А. А. Захаровой, А. Г. Подвесовского, Р. А. Исаева [Захарова, Подвесовский, Исаев, 2020], А. А. Солодова и В. М. Трёмбач [Солодов, Трёмбач, 2019] описан опыт применения когнитивных моделей при решении практических задач исследования стратегий управления социально-экономическими системами.

В статье В. В. Борисовой [Борисова, 2023] автор обращает внимание на недостаточное распространение инструментария когнитивных технологий в решении практических задач стратегического управления. И. В. Арженковский и А. В. Дахин [Арженковский, Дахин, 2020] приходят к аналогичному выводу, утверждая, что имеющийся научный потенциал когнитивного моделирования требует своей адекватной имплементации на практике.

Работ по исследованию исторической памяти, основанных на социологических опросах, крайне мало. Примерами таких работ являются работы В. Э. Бойкова [Бойков, 2011], А. Н. Покиды и Н. В. Зыбуновской [Покида, Зыбуновская, 2016], Н. М. Бровчука [Бровчук, 2023].

Следует отметить основные проблемы, которые сдерживают развитие моделей управления исторической памятью молодежи: создание модели управления исторической памятью молодежи требует междисциплинарного подхода; отсутствие критериев оценки управленческих решений, направленных на повышение уровня исторической памяти молодежи.

Методы и материалы

Исходные данные, использованные для разработки когнитивной модели

Исходными данными для разработки когнитивной модели послужили данные

онлайн-опросов молодежной аудитории. Анкетные опросы проводились в течение 2023 г., 2024 г. и 2025 г. В опросах приняли участие 2652 респондента, большинство из которых – студенты вузов Приморского края. Молодые люди в возрасте до 25 лет составляют 99% опрошенных. Доля респондентов в возрасте от 19 до 22 лет – 85%.

Анкета включает 60 вопросов, объединенных в восемь блоков, что соответствует количеству форм проявления исторической памяти [Мартышенко, 2023]. Для количественной оценки форм проявления исторической памяти служат индикаторы оценки уровня исторической памяти.

Специфика анкеты состоит в том, что она включает около 50% открытых вопросов. Открытые вопросы анкеты предполагают несколько вариантов ответов, т. е. каждый ответ может быть представлен несколькими простыми ответами. Были использованы два варианта открытых вопросов. Первый вариант вопроса требует указать фамилию известной исторической личности, наиболее значимые сражения, знаковые историко-культурные памятники и т. п. Теоретически список возможных вариантов ответов на такие вопросы ограничен. Второй вариант ответов предполагает выражение мнения или оценки респондентом исторических событий или явлений в произвольной текстовой форме.

Анкета включает около 40% вопросов, предполагающих ответы в шкале Лайкерта. Эти вопросы требуют ответа в словесной шкале Лайкерта. Шкалу Лайкерта еще называют шкалой мнений. В таких вопросах содержится список ответов, отражающий некоторое качество, упорядоченное от высшей степени проявления к низшей или степень согласия. Таким ответам можно поставить в соответствии числовые значения в виде рангов. Чаще всего используется пятиранговая шкала. К ранговой шкале могут быть преобразованы вопросы с тремя градациями ответов или даже с двумя (ответы – «да», «нет»). Для сопоставимости ответов на вопросы с разным количеством градаций в рамках одного индикатора считается, что все вопросы имеют пять градаций, только некоторые градации не

встречались в ответах респондентов.

Остальные 10% – это вопросы множественного выбора. В ответах на такие вопросы респондент должен выбрать несколько ответов из приведенного списка простых ответов, т. е. один ответ содержит несколько простых ответов, разделенных некоторым разделительным знаком или символом. В ответах допускается не более трех простых ответов. Ключевыми словами здесь являются «основные» или «наиболее соответствующим» и т. п.

Когнитивная модель управления исторической памятью молодежи

Для построения когнитивной модели необходимо предварительно произвести преобразование данных анкетных опросов к структурированному виду.

Решение задач на этом этапе основывается на теоретических положениях, получивших описание в публикациях автора [Мартышенко, 2024], в которых определен понятийный аппарат, необходимый для моделирования процесса формирования исторической памяти молодежи, а именно, определены такие понятия: формы проявления исторической памяти молодежи, индикаторы и показатели уровня исторической памяти, структура молодежного сегмента по уровню исторической памяти.

В ранее опубликованных работах автора рассмотрены методики решения следующих задач [Мартышенко, 2025]:

1. Преобразование данных анкетного опроса к числовому структурированному представлению;

2. Оценка уровня исторической памяти респондентов по индикаторам форм проявления исторической памяти. Уровни исторической памяти определялись с помощью метода многомерной классификации показателей, характеризующих каждый индикатор.

Кроме того, в предыдущих публикациях автора обосновано положение, утверждающее целесообразность выделять три уровня исторической памяти по индикаторам. Оценки от 1 до 3 соответствуют понижению уровня качества.

Введем в рассмотрение подпроцессы, влияющие на процесс формирования исторической памяти молодежи (рис. 1).

Подпроцессы ассоциируются с соот-

ветствующими формами проявления и индикаторами исторической памяти.

Подпроцессы подразделяются на две группы: базовые подпроцессы (БП); подпроцессы развития (ПР).

Базовые подпроцессы отвечают за формирование механизмов воздействия на историческую память: развитие источников информации, используемых для трансляции исторических знаний (БП1); стимулирование интереса к сохранению истории своей семьи (БП2).

Подпроцессы развития – это управляемые процессы, зависимые от базовых подпроцессов. Эти подпроцессы отражают результативность управления.

Процессы развития тоже разделяются на две подгруппы: формирования знаний по объектам исторической памяти (ПР1, ПР2, ПР3); формирования отношения к событиям, влияющим на формирование исторической памяти (ПР4, ПР5, ПР6).

Связи между базовыми подпроцессами и подпроцессами развития отражают каналы влияния, которые обозначены стрелками на рис. 1.

Управление осуществляется путем реализации инновационных проектов, воздействующих на базовые подпроцессы. Базовые подпроцессы в свою очередь влияют на процессы развития, которые определяют уровень развития исторической памяти молодежи. Как правило, инновационные проекты инициируются государственными структурами или поддерживаются государством. Примером государственного проекта является проект реформы образовательной системы. В качестве примеров проектов, поддерживаемых государством, можно привести движение «Бессмертный полк» и другие патриотические движения.

При выработке управленческих решений необходимо учитывать состояние внешней среды и имеющиеся материальные и нематериальные ресурсы. К внешней среде относятся действующие и планируемые проекты, направленные на повышение уровня исторической памяти молодежи. Поскольку в конечной когнитивной модели эти блоки отсутствуют, связь с этими блоками на схеме обозначена пунктирной линией.

Концептуальная модель служит осно-

Рис. 1. Концептуальная модель взаимодействия подпроцессов управления исторической памятью молодежи

вой для разработки количественной когнитивной модели. Количественная модель основывается на данных опросов молодежи. Эти данные используются для количественной оценки параметров каналов влияния базовых подпроцессов на подпроцессы развития. Такая модель позволяет обосновывать принятие управленческих решений. Принятие решения состоит в выборе инновационных проектов на основе прогноза изменения критерия уровня сформированности исторической памяти в результате реализации того или иного инновационного проекта.

Для формализованного описания количественной когнитивной модели введем ряд обозначений:

дем ряд обозначений:

i – номер анкеты в выборке, $i = \overline{1, n}$;

n – количество анкет в выборке;

y_i^1, y_i^2 – количественные оценки индикаторов форм проявления исторической памяти базовых подпроцессов для i -го респондента, $i = \overline{1, n}$;

x_i^j – количественная оценка индикатора формы проявления исторической памяти, соответствующей j -му подпроцессу развития для i -го респондента, $i = \overline{1, n}$; $j = \overline{1, 6}$.

Количественные оценки индикаторов форм проявления исторической памяти рассчитываются на основе данных анкетных опросов [Мартышенко, 2024].

Количественная оценка каждого индикатора задается номером кластера, к которому относится i -й респондент по j -й форме проявления, т. е. оценки индикаторов могут принимать значения от 1 до 3. Количественные оценки индикаторов определяют возможные состояния подпроцессов.

Частные критерии сформированности исторической памяти по каждому респонденту определяются по формуле 1:

$$w_i = \sum_{j=1}^{j=6} f_j x_i^j, \quad (1),$$

где f_j – весовые коэффициенты значимости подпроцессов развития;

j – номер подпроцесса развития, $i = \overline{1, n}$; $j = \overline{1, 6}$.

Весовые коэффициенты f_j определяются экспертно. Если нет особых оснований подчеркнуть значимость какого-либо индикатора, то все коэффициенты принимают равные значения (1/6). Значения частного критерия w_i принимает значение от 1 до 3. Значение 1 соответствует наиболее высокому уровню исторической памяти.

Общий критерий сформированности исторической памяти молодежи W рассчитывается по формуле 2:

$$W = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^{i=n} w_i, \quad (2).$$

При f_j критерий W будет равен среднему арифметическому значений количественных оценок индикаторов исторической памяти подпроцессов развития по всей выборке.

Рассмотрим методику построения количественной когнитивной модели.

Цель построения количественной модели состоит в построении прогноза значений критерия сформированности исторической памяти молодежи W при реализации различных инновационных проектов. Это позволяет осуществлять выбор инновационных проектов, обеспечивающих максимальное повышение уровня исторической памяти молодежи.

В начале рассмотрим вариант модели с одним базовым подпроцессом (БП1), а затем распространим его на более общий случай.

Количественную когнитивную модель можно получить из концептуальной модели при разворачивании каналов влияния на уровень состояний. Всего в такой модели будет 54 связи. Поскольку полная схема такой модели достаточно громоздкая рассмотрим отдельный фрагмент такой модели (рис. 2).

Введем в рассмотрение матрицу $D_j (j = \overline{1, 6})$ условных переходов из состояний базового подпроцесса в состояния j -го подпроцесса развития (3):

$$D_j = \begin{bmatrix} d_{11} & d_{12} & d_{13} \\ d_{21} & d_{22} & d_{23} \\ d_{31} & d_{32} & d_{33} \end{bmatrix} \quad (3).$$

Элементы матрицы определяют количество респондентов, для которых оценки индикаторов базового подпроцесса принимает значение k , а оценки индикатора j -го подпроцесса развития принимает значение r . То есть элемент матрицы d_{kr} – абсолютная частота встречаемости в выборке пары значений, $(y_i^1 = k, x_i^j = r)$, $k = \overline{1, 3}$; $r = \overline{1, 3}$. Сумма всех элементов матрицы D_j равна объему выборки n (4):

$$\sum_{k=1}^3 \sum_{r=1}^3 d_{kr} = n \quad (4).$$

Количество респондентов, имеющих оценки индикаторов базового подпроцесса, равные k ($k = \overline{1, 3}$), определяем по формуле 5:

$$n_k^1 = \sum_{r=1}^3 d_{kr} \quad (5).$$

Структура базового подпроцесса БП1 определяется относительными частотами состояний базового подпроцесса $P^1(k)$, $k = \overline{1, 3}$. Эти оценки рассчитываются по формуле 6:

$$P^1(k) = \frac{n_k^1}{n} \quad (6).$$

Очевидно, что $P^1(k)$ не зависит от j .

Для характеристики связей между состояниями базового подпроцесса и состояниями подпроцессов развития введем количественную метрику связи, определяющую степень влияния базового подпроцесса на подпроцессы развития. Степень влияния базового подпроцесса

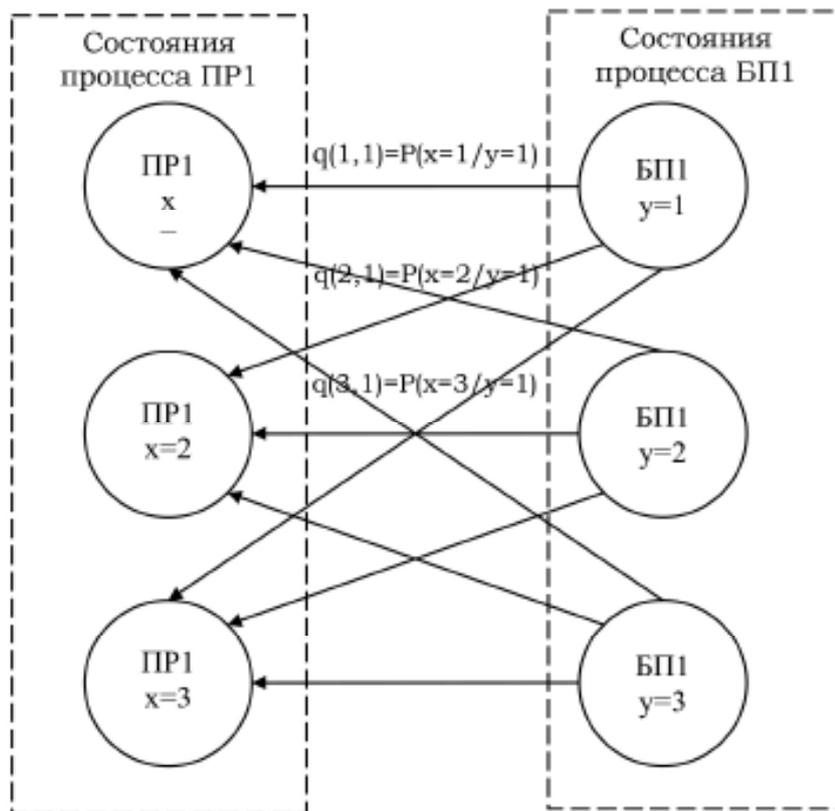

Рис. 2. Фрагмент количественной когнитивной модели

на подпроцессы развития определяется матрицами Q_j (7):

$$Q_j = \begin{bmatrix} q_{11} & q_{12} & q_{13} \\ q_{21} & q_{22} & q_{23} \\ q_{31} & q_{32} & q_{33} \end{bmatrix} \quad (7).$$

Элементы матрицы Q_j рассчитываются на основе матрицы условных переходов D_j . Они определяют долю респондентов, которые перешли из состояния k по базовому подпроцессу в состояние r по j -му подпроцессу развития. Элементы матрицы q_{kr} рассчитываются по формуле 8:

$$q_{kr} = \frac{d_{kr}}{\sum_{r=1}^{j-3} d_{kr}} \quad (8).$$

Теперь можно перейти к расчету общего критерия сформированности исторической памяти молодежи на момент проведения исследований. Для этого введем в рассмотрение матрицу Ω условных средних оценки индикаторов форм проявления исторической памяти подпроцессов развития, формула 9:

$$\Omega = \begin{bmatrix} \omega_{11} & \omega_{12} & \omega_{13} & \omega_{14} & \omega_{15} & \omega_{16} \\ \omega_{21} & \omega_{22} & \omega_{23} & \omega_{24} & \omega_{25} & \omega_{26} \\ \omega_{31} & \omega_{32} & \omega_{33} & \omega_{34} & \omega_{35} & \omega_{36} \end{bmatrix} \quad (9).$$

Элементы матрицы ω_{kj} рассчитываются по формуле 10:

$$\omega_{kj} = \frac{\sum_{\substack{r=1 \\ \text{при } y_i=x}}^j v_i x_i^j}{n_k} \quad (10).$$

Тогда общий критерий сформированности исторической памяти молодежи можно рассчитать по формуле 11:

$$W = \sum_{j=1}^{j-3} \sum_{k=1}^{k=3} p^1(k) \omega_{kj} \quad (11).$$

Формирование результативной стратегии управления исторической памятью молодежи состоит в выборе инновационных проектов, которые приводят к повышению уровня исторической памяти. Выбор проектов можно осуществить с помощью рассмотренной когнитивной модели.

Принцип сравнения инновационных проектов состоит в том, что для отдельных проектов оценивается прогноз критерия сформированности исторической памяти, который ожидается в результате

реализации проекта. Реализация проекта приводит к изменению структуры молодежной аудитории по уровню исторической памяти базового подпроцесса. То есть под воздействием проектов происходит перераспределение частот $P^1(k)$. Спрогнозировать новую структуру можно на основе опроса группы из s экспертов.

Новое состояние системы будет иметь структуру, описываемую частотами $P^{1,0\text{эксп}}(k)$, которая оценивается в результате осреднения оценок экспертов (12):

$$P^{1,0\text{эксп}}(k) = \frac{\sum_{t=1}^{t=s} P_t^{1,0\text{эксп}}(k)}{s} \quad (12),$$

где s – количество экспертов;
 t – номер эксперта, $t = \overline{1, s}$.

Предполагая, что условные средние ω_{kj} сохранятся и при новой структуре, критерий сформированности исторической памяти после реализации нового проекта можно оценить по формуле 13:

$$W_{\text{проект}} = \sum_{j=1}^{j=6} \sum_{k=1}^{k=3} P^{1,0\text{эксп}}(k) \omega_{kj} \quad (13).$$

Обобщение модели на случай двух

управляющих базовых подпроцессов приводит только к увеличению размерности модели. Учитывая взаимное влияние базовых подпроцессов, вместо трех состояний базового подпроцесса рассматривается девять состояний. Состояния подпроцессов включают все комбинации обоих базовых подпроцессов. Всего в полной модели с двумя базовыми подпроцессами будет 162 связи.

Апробация модели

Для апробации модели использовались данные социологических опросов, которые проводились в течение 2023 г., 2024 г. и 2025 г. (всего 2652 анкеты).

Схема преобразования данных анкетного опроса к числовому представлению представлена на рисунке 3.

В соответствии со схемой преобразования данных производится в два этапа.

На первом этапе ответы на вопросы преобразуются к числовому представлению. Для этого использовались разработанные автором методы преобразования различных типов вопросов. Каждому ответу на вопрос ставится в соответствие

Рис. 3. Укрупненная схема преобразования данных анкетного опроса к числовому структурированному представлению

определенный числовой показатель. Группа показателей составляет числовой вектор индикатора, связанного с определенным подпроцессом.

На втором этапе производится классификация многомерных значений каждого индикатора. В результате для каждого значения индикатора определяется номер кластера. В предыдущих публикациях автора обосновывается целесообразность разделения индикаторов на три класса. Результаты классификации индикаторов служат исходными данными, используемыми для расчета характеристик когнитивной модели (табл. 1).

Рассмотрим пример расчета основных характеристик когнитивной модели. Для наглядности рассмотрим вариант когнитивной модели с одним базовым подпроцессом БП1.

Результаты расчета степени влияния базового подпроцесса ПБ1 на подпроцесс развития ПР1 при различных состояниях подпроцессов представлены в таблице 2. Аналогичные расчеты были выполнены для всех подпроцессов развития.

Средние оценки индикаторов формирования исторической памяти подпроцессов развития представлены в таблице 3.

На основе промежуточных расчетов характеристик модели рассчитан общий критерий сформированности исторической памяти молодежи на момент сбора

данных $W=2,117$.

Для оценки изменения критерий сформированности исторической памяти молодежи в результате реализации инновационного проекта выбран гипотетический проект «Поддержка производства художественных фильмов по исторической тематике». Такое производство требует больших временных и материальных затрат. В настоящее время государственное финансирование производства всей кинопродукции составляет около 10%. Необходимо учитывать, что государственная поддержка состоит не только в финансировании производства, но включает другие формы поддержки.

Эксперты дали свой прогноз изменения структуры базового подпроцесса в результате реализации программы в течение пяти лет. На основе оценок экспертов были рассчитаны средние значения оценок $P^{1,2,3,4}(k)$: 38%; 41%; 20%. Прогнозируемое значение критерия сформированности исторической памяти молодежи в результате реализации проекта $W_{\text{проект}}=1,963$. То есть в результате реализации проекта ожидается улучшение исторической памяти молодежи на 7,2%:

$$\frac{(W - W_{\text{проект}})/W}{(2,117 - 1,963)/2,117} = 7,2 \quad (14).$$

Таблица 1

Исходные данные, используемые для построения числовой когнитивной модели

№	Базовые подпроцессы		Подпроцессы развития					Критерий сформированности w_1
	x_1^1	x_2^1	x_1^2	...	x_1^3	...	x_1^4	
1	1	3	2	...	2	...	3	1,33
2	2	1	1	...	1	...	2	1,17
3	3	2	2	...	2	2,67
...
2651	1	2	1	...	2	...	3	2,83
2652	3	2	2	...	3	...	1	1,50

Источник: составлено автором.

Таблица 2

Оценки степени влияния базового подпроцесса ПБ1
на подпроцесс развития ПР1

10,5	$P^1(k)$	Составные подпроцесса ПР1 матрица Q_1			
		1	2	3	Сумма
1	0,24	0,50	0,42	0,08	1
2	0,46	0,17	0,52	0,30	1
3	0,30	0,00	0,13	0,87	1

Источник: составлено автором.

Таблица 3

Средние оценки индикаторов форм проявления исторической памяти
подпроцессов развития

Составные базового подпроцесса ПБ1	$P^1(k)$	Увеличенные оценки подпроцессов развития					
		Q_{11}	Q_{12}	Q_{13}	Q_{14}	Q_{15}	Q_{16}
1	0,24	1,56	1,33	1,25	1,17	1,17	1,83
2	0,46	2,13	2,17	2,13	2,22	2,00	2,04
3	0,30	2,87	2,53	2,60	2,73	2,80	2,67

Источник: составлено автором.

Такой прогноз можно признать вполне удовлетворительным и проект можно рекомендовать к реализации.

Обсуждение

Осознание важности повышения уровня исторической памяти молодежи приводит к появлению инновационных проектов, задействующих различные механизмы формирования исторической памяти. Однако проекты не учитывают существующую структуру молодежной аудитории по уровню исторической памяти. Недостаточно внимания уделяется разработке количественных оценок результативности воздействия проектов на молодежную аудиторию.

Когнитивное моделирование является относительно новым методом исследования социально-экономических систем. Когнитивные модели для выработки стратегии управления исторической памятью до сих пор не применялись.

В большинстве когнитивных моделей социально-экономических систем связи между элементами модели оцениваются на основе когнитивных карт. В предложенной модели связи оцениваются на

основе условных вероятностей переходов, рассчитываемых на основе данных анкетных опросов большого количества респондентов. При обработке данных анкетных опросов был решен ряд проблем методического характера, связанный с преобразованием данных различной природы к числовому виду. Важно отметить, что оценки состояний уровня исторической памяти респондентов по подпроцессам были получены в результате многомерной классификации показателей, характеризующих индикаторы исторической памяти.

Среди проблем, связанных с практическим применением предложенной модели, можно выделить проблему подбора квалифицированных экспертов, которые способны оценить влияние инновационных проектов на структуру молодежной аудитории по уровню исторической памяти. Наибольшие затруднения испытывают эксперты при одновременном учете нескольких базовых подпроцессов. Снизить трудность в работе экспертов в этом случае позволяет использование специальных форм EXCEL, в которых в режиме

реального времени (при заполнении формы экспертом) рассчитывается ряд сопутствующих показателей системы, основанных на данных, вводимых экспертом. Это позволяет эксперту при выработке оценок проводить некоторый эксперимент и избегать противоречий. В дальнейшем предполагается развивать технологию интерактивного формата общения с экспертами, привлекаемыми на различных этапах построения когнитивной модели.

Повысить точность прогнозов эффективности перспективных проектов предполагается путем развития методов формализации описания проектов, направленных на повышение уровня исторической памяти молодежи, основываясь на выделенных подпроцессах.

Заключение

В рамках данного исследования предложена методика разработки числовой когнитивной модели, предназначенной для обоснования решений, направленных

на повышение уровня исторической памяти молодежи.

В работе определены понятия базовых подпроцессов и подпроцессов развития. Количественное описание каналов влияния базовых подпроцессов на подпроцессы развития рассчитываются на основе условных вероятностей переходов между состояниями подпроцессов. Также сформулирован интегральный показатель (в виде количественного критерия) сформированности исторической памяти молодежи, который объединяет в себе все индикаторы исторической памяти.

На основе исследования процесса формирования исторической памяти молодежи с помощью модели можно выявить проблемы, которые могут быть разрешены при построении новых инновационных проектов, реализация которых приведет к целенаправленному изменению структуры молодежной аудитории по уровню исторической памяти.

Список источников:

1. Антонов, В. Г., Самосудов М. В. Проблемы и перспективы развития цифрового менеджмента // E-Management. 2018. Т. 1, № 2. С. 38–48. DOI 10.26425/2658-3445-2018-2-38-48 EDN: ZHUVJE

2. Арженовский, И. В., Дахин А. В. Когнитивная регионология: опыт моделирования региональных социально-экономических процессов // Регионология. 2020. Т. 28, № 3 (112). С. 470–489. DOI 10.15507/2413-1407.112.028.202003.470-489 EDN: GNYRRL

3. Беспалова, О. С., Сайганова, Е. В. Влияние социальных сетей на молодое поколение: социологический анализ // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2024. № 2(102). С. 135–136. EDN: HJALFA

4. Бойков, В. Э. Историческая память в современном российском обществе: состояние и проблемы формирования // Социология власти. 2011. № 5. С. 44–52. EDN: OIHKYB

5. Болтырова, Т. М. Государственная политика по сохранению исторической памяти граждан Российской Федерации // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2022. № 2(45). С. 82–84. DOI 10.24412/2071-7830-2022-245-82-84 EDN: WEUCVK

6. Борисова, В. В. О возможностях когнитивного моделирования в задачах стратегического управления // Инновации и инвестиции. 2023. № 4. С. 117–122. EDN: FFAOKI

7. Бровчук, Н. М. Историческая память населения Беларуси в социологическом измерении // Вестник Брестского университета. Серия 1: Философия. Политология. Социология. 2023. № 2. С. 100–108. EDN: FYNPMM

8. Горбанева, О. И., Мурзин А. Д., Угольницкий Г. А. Математическая постановка задач управления на когнитивных моделях // Проблемы управления. 2022. № 5. С. 25–39. DOI 10.25728/ru.2022.5.3. EDN: BVAAWM

9. Горелова, Г. В. Когнитивное моделирование сложных систем: состояние и перспективы // Системный анализ в проектировании и управлении: Сборник научных трудов XXV Международной научной и учебно-практической конференции. В 3-х частях, Санкт-Петербург, 13–14 октября 2021 года. Том Часть 1. – Санкт-Петербург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,

2021. С. 224–248. DOI 10.18720/SPBPU/2/id21-66.

10. Захарова, А. А., Подвесовский А. Г., Исаев Р. А. Нечеткие когнитивные модели в управлении слабоструктурированными социально-экономическими системами // Информационные и математические технологии в науке и управлении. 2020. № 4 (20). С. 5–23. DOI 10.38028/ESI.2020.20.4.001 EDN: PDPPAJ.

11. Мартышенко, Н. С. Методический подход к анализу разнотипных качественных данных при оценке исторической памяти в молодежной среде // Экономика и управление. 2024. Т. 30. № 11. С. 1376–1392. DOI: 10.35854/1998-1627-2024-11-1376-1392 EDN: FOXZNX

12. Мартышенко, Н. С. Методика оценки структуры молодежного сегмента по уровню исторической памяти // Вестник академии знаний. 2025. № 1 (66). С. 824–833. EDN: ULRIFB

13. Мартышенко, Н. С. Разработка системы показателей оценки исторической памяти студенческой молодежи. Наука, меняющая жизнь: сборник материалов национального научного форума магистрантов, аспирантов и молодых учёных (г. Владивосток, 19–20 июня 2023 г.). – Владивосток: Изд-во ВВГУ, 2023 С. 185–188.

14. Мерзлякова, И. А. Историческая память как фактор формирования государственности современной России // Историко-педагогические чтения. 2024. № 28. С. 192–197. EDN: IJPQQB

15. Покида, А. Н., Зыбуновская Н. В. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) // Социологические исследования. 2016. № 3 (383). С. 98–107. EDN: VXVZSV

16. Реутов, В. Е., Зиневич, С. А. Когнитивное моделирование как инструмент оценки эффективности федеральных целевых программ // Инновационное развитие экономики. 2018. № 6–1 (48). С. 51–58. EDN: VSWCGK

17. Солодов, А. А., Трембач В. М. Разработка и использование модели когнитивной системы для решения задач целенаправленного поведения // Статистика и Экономика. 2019. Т. 16. № 6. С. 77–86. DOI 10.21686/2500-3925-2019-6-77-86 EDN: SMDVLZ

18. Туменова, С. А. Технологии когнитивного менеджмента в моделировании и управлении динамикой сложных социальных систем // Лидерство и менеджмент. 2022. Т. 9. № 4. С. 955–970. DOI 10.18334/lim.9.4.116369 EDN: GAUAQC

19. Фещенко, В. В. Когнитивный менеджмент и когнитивное моделирование: принципы, методы, функции // Экономика. Социология. Право. 2018. № 2 (10). С. 54–60. EDN: UTOQQX

References:

1. Antonov, V. G., Samosudov M. V. (2018) Problems and prospects of digital management development. *E-Management*, vol. 1, no. 2, pp. 38–48. DOI 10.26425/2658-3445-2018-2-38-48 EDN: ZHUVJE (in Russ.).

2. Arzhenovsky, I. V., Dakhin A. V. (2020) Cognitive regionology: the experience of modeling regional socio-economic processes. *Regionology*, vol. 28, no. 3 (112), pp. 470–489. DOI 10.15507/2413-1407.112.028.202003.470-489 EDN: GNYRYL (in Russ.).

3. Bepalova, O. S., Saiganova, E. V. (2024) The influence of social networks on the younger generation: a sociological analysis. *Current issues in the humanities and socio-economic sciences*, no. 2 (102), pp. 135–136. EDN: HJALFA (in Russ.).

4. Bojkov, V. E. (2011) Historical memory in modern Russian society: the state and problems of formation. *Sociology of power*, no. 5, pp. 44–52 EDN: OIHKYB (in Russ.).

5. Boltyrova, T. M. (2022) State policy on the preservation of the historical memory of Citizens of the Russian Federation. *Bulletin of the Institute for Comprehensive Research of Arid Territories*, no. 2 (45), pp. 82–84. DOI 10.24412/2071-7830-2022-245-82-84 EDN: WEUCVK (in Russ.).

6. Borisova, V. V. (2023) On the possibilities of cognitive modeling in strategic management tasks. *Innovation and investment*, no. 4, pp. 117–122 EDN: FFAOKI (in Russ.).

7. Brovchuk, N. M. (2023) Historical memory of the population of Belarus in the sociological dimension. *Newsletter of the Brestskaya University. Gray 1: Philosophy. Palitalogy*.

Satsiyalogiya, no. 2, pp. 100–108 EDN: FYNPMM (in Russ.).

8. Gorbaneva, O. I., Murzin A. D., Ugolnitsky G. A. (2022) Математическая постановка задач управления на когнитивных моделях. *Management problems*, no. 5, pp. 25–39. DOI 10.25728/pu.2022.5.3. EDN: BVAAWM (in Russ.).

9. Gorelova, G. V. (2021) Cognitive modeling of complex systems: state and prospects in System analysis in design and management: Proceedings of the XXV International Scientific and Educational-practical Conference. In 3 parts, St. Petersburg, October 13–14, 2021. Vol. Part 1. – St. Petersburg: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, pp. 224–248. DOI 10.18720/SPBPU/2/id21-66.(in Russ.).

10. Zakharova, A. A., Podesovsky A. G., Isaev R. A. (2020) Fuzzy cognitive models in the management of poorly structured socio-economic systems. *Information and mathematical technologies in science and management*, no. 4(20), pp. 5–23. DOI 10.38028/ESI.2020.20.4.001. EDN: PDPPAJ (in Russ.).

11. Martyshenko, N. S. (2024) A methodical approach to the analysis of different types of qualitative data in the assessment of historical memory among young people. *Economics and management*, vol. 30, no. 11, pp. 1376–1392. DOI: 10.35854/1998-1627-2024-11-1376-1392 EDN: FOXZNX (in Russ.).

12. Martyshenko, N. S. (2025) Methodology for assessing the structure of the youth segment by the level of historical memory. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, no. 1 (66), pp. 824–833. EDN: ULRIFB (in Russ.).

13. Martyshenko, N. S. (2023) Development of a system of indicators for assessing the historical memory of students. Life-changing science: a collection of materials from the National scientific forum of undergraduates, postgraduates and young scientists (Vladivostok, June 19-20, 2023). – Vladivostok: Publishing House of the All-Russian State University, pp. 185–188. (in Russ.).

14. Merzlyakova, I. L. (2024) Historical memory as a factor in the Formation of Modern Russian Statehood. *Historical and pedagogical readings*, no. 28, pp. 192–197. EDN: IJPQQB (in Russ.).

15. Pokida, A. N., Zybunovskaya N. V. (2016) The dynamics of historical memory in Russian society (based on the results of sociological monitoring). *Sociological research*, no. 3 (383), pp. 98–107. EDN: VXVZSV (in Russ.).

16. Reutov, V. E., Zinevich, S. A. (2018) Cognitive modeling as a tool for evaluating the effectiveness of federal targeted programs. *Innovative development of the economy*, no. 6–1(48), pp. 51–58. EDN: VSWCGK (in Russ.).

17. Solodov, A. A., Trembach V. M. (2019) Development and use of a cognitive system model to solve problems of purposeful behavior. *Statistics and Economics*, vol. 16, no. 6, pp. 77–86. DOI 10.21686/2500-3925-2019-6-77-86. EDN: SMDVLZ (in Russ.).

18. Tumenova, S. A. (2022) Cognitive management technologies in modeling and managing the dynamics of complex social systems. *Leadership and Management*, vol. 9, no. 4, pp. 955–970. DOI 10.18334/lim.9.4.116369. EDN: GAUAQC (in Russ.).

19. Feshchenko, V. V. (2018) Cognitive management and cognitive modeling: principles, methods, functions. *Economy. Sociology. Law*, no. 2(10), pp. 54–60. EDN: UTOQQX (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 09.06.2025; одобрена после рецензирования 14.11.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 09.06.2025; approved after reviewing 15.10.2025; accepted for publication 17.10.2025.

Информация об авторе

Н. С. Мартышенко – аспирант, Владивостокский государственный университет.

Information about the author

N. S. Martyshenko – graduate student, the Vladivostok State University.

Власть и управление на Востоке России

Научный журнал

2025 г. № 4 (113)

«ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ»
В ИНТЕРНЕТЕ

<http://vlastdviu.ru/>
<http://elibrary.ru/>
<https://e.lanbook.com/>
<http://cyberleninka.ru/>
www.worldcat.org
app.dimensions.ai

Дата выхода в свет – 30.12.2025 г.

Формат бумаги 60x84 1/8 А-4

Усл. печ. л. – 20,2

Учетн.-изд. л. – 25,0

Тираж – 500 экз.

Заказ № 12.

Свободная цена

Адрес издателя и типографии: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33
Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
Тел.: (4212)30-53-06, (4212)30-65-49; факс: (4212) 30-53-06 E-mail: rio-dviu@ranepa.ru
Web-сайт: <http://vlastdviu.ru/index.html>
